

НОВЫЙ

Российский писатель

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

№ 5 сентябрь 2023

В начале было Слово!

Союз российских писателей

**Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии
Основан в 2022 году**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александр МИШЕНКОВ –
член Союза российских писателей

Николай АЛЕШКОВ –
член Союза российских писателей

Галина БУЛАТОВА –
член Союза российских писателей

Владимир ПЛОТНИКОВ –
член Союза писателей России

Вячеслав ХАРИТОНОВ –
член Союза писателей России

Ирина ЕВДОКИМОВА –
ответственный секретарь

Рукописи принимаются документом
Word (шрифт – Times New Roman,
кегель 14, межстрочный интервал – 1)
на e-mail: agmishenkov1949@gmail.com

Файл называть своей фамилией,
в начале текста – краткие сведения об авторе,
электронный адрес, фото автора.
Решение о публикации принимается
редакционным советом альманаха.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

Маленький юбилей.....	5
«Унылая пора – очей очарованье!»	6
Владимир ВЕРОВ. <i>Клеветникам России</i>	7

Премия «ДИАС»

Галина БУЛАТОВА. <i>О Международной литературной премии «ДИАС»</i> ..	9
Елена АДИНЦОВА, Виктория СЕМИБРАТСКАЯ. <i>Ангел милосердия</i>	13
Ольга БАРАКАЕВА. <i>Аршалуйс и Верочка</i>	18
Виктория БЕЛЯЕВА. <i>Зимние яблоки</i>	22
Шахриза БОГАТЫРЁВА. <i>Дууа</i>	27
Дания ЖАНСИ. <i>Ното деус</i>	30
Алексей ЖУКОВ. <i>Тень ангела</i>	34
Алинда ИВЛЕВА. <i>Стерпится – слюбится</i>	39
Александр САВЧЕНКО. <i>Пусть он первый!</i>	44
Елена САФРОНОВА. <i>Феномен</i>	48
Наталья ТИМОФЕЕВА. <i>Муха</i>	53
Алла ШАКЛЕИНА. <i>Новый год с Набоковым</i>	58
Алексей ШАПОШНИКОВ. <i>Иван да Марья</i>	61
Алексей ШКУРАТ. <i>Плотник</i>	66

Оренбург и Новокуйбышевск

Евгений СЕМИЧЕВ. <i>Стихи</i>	69
Диана КАН. <i>Стихи</i>	86
Анастасия УСТИНОВА. <i>Стихи</i>	96
Дмитрий РОДИОНОВ. <i>Стихи</i>	99
Елена КУБАЕВСКАЯ. <i>Стихи</i>	107
Надежда ОСТРОУХОВА. <i>Стихи</i>	110
Александр ИСИМОВСКИЙ. <i>Стихи</i>	113

Проза

Вячеслав КОВАЛЬКОВ. <i>В случае победы – девку замуж</i>	117
Владимир ПЛОТНИКОВ. <i>Рассказы</i>	125
Татьяна ГОГОЛЕВИЧ. <i>Где-то под Тулой</i>	135
Николай ЮРЛОВ. <i>Иронические рассказы</i>	144
Александр РАЛОТ <i>Жизнь и удивительные злоключения ВИА</i>	156

Белорусские друзья

Сергей БЕЛАЯР. <i>Порфиrolemma. Фантастический рассказ</i>	164
Лидия ШИШКО. <i>Стихи</i>	172
Надежда АКУШКО. <i>Ах, какая женщина! Рассказ</i>	178
Екатерина СОБОЛЕВА. <i>Стихи</i>	185
Светлана КАЛЕНЧУКОВА. <i>Солнечный зайчик. Сказка</i>	189
Татьяна БЕСТУЖЕВА. <i>Импресси</i>	192
Екатерина ЛАРИОНОВА. <i>Отборочный этап. Рассказ</i>	194
Мария ЗАЙЦЕВА. <i>Царь ужей. Сказка</i>	206

Детство

Надежда ПОДЛЕСОВА. <i>Стихи. Сказка</i>	209
Олег КОРНИЕНКО. <i>Шаги за дверь. Рассказ</i>	215
Галина ЦЫПЛЁНКОВА. <i>Стихи</i>	217
Вячеслав ХАРИТОНОВ. <i>Стихи</i>	220
Наталья БОНДАРЕНКО. <i>Про цыганскую кибитку и обезьянку</i>	223
Галина МАШТАКОВА. <i>Стихи</i>	226

Дебют

Владимир ХАРИТОНОВ. <i>Рассказы</i>	233
---	-----

Наши постоянные авторы

Николай ЕРЁМИН. <i>Стихи</i>	241
Андрей ПУЧКОВ. <i>Рассказы</i>	244
Тамара ПИРОГОВА. <i>Новеллы</i>	251

МАЛЕНЬКИЙ ЮБИЛЕЙ

*Год взлёта и размаха
Крыл юных альманаха
Вячеслав ХАРИТОНОВ*

В ноябре прошлого года вышел в свет самый первый номер нашего электронного литературно-художественного альманаха прозы и поэзии «Новый российский писатель». Таким образом, нам исполняется ровно год, в течение которого редакционный совет испытывал немало разных эмоций в правильности выбранного шага. Но, как показала жизнь, наша задумка достигла своей цели, и альманах заметили и полюбили во всех уголках великой литературной России.

За это время вышло 5 номеров, в которых было опубликовано около двухсот авторов из самых разных уголков страны и зарубежья. Только в этом, юбилейном номере представлены авторы из России, Беларуси, Латвии. Наш альманах поддерживают известные литераторы, с радостью публикующие свои произведения на его страницах. Мы дружим с Тольятти и Оренбургом, Крымом и Краснодаром, Москвой и Санкт-Петербургом, Казанью и Уфой – всех не перечислить! Мы даём дорогу и начинающим дарованиям, а в скором времени выйдет номер, целиком составленный из произведений молодых, но, безусловно, талантливых авторов.

«Конечно, юбилеи бывают большие и малые, – считает Вячеслав Харитонов, член редколлегии нашего альманаха. – Несопоставимы, скажем, столетие журнала «Молодая гвардия» и скромная годовщина нашего электронного издания. Но для тех, кто участвовал в его создании или способствовал в меру своих сил его выходу в свет, это вне всякого сомнения событие значимое и незабываемое. Редактор и редсовет благодарят всех причастных к этому благому делу людей».

Редколлегия от всей души поздравляет всех наших друзей, авторов и читателей с днём рождения альманаха и первым маленьким юбилеем!

Вместе с вами мы постараемся сделать наш альманах достойным и популярным изданием!

«УНЫЛАЯ ПОРА – ОЧЕЙ ОЧАРОВАНИЕ...»

Вот и закончилось лето. На землю по-хозяйски пришёл сентябрь. Ночи становятся холоднее, и лишь дневное солнышко продолжает ласкаться отголосками летнего тепла. На небе плавают серые тучи, мелкий дождик всё чаще омывает землю прозрачными бусинками. Птицы собираются в стаи и улетают на юг, лес стоит молчаливый и грустный, будто сожалея, что скоро придётся сбросить зелёный наряд.

В такие дни в душу приходит светлая печаль. Мы окунаемся в размышления о смысле жизни, о месте человека на нашей прекрасной планете.

«Унылая пора – очей очарование!»

Эти пушкинские слова ёмко выражают всю прелесть золотой осени, и не зря множество поэтов всегда воспевали и воспевают величавую картину русской природы в это время года.

Осень – пора новых начинаний и учёбы, пора творческих находок в искусстве, поэзии, музыке и литературе.

Вычитывая почту, присылаемую в нашу редакцию, поражаюсь разнообразию тем и творческих находок, которые черпают писатели из кладовых русского языка. Это говорит о том, что литература жива и наполняет своей Божественной силой умы и сердца людей.

О том, что альманах становится популярным, говорят не только авторы, желающие напечатать в нём свои произведения, но и письма наших читателей.

Вот одно из таких писем:

Дорогая редакция! Признаться, я недоверчиво отнёсся к вашему изданию, но первые же страницы захватили меня настолько, что я с интересом прочитал все четыре номера альманаха. В библиотеку нашего села редко приходят литературные журналы и в них печатают только именитых авторов, а вы открываете дорогу начинающим писателям, даёте им надежду войти в большую литературу. Это заслуживает большого уважения – спасибо вам за альманах!..

Николай Сластен, с. Гусиный Брод.

Такие письма вдохновляют на дальнейшую работу и несут в себе позитивный настрой и уверенность в процветании русского языка и литературы в целом.

Александр МИШЕНКОВ,
главный редактор

Владимир ВЕРОВ

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Животный утоляя страх
Времён двенадцатого года,
Европа пляшет на костях
Ей ненавистного народа.

И грозный брит и грузный швед,
И галл, презрительно лукавый,
Плюют остервенело в след
Его тысячелетней славы.

И мутной злобою кипят,
За них попрятавшись блудливо,
Поляк спесивый, лит и лат,
Эстонец – пасынок залива.

Хохол с натуги ворот рвёт,
За ляхом тянется к европам,

Спеша за шнапс и бутерброд
Служить в неметчине холопом.

И мир вокруг по швам трещит,
И шрамы набухают кровью,
А мы как прежде держим щит
Пустому вопреки злословью.

Умолкни, лживая молва, —
Пускай узнают поимённо:
Россия всё ещё жива!
Не пали отчие знамёна!

Неоспоримой правдивостью перекликается это стихотворение поэта Владимира Верава с пушкинским «Клеветникам России», в котором Александр Сергеевич раскрыл всю сущность и лживость «цивилизованной Европы» к народам нашей страны. Его прозорливость, как и слова Тютчева «Молчи, позорная Европа...», говорят о том, что Россию, вскормившую материнским молоком таких гениев, никогда не победить!

Галина БУЛАТОВА

Самарская обл., г. Тольятти

Поэт, переводчик, редактор, издатель. Родилась в Нижнем Новгороде. Окончила Самарский институт культуры. Член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан. Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня», сборника стихов и прозы «Я, Бог, любовь и око». Лауреат литературных премий им. Салиха Гуртуева, им. Сажида Сулеймановой, премии журнала «Аргамак. Татарстан».

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ДИАС»

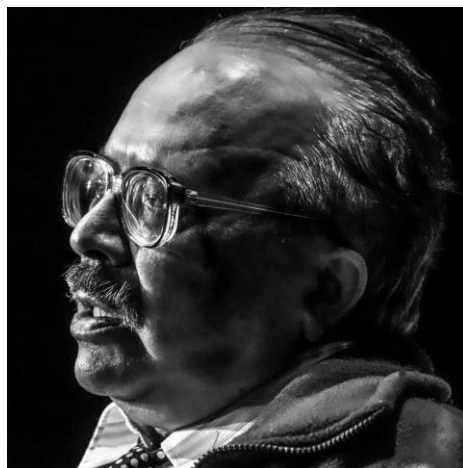
Идея учредить литературную премию «ДИАС» родилась у автора этих строк в 2018-м, в год 80-летия со дня рождения известного писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010).

Но ещё раньше, в 2008-м, мне попал в руки двухтомник «Уверенность в Невидимом», изданный в Казани. Тогда я ещё не знала, что его автор – Диас Назихович Валеев – человек удивительно интересной и сложной, во многом трагической судьбы. Открыв ту, в кожаном коричневом переплёте с серебряными буквами прекрасно изданную книгу, я уже не могла от неё

оторваться. «Человек порой духовно воссоединяется с будущим задолго до реального соединения», – писала я в своей тетрадке слова Диаса Назиховича и понимала, что прикасаюсь к чему-то громадному, всеобъемлющему, вызывающему дрожь открытий. Надо сказать, что незадолго до случайного (случайного ли?) обнаружения двухтомника я прочитала «Розу Мира» Даниила Андреева. Было очевидно, что литературно-философское течение, по волнам которого я уже неслась, подарило мне алые паруса в лице Диаса Назиховича и его путеводных книг.

Вскоре книжное знакомство переросло в реальное. В памяти сохранились скромная обстановка квартиры Валеевых на улице Груздева в Казани, радушие Дины Каримовны, супруги Диаса Назиховича, и необыкновенно внимательный, с затаённой грустинкой взгляд человека, пришедшего с обложки книги, человека-легенды – так виделось и ощущалось мной тогда, в 2009-м.

Волнительно просматривался светлый горизонт нового времени, куда показывал Диас Назихович: «Панрелигия будущего – универсальная философия, контуры которой я пунктиром намечаю, очевидно, воспользуется всем полезным и необходимым, что накопили предшествующие мировые религии, оккультизм, астрология, науки, мистический опыт, искусство».

Да, и искусство тоже. Искусство как часть творчества, которое по своей природе шире и глубже: «Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы». Эти слова Валеева и стали девизом премии «ДИАС», впервые объявленной в 2019 году.

В качестве призов для лауреатов были выбраны шары из натурального камня, ведь шар – философский символ будущего, безграничности, объединения. К тому же, и сам Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета.

Надо отметить, что ни в какие официальные институции по спонсированию премии я не обращалась, это – исключительно частная инициатива, а все призы – приобретаются на личные средства.

В первый год откликнулись 117 авторов из 11 стран, уже через два года число заявок выросло до 190, а в конкурсе приняли участие авторы из 19 стран, в 2022-м участвовало 208 авторов, а в этом, юбилейном V сезоне поступило 163 заявки от авторов из 11 стран, в числе которых Россия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Германия, Израиль, Иран, Казахстан, Латвия, Нидерланды, Эстония.

Итоги V сезона премии «ДИАС» были оглашены 1 июля, в день рождения Диаса Валеева.

«У номинаций премии уникальные названия: «Дело», «Имя», «Абсолют», «Судьба», – пишет ставшая лауреатом Елена Сафронова. – Это не только аббревиатура имени Валеева, но и комплекс жизненных ценностей и смыслов, как их сформулировал мыслитель...».

Лауреатами в номинации «Дело» в этом году стали Лариса Галушина из Северодвинска Архангельской области, Любовь Головина из Иркутска, Александр Савченко из Новокузнецка.

Обладателями премии в номинации «Имя» стали Шахриза Богатырёва из Карачаево-Черкесии, москвичка Елена Пальванова и Егор Куликов из подмосковных Люберец.

Номинация «Абсолют» представлена лауреатами – Алексеем Жуковым (Латвия, г. Рига), татарстанцем Юрием Мышевым и Еленой Сафроновой (г. Рязань).

Победители в номинации «Судьба» – москвички Ольга Баракаева, Наталья Тимофеева и Дмитрий Воронин из Калининградской области.

В составе жюри были известные российские литераторы, победители премии «ДИАС» прошлых сезонов: Любава Горницкая (Ростов-на-Дону), Александр Евсюков (Москва – Тула), Евгений Мирмович (Санкт-Петербург), Марианна Рейбо (Москва), Елена Севрюгина (Мытищи Московской обл.), Ольга Харитонова (Новосибирск), Вероника Черных (Снежинск Челябинской обл.).

«Мне как постоянному члену жюри, – делится Елена Севрюгина, – дорого это время, богатое на приятные открытия. Не обошлось без них и на этот раз. Самая большая сложность в работе судейской коллегии – выбрать действительно лучшее, учитывая общий достаточно высокий уровень работ, предварительно отобранных для участия в конкурсе, половина из них была достойна лонга и даже шорта».

Во многом с этим мнением согласен член жюри премии Александр Евсюков: «Новый сезон премии ДИАС им. Диаса Валеева мне представился достаточно широким и разнообразным, как по стилистике, так и по тематике. Внимательно прочитав работы всех соискателей, уверен – в каждой номинации найдутся произведения, достойные по праву получить награду этого большого творческого имени, накрепко соединившего глубокую философию и филигранное искусство, современный Татарстан и всю большую Россию. В самых удачных рассказах этого сезона мне видится одна сквозная тема – судьба маленького человека с большими, порой даже невероятными возможностями».

Сегодня «Новый российский писатель» предоставляет свои страницы избранным лауреатам премии и призёрам симпатий учредителя премии «ДИАС».

Елена АДИНЦОВА

ДНР, г. Донецк

Поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей ДНР. Руководитель международной литературной интернет-площадки «Проект Современник», автор идеи первой хрестоматии по сетелитературе «Почему я никогда не напишу об этом в соцсетях». Эксперт жюри международных литературных конкурсов. Участник многочисленных сборников поэзии и прозы, периодических изданий России Австрии, Израиля, США, Индии. Дипломант

Международной литературной премии «ДИАС-2023».

Виктория СЕМИБРАТСКАЯ

ДНР, г. Донецк

Поэт, прозаик, интернет-журналист. Автор поэтического сборника «Точка в сердце» и публикаций в изданиях, выходящих в России, Сербии. Эксперт жюри международных литературных конкурсов. Автор идеи и составитель альманахов «Три четверти столетия Победы». Составитель первой хрестоматии по сетелитературе «Почему я никогда не напишу об этом в соцсетях». Руководитель международной литературной интернет-площадки «Современник». Член Союза писателей ДНР. Дипломант Международной

литературной премии «ДИАС-2023».

АНГЕЛ МИЛОСЕРДИЯ

Беззвёздная ночь караулила остановившийся поезд. Хадича выглянула в окно. Ничем неприметный безымянный полустанок. Сколько таких промелькнуло за последнее время перед её глазами: сотни, тысячи? Санитары готовились выгрузить умерших в дороге, пополнить запас воды. Полустон-полувсхлип раненого прервал краткий миг тишины. Девушка обернулась.

– Ну-ну, голубчик, всё хорошо, раз вчерашний день пережил, жить будешь. – сестра поднесла ко рту мужчины смоченную водой марлю. – После операции пить запрещено, нужно немного потерпеть.

За месяцы службы в земском санитарном поезде, курсирующем по железной дороге Кавказского фронта, благовоспитанная девушка научилась говорить «ты» с материнскими интонациями и простым солдатам, и офицерам, и не понимающим ни слова по-русски турецким беженцам, и военнопленным. Страдания стирали различия между людьми, оставляя место только сочувствию.

Раненый застонал и открыл глаз. Хадича наклонилась над очнувшимся мужчиной, салфеткой промокнула испарину с открытой половины лица. Другую часть, изуродованную осколками снаряда, прикрывали бинты, сквозь которые проступала свежая кровь. Больной напрягся и часто задышал, пытаясь повернуть голову.

– Матвей Стригунов, подпоручик кавалерийского пол... – мужчина закашлялся на полуслове.

Сестра мягко прикоснулась к плечам пациента:

– Двигаться пока нельзя, ранение серьёзное. Сергей Семёнович, наш хирург, сотворил настоящее чудо, спас твой глаз, – Хадича, поправила подушку.

– Один глаз? – переспросил мужчина.

– Тебе повезло, – подтвердила сестра милосердия, – промедли сослуживцы доставить тебя в передвижную санчасть, не было бы шансов спасти жизнь, не то что зрение.

Хадича говорила, осторожно выбирая слова. Раненые по-разному реагировали на осознание своего увечья. Были те, кто искренне радовался, что для них ужасы войны остались позади, и пусть покалеченные, но они вырвались живыми из кровавой мясорубки. Встречались и другие, впадающие в болезненную меланхолию, бездонное отчаяние от необходимости привыкать к ущербности тела. Подпоручик принял известие спокойно, даже как-то равнодушно.

Вагон качнуло. Состав, медленно разгоняясь, начал движение. В окнах светлыми пятнами мелькали блики станционных фонарей. Случайный луч мимолётно выхватил из полумрака мужественный профиль раненого – такие характерные лица любят художники.

Сама Хадича ушла на войну прямо из мастерских Строгановки. Ей повезло родиться под счастливой звездой – в семье Мубина Акчурина, принадлежать к древнему многочисленному роду, известному славными именами. Отец Хадичи работал механиком на ткацкой фабрике. Любящий родитель заметил способности маленькой дочери и всячески поощрял интерес девочки к рисованию.

Вагон мягко покачивался под мерный стук колёс. Ночное дежурство подходило к концу, и сестра позволила себе, уютившись на приставном стульчике, прикрыть глаза. В лёгкой полудрёме мысли, освобождённые от тяжести повседневных забот, открыли ворота воспоминаниям. Хадича увидела себя в родовом селе Акчуриных – Зиябаш, в лучшем на земле месте, где прошло её детство.

Вот она, девчонка, бежит по берегу реки Малая Свяга и глядит в воду, пытаясь обогнать отражение плывущих по небу облаков. А вот она с матерью и отцом впервые идёт в сельскую мусульманскую школу для девочек. В какое просвещённое время ей выпало жить! Совсем недавно, в начале XX века, татарские женщины-мусульманки получили право на достойное образование и работу. Благодаря этому Хадича смогла окончить четырёхгодичные курсы в женской гимназии Симбирска.

Ей исполнилось двадцать, когда сбылась их общая с отцом мечта – она поступила в Строгановское художественно-промышленное училище

в Москве. Учебное заведение готовило художников декоративно-прикладного искусства для мануфактур и фабрик. В будущем Хадича видела себя продолжателем династии. Только дарование её оказалось шире рамок технического училища. Девушка рисовала много и увлечённо, её работы нашли отклик среди широкой общественности.

Сестра вздохнула, не открывая глаз. Как давно всё это было: Симбирск, Москва, выставки, публикации рисунков в журналах, яростные споры критиков о её работах, планы и перспективы. Когда началась Первая мировая, в здании учебных мастерских при участии великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой открылись два госпиталя: для раненых воинов и госпиталь Московского городского кредитного общества. Елизавета Фёдоровна стала для Хадичи живым примером служения Родине и народу. Великая княгиня, попечительница Строгановки, сама писала иконы, занималась настенной росписью, вышивала церковные покровы, расписывала фарфор. Склонность к художеству сделала Елизавету Фёдоровну другом Строгановского училища. Из восемнадцати учениц женского отделения великая княгиня с первой встречи выделила черноглазую татарскую девушку, отметив прирождённые способности и живой пылкий ум.

Именно к ней, великой княгине, в начале войны обратилась Хадича с просьбой благословить в сёстры милосердия. Елизавета Фёдоровна медлила с ответом. Ей хотелось защитить способную художницу от тягот лихолетья. На короткий миг взгляды двух представительниц благородных родов пересеклись. В голубых глазах Елизаветы Фёдоровны отразились тревога и сожаление, в тёмных омутах глаз Хадичи светилась решительность.

– Создатель одарил тебя талантом, но он дал и свободу выбора. Поэтому я не вправе отговаривать. Да хранит тебя Господь во всех путях, и да не оставит милостью своей во всех твоих делах.

* * *

– Сестра, сестра...

Девушка вздрогнула. Голос раненого вырвал её из неги воспоминаний.

– Пить? – потянулась за салфеткой Хадича.

– Нет, мне бы листок бумаги и карандаш, можно? – просительно и одновременно требовательно произнёс подпоручик.

– Рано ещё письма самому писать, на рассвете придёт санитар, ему и продиктуешь.

Сестра поднялась, отвела за спину тяжёлые косы, выпрямила затёкшую спину. Дежурство подходило к концу, а у неё полный вагон страждущих, и каждому нужна её забота и участие.

– Не письмо, стихотворение... к утру забуду, – смущённо прошептал раненый.

Хадича резко обернулась. Румянец тронул её щёки. Как же она могла сразу не понять?

– Матвей Стригунов... Мне кажется, я ваши стихи читала в журнале «Русское слово».

Робкий ветер из довоенного прошлого ворвался в духоту санитарного вагона.

– Вы читали мои стихи? – голос раненого внезапно окреп, налился силой.

Рука Хадичи нырнула под белоснежный сестринский передник в потайной карман, пришитый к форменному платью.

– Тоже сочинительствуете? – поинтересовался подпоручик, увидев аккуратно сложенные листы бумаги и тонко заточенный карандаш.

Девушка пожала плечами.

– Рисую иногда. Сейчас мало времени для художеств. Ты... вы подождите, сейчас обход сделаю и вернусь. Мы обязательно всё запишем.

Среди монотонности войны проблеск созидательной мысли подобен пробивающейся в песках пустыни зелёной травинке. Чудо творения заслуживает самого бережного отношения. Ей ли это не знать?

Сестра приблизилась к источнику дежурного освещения. Матвей произнёс первые четыре строфы и задумался. Хадича терпеливо ждала. Возможность наблюдать таинство рождения поэзии зачаровывало её.

Это неправда, что к войне нельзя привыкнуть. Вначале сознание сопротивляется, цепляется за воспоминания из мирной жизни, мечтает и строит планы на время, когда война останется в прошлом. Потом наступает момент принятия настоящего, сознание сужается до конкретных задач – выживания. Мозг перестаёт ностальгировать и грезить. Ты вбит в тело войны как гвоздь, и нужны невероятные усилия или необычайные события, чтобы вырвать из бездушной рутины, вернуть тебя к твоему естественному живому состоянию.

Хадича всматривалась в спокойное лицо раненого. Дыхание Матвея выровнялось, глаз был закрыт. Боясь потревожить неловким движением его сон, девушка отложила листок с недописанным и взяла новый. Уверенными движениями художника на белый квадрат бумаги легли первые линии рисунка.

Есть особенные моменты, когда время изменяет своё обычное течение ради одного или двух людей. Уже давно должен был наступить рассвет, когда пространство вагона захватывает утренняя суета, свойственная санитарному поезду на марше. Но сегодня время медлило, давая двоим завершить начатое.

– Поднесите, пожалуйста, листок поближе, мне надо собственноручно сделать приписку, – попросил подпоручик сестру.

«Светлому Ангелу милосердия Хадиче Акчуриной», – прочла девушка неровную надпись.

*В шафрановой дымке востока
Под сенью неласковых гор
Блуждает мой дух одиноко
В сплетении тайных дорог.
Направо, налево иль прямо?
Иллюзия выбора есть.
Но дух выбирает упрямо
Тропу, где попутчицей честь.
Неторная эта дорога,
Покой не придёт по ночам,
Там солнце сжигает жестоко,
И хлеб, и вода там горчат.
Потери и тяжесть разлуки
На плечи ложатся крестом,
Но меч ещё чувствуют руки,
И радуга стала мостом
Для встречи, дарованной Богом
Средь бури в холодном миру,
И, к жизни привязанный Словом,
Ваш образ в душе сберегу.*

Хадича улыбнулась, одной рукой прижала листок со стихотворением к груди, другой протянула Матвею рисунок. В дальней перспективе виднелся силуэт гор. Через пространство листа змеилась дорога, по ней шли двое – высокий мужчина в военном мундире и стройная девушка в форме сестры милосердия. В углу рисунка подпись: «Воину и поэту Матвею Стригунову от А.Х.».

Война бездушно ломает человеческие судьбы. Но вопреки боли, страданиям, смерти судьба даёт кратковременную анестезию встречи.

– Вы разрешите вам писать? – спросил Матвей.

Девушка согласно кивнула. Крепкие руки санитаров подхватили носилки с раненым. Подпоручику предстояло долгое лечение в тыловом госпитале. Поезд прибыл в Ростов.

– Я вам обязательно отвечу! – взмахнула рукой Хадича.

Ольга БАРАКАЕВА

г. Москва

Автор пяти книг. Член РСП и СПСА. Председатель Правления Литературной ассоциации «1 место». Публиковалась в журналах России, Франции, США. Лауреат национальной литературной премии РСП «Поэт года»; обладатель Гран-при открытого литературного конкурса им. Георгия Кольцова; дипломант «Волошинского конкурса»; лауреат международных премий Союза писателей Северной Америки (СПСА); международного конкурса «Мгинские мосты»; лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Судьба».

АРШАЛУЙС И ВЕРОЧКА

– Давай мальчиков навестим, Вера. Ты не всех знаешь, я познакомлю.

Крепкие ноги Аршалуйс в мужских ботинках шустро ступают по каменистой земле Поднавислы, приминая невысокую, уставшую от южного солнца траву. Энергичный голос становится тихим, мягким. Женщина показывает пальцем издалека:

– Это Серёжа Ломакин, Сергей Фёдорович, командир стрелкового батальона, он из моих женихов самый красивый. Глаза прозрачные, серые, будто вода в Чепси. Люблю в них смотреть, отражение своё искать. Смотрю и молчу. И Серёжа молчит. По вечерам спать его укладываю, как маленького, колыбельную армянскую пою, ему нравится, быстро засыпает. А это Стёпушка, джигяр. Белобрысенький, хорошенький, самый молодой здесь. Любит, когда полковые газеты вслух читаю. Сохранились штук пять, искрошились на сгибах. Уже наизусть могу – одно и то же по очереди. Мальчишке обе ноги выше колена оторвало, какой фронт? А так кажется Стёпке, что он сражается, а не лежит без дела, мамалыгу почём зря ест. Ваня Василенко, старший сержант; не смотри, что полноватый: бегаёт быстро, стреляет метко. Мыкола. Ранение в голову, зрение потерял. Коле письмо от жены читаю. Одно письмо пришло, больше не приносили; видать, неживая она. Кудрявый, черноволосый – Игорь Саркисян. Тяжёлый был, три недели его выхаживала, супом с ложки выкармливала, точно птичку. Не хотел есть. Иногда завлекал: поправлюсь – женюсь на тебе, Аршалуйс. Единственный из них знал, как моё имя переводится.

– Как? – спрашивает подруга.

– Рассвет. У тебя хорошее имя, военное. Для врача подходящее.

– Вера? Вера – военное имя?!

– Конечно. Нельзя на войне без веры. Тем более докторице. Мальчики все, кроме Игоря, Шурой кличут, а Шусей – только ты. Да и не случилось других подруг, сама знаешь, ты у меня разъединственная, разговариваю – наговориться не могу. Надоело, поди, про белого бычка слушать? Терпи, моя золотая, ведь никого на хуторе нет, одна векую.

Кроме тебя, не с кем словом перекинуться. Брат и племяшка в Горячий Ключ звали: там электричество, телевизор, вода из крана. А как солдат оставить? Они просили – не бросай; клятву я дала, что не брошу, пока жива. Днём в колхозе работала, вечером к ним бежала – кому сказку рассказать, кого песенкой порадовать. Радио слушала, новости ребятам рассказывала. Так полвека и усвистало.

Ездил я в город. Красиво, не спорю, удобства всякие. Провода, как прыгалки, между столбами висят, на них птицы – чернявые, клювастые, что мой Игорёк. Ночью светло: фонари на улицах. Домой вернулась – скала нависает, Чепси шуршит по камням, убаюкивает, любимки спокойно спят. Вон там – братская могила, двести человек лично похоронила, чуток левее – ещё триста, а всего – почти две тысячи в Поднависле. Каждому камень приносила, отмечала, кто где упокоился. Под розовым большим камнем – командир. Запомни место.

Сколько за них перед скалой молилась! Храма нет, отсюда до ближайшего села – двенадцать километров. Помнишь бои в сорок втором, Вера-джан? Страшные какие бои... Гитлер здесь на Северный Кавказ хотел прорваться, в газете писали – главный удар: за нефтью шёл. В нескольких километрах от Поднавислы его остановили. Не вышло ничего у фрица. Папа и братья на войну ушли. Дедушка, царствие небесное, всем Ханжиянам наказал: русская земля нас приняла, кров дала, братья по вере армян от турок спасли, и теперь свою новую Родину мы защищать должны до последнего.

Сначала пять раненых в дом принесли. Потом ещё, ещё. Я не санитарка, никто и звать никак, никем и не числилась – доброволец. Ничего, всему научилась – уколы ставила, капельницы держала, разве что не оперировала. В одной комнате операционную сделали, в других – лазарет. Дома ступить негде, новеньких под деревья клали. Жара, осы, мухи роятся, зато фруктов много. Пациенты плакали, кричали, еле успевала от одного к другому бегать. Мы с хирургом спали по три часа. Потом тебя на помощь прислали, солнышко рыжее, конопущатое. Вер, до чего же мы молодые были! По двадцать восемь, кажется?

Иду с ведром воды однажды, гляжу – сидит лейтенант носатый, длинный нос повесил совсем. Поздоровалась по-армянски – барев дзез. Не понял. Спросила – армянин? Нет, грек. Совсем расклеился: руку оторвало, кому калечный нужен? Я рывкнула: чего удумал – духом падать! На фронте нужен, одной рукой запросто стрелять можно! Меня и дед, и отец к оружию приучили: охотники. Ружьё одной правой схватила, в воздух пальнула, зыркнула построже. Наверное, жёстко, но так надо. Ожил парень.

В другой раз безногий Володя-тракторист скис. Вовке мягче сказала: после войны мужчин мало уцелеет, каждый наперечёт, женишься на

добрый красивой девушке, детей нарожаете. Учись, мозги хорошие, образование получай! Обе руки на месте, одна нога имеется, необязательно трактором управлять. Владимир Петрович в восемьдесят пятом приезжал: Шурочка, помнишь меня? Молоком поила, жить учила – так выучился я, нынче сам учу – детей в школе.

В октябре хирург вызвал, сказал – все на фронт уходим, раненых подводами вывезем, тебя защищать некому, собирайся в эвакуацию. Отказалась. На кого могилы оставлю? Кто ходить за ними будет?

Так крепко ты на прощание меня обняла... на всю жизнь слово твоё запомнила, Верка, – что вернёшься. Твёрдо пообещала – вернёшься, глазищами намокла и к грузовику помчалась, а я стала ждать, пока довоюешь. Терпения, чай, не занимать. Слезу не подпускала: бойцы хныканья не любят, к чему их огорчать?

Шептала-журчала, перекатывалась на голышах год за годом Чепси, уносила тревоги, смывала горести.

Днём в колхозе, вечером с солдатами – так и сложилось. Женихов немало сваталось, да не вышла замуж: предназначение другое. Не рассказывала никому, открою историю давнюю. Лет пятнадцать мне было, через реку переправлялась – арба перевернулась, и понёс меня горный поток, притопил в холодной воде. Я за воловьих хвосты схватилась – дотасили волю до берега. Долго в горячке лежала, с неделю, родители не верили, что оправлюсь, глаза выплакали.

Где-то в других мирах оказалась. Сначала увидела лестницу с резными перилами, по ней поднялась – открылся сад, на местные не похожий. Беседки каменные в рядок выстроились, возле них – фруктовые деревья невиданные. Кипарис лианами навроде глицинии до верхушки опутан, а глициния – каких на земле не встретишь: ярко-синяя, сыплется сверху бархатным дождём, под исцарапанные босые ноги коврик стелет; до чего хорошо, до чего благостно на сердце! Полупрозрачный старик в белых одеждах наверху стоит, смотрит не на меня, а словно внутрь меня – и ни слова не произносит. Так захотелось в том саду поселиться! Прилечь на топчан, кожицу диковинного плода отшелушить, сладкую мякоть попробовать... Спросила – можно? Старец губами не шевельнул, но я услышала: нельзя, главное предназначение на земле не выполнено, а какое – узнаю, когда время придёт.

Спит моё предназначение под скалой. Смотри, оградки из ивы сплела, чтобы слаще спалось. Командиру куст посадила. Тощенький прутик за столько лет расщекастился, живым зонтом накрыл.

Привыкшими к работе руками в оплётке толстых сизых вен Аршалуйс ловко выдёргивает сорняки, переходит от могилы к могиле. Худая жилистая фигура закутана в тёмную самовязаную кофту, на седой стриженной голове – пёстрый платок. Подруга рядом, «роднулечка», так

Аршалуйс её зовёт. Куда Шуся – туда и Вера, хвостиком всегдашним. В тысячный раз Шусин рассказ слушает; помочь не может, зато слушать – сколько угодно.

– Колхоз перестройкой растрепало. Растила кукурузу в огороде, держала несушек – прокормилась. Захотел местный буржуин дачу в урочище строить, бульдозер пригнал. Захолонула душа, Вер. Выскочила, растопырилась. Выглядывает паренёк – уйди, бабушка, у меня приказ, расчистить территорию надо. Не растерялась, отвечаю – у меня тоже приказ, покажу, только домой сбегаю, обожди! Тот вылез, прикурил, а я за ружьишком метнулась. Перед ковшом встала, осадила: убирайся отсюда, здесь святое место, солдаты спят, да не шуми: разбудишь. Передай своему начальству: захоронения военных времён, ничего перекапывать не позволю! Дурак молодой рассердился, своей гремучей железкой попёр, я первый выстрел – в воздух, упредила, второй – в лобовое стекло. Удрал на бульдозере.

Потом чиновница приехала. Понимающая баба оказалась: у самой деда в войну сгинули. Распорядилась богатеев не пускать, денег раздобыла на железные ограды. Мальчики довольны, и мне легче. Готовые оградки помыть быстрее, чем из лозы плести: силы-то не те уже, глаза подслепли. Умру скоро, чувствую. Умирать нестрашно, страшно с солдатыками разлучиться, вся жизнь моя – за их могилами ухаживать и тебя ждать. Ты же тогда, в сорок втором, обещала вернуться, с той поры и жду. Пятьдесят лет жду!

– Здесь я, с тобой всюду хожу, за плечом твоим, – успокаивает Верочка старуху, – просто ты меня не видишь. Хочешь, расскажу, что дальше случится?

– Хочу, матахгнэм.

– Ты потеряешь зрение. Когда умрёшь, племяшка твоя станет хранительницей. На поляне выстроят армянский храм, сможешь молиться не скале, а настоящей иконе. Местные жители соберут миллион рублей, представляешь, целый миллион! Хотя как ты представишь, если даже пенсию отродясь не получала... Вот здесь поставят большой памятник: немолодая женщина, опустив голову, сидит на скамье, справа от её руки – простреленная каска. У ног всегда живые цветы – гвоздики, ромашки. Шуся, это ты! Не бросила своих солдат, осталась при них.

По вечерам невидимая Вера подсаживается к бронзовой подруге, гладит родные морщинистые щёки. Скамейка длинная, места обеим хватает. Аршалуйс под шёпот любимой Чепси негромко и ласково напевает бойцам армянскую колыбельную.

А.К. Ханжян признали Женщиной 1997 года в номинации «Жизнь – судьба». В 1998 году её не стало. Аршалуйс Кеворковне присвоили звание Почётного гражданина Горячего Ключа, того самого города, куда она отказалась переезжать.

Виктория БЕЛЯЕВА

Ростовская область, п. Темерницкий

Историк, писатель, поэт, участник писательской резиденции АСПИР в Приволжском округе (2022). Печаталась в журналах и альманахах: «Качели», «Роман-газета», «День и ночь», «Москва» и др. Лауреат I степени Международной литературной премии им. А. Серафимовича в номинации «Лучший прозаик» (2023), лауреат I степени в номинации «проза» Международного литературного конкурса художественной литературы «Молитва» (2022), дипломант Международной литературной премии «ДИАС-2023».

ЗИМНИЕ ЯБЛОКИ

Старику Макарову накануне Нового года не спалось. Всю ночь ворочался, два раза курить поднимался. Ведь обещал Марьянушке бросить.

Да уж теперь-то к чему? Вдвоем куковать с котом Трошкой остался.

Куда ни глянь – везде следы Марьянки. Вот взять салфетку ажурную на трюмо. Так связала, будто души кусочек вплела.

Или цветы на подоконнике стоят, как рисованные – герань да огонёк. Марьянка высадила их в позапрошлом году. Сказала: «Вдвоем жить, к свету тянуться – веселее будет!»

Теперь без предупреждения распускаются, сердце радуют. Герань отцветёт, тут ей в поддержку огонёчек выскочит.

Только вот Трошка всё норовит листом цветочным полакомится. От того внизу несколько листочков обгрызенных.

Макаров сорвал пожелтевшие листья, положил в блюдце, добродушно погрозил коту пальцем: «Тебе своей китикетины мало что ли, красоту портишь?»

Трошка тоже вслед за Макаровым блуждал вместо сна. То на подоконник вскочит, выглянет на улицу, то взвояет протяжно, то за Макаровым на балкон выскочит. Так по кругу и вертелся юлой, пока хозяин не выдержал, забасил:

– Ну, чего ты, старый хвост, воздух сотрясаешь. Спал бы! Завтра кто даст? До утра народ салютовать станет и поздравления шальными голосами выкрикивать. Оно дело такое, Новый год – шуметь полагается, особенно, если компания веселая. Трошка, куда на балкон выскочил? Нет от тебя спасу!

В ответ кот чихнул и тут же зевнул, но с места не сдвинулся. Макаров затушил половину очередной сигареты, вложил в пачку, втянул воздух ночной морозной магии. Глянул на небо. Звёзды, чувствуя скорое приближение рассвета, светили потухающим серебром. Макаров взял Трошку на руки, прижал к груди, подул на холодные лапы:

– Ну, ладно я, дурень старый, морожусь, ты зачем со мной? Марьянушка не одобрила бы такие свистопляски. Неужто заболеть нас угораздит под праздники? Ну-ка, давай хоть бушлатец накинем. Так-то теплее, верно, Троша? Ну, ишь замурлыкал, пригрелся. Теплее нам вместе. А морозец знатный подтянулся. Снег поздними яблоками пахнет. Как на нашу с Марьянкой свадьбу. Да, братец, пролетело время, а всё, точно вчера было, в памяти держится. Надо ж такое отчебучить – жениться 31 декабря?! А всё почему, знаешь, Трошка? Других дней не имелось свободных. То я в рейсе, то Марьянка дежурит на коммутаторе. Да ещё один важный повод был. Ну и плутовка, память. Не забыл даже, как коня соседского кликали – Сивчиком. Его в телегу сосед запряг и нас в сельсовет расписываться погнал. Еле уговорились в предпраздничной суете.

Марьяна Сивчика яблокам кормила, шутила, мол, чтобы масть не портилась, как был конём в яблоках, так и останется с таким подкормом. И пахло от Марьяши яблоками и снегом. Всю дорогу хохотала. Помнишь смех её, Троша? Звонкий такой, как колокольчик на дуге у Сивчика.

Макаров растёр морщинистую щеку ладонью:

– Да шут бы его побрал эту бессонницу, раскис дед совсем. Эх, Марьянушка поспешила в небесные дали раньше срока. Сколько там натикало? Третий час уже. Стало быть, сегодня и свадьба наша золотая, и твой любимый Новый год. Вот и огонёк как зацвёл, распушился. Полил его вместе с геранью, не забыл.

Макаров замолчал, прижал крепче задремавшего под бушлатом кота, прищурился:

– Ты только погляди, чудо какое, Трошка. Луна розовым цветом налилась и звезда, ишь ты, подмигивает. Не иначе, Марьянка нам привет посылает. Гори, звёздочка моя.

Трошка снова чихнул спросонья.

Макаров улыбнулся:

– Правду говорю, ага. Пойдём в дом греться, совсем ты озяб, пенсионер усатый. Ну-ка, ныряй под пуховое. Хорошо тебе? Ну и спи. Нам ведь надо не забыть Любашу поздравить с наступающим. До обеда справимся же? Да справимся, конечно, вон у нас чудо техники какое завелось. Шмартфон. Научила Любаша, внученька, теперь звони – не хочу. Как по телевизору – ей меня видать, мне её, ну, точно вместе. Почти. Весь декабрь Люба уговаривала: «Приезжай, дедовский, ко мне на праздники. Родители в экспедиции, а мы танцевать под ёлкой станем! Я ещё гостей позову с института. Они ребята классные. И ты в люди выйдешь. Одичал ты совсем, дедовский!»

Макаров хмыкнул. Трошка приоткрыл один глаз, глянул на старика. Тот добавил тише: «Ну, чего всполошился, прохвост? Видишь же, не

поехал я. На кого тебя оставляю? Да и Марьянку навестить не смог бы в предновогодье. А так, дал Бог здоровья и погоды, сходил вчера, поздравил. Та ёлочка крошечная, Трошка, что в прошлом году на могилке высадил, принялась. Так-то. А Люба пусть уж сама с ребятами. Где это видано, чтобы старик сидел истуканом, праздник молодёжи портил? Мы уж лучше дома, Троша, вместе, по-свойски, справимся. «Оливье» сварганим, как Марьяна любила. С яблочком. Проигрыватель с Герман и Утесовым заведём. Правильно мыслю? Теперь-ка давай, на боковую!»

Макаров лёг на широкую кровать. Трошка тихонько перебрался в ноги, свернулся калачиком, засопел.

Старик аккуратно, чтобы не потревожить кота, повернулся на бок, накинул одеяло, высвободил руку, положил её на соседнюю, пустую подушку, кончиками пальцев тронул её. Сглотнул. Уставился в тёмную пустоту.

Постепенно комната поплыла, расступилась, наполнилась светом и снегом. Повеяло морозом и яблоками. Яркое солнце заиграло на запорошенной дороге.

Макаров тряхнул головой. Что за чудеса? Не успел опомниться, как к нему навстречу бежит Марьянка. На голове платок вязаный, ажурный, шубейка цигейковая нараспашку. Знать, у матери, всё ж таки выпросила. А хороша как, разурмянилась от морозца! Вот и глаза-васильки смеются:

– Ты чего такой смурной, Коля-Николай, или жениться на мне передумал? Ну, признавайся, миленький! Да погоди обниматься. Коленька, успеется. Вон и соседи во все глаза глядят. Неудобно счастьем на виду светить. Лучше слушай, чего тебе скажу, миленький. Узнаю прищур твой, Николаша. Знать, интересно? Слушай же – у нас ведь скоро девочка родится. Ну, чего заистуканился, Коля. Рад? Говори, что рад!

Макаров опомнился, тряхнул радостно головой, уронил мохнатую шапку. Подхватил Марьянку:

– Я передумал? Да ни за какие коврижки. И рад, и сердце в пятки от счастья прыгнуло, а потом до горла поднялось и стучит. Слышь, Марьяна – тук, тук, тук. Бахает просто. Да где этот хрыч старый, Пахомыч с Сивчиком? В сельсовет гнать надо, там ждать не станут. Двери на замок и до Нового года ни души, хоть сноси. Я вот только прикумекать одно не могу, Марьянка, как так – сына ждём ведь, а ты говоришь – девочка будет?

Марьяна уткнулась в новенький бушлат Макарова, шепнула:

– И правда, чего я спешу, миленький? Кто родится, тот не спросит. Придёт вовремя чудо. А в сельсовет успеем, Коля, ещё и ждать придётся. Последний день в году, не одни мы женимся. Я вот яблочко захватила зимних на дорожку. Сладость какая. Ну-ка, пробуй!

Макаров наклонился, прямо из рук Марьянки откусил ароматное яблоко, поцеловал её в прохладную щеку. Она захохотала, откинула

голову, платок спал на плечи, освободив от тёплого плена каштановые кудри, пахнущие свежестью.

Макаров залюбовался, засмеялся в ответ, услышал, как смех превратился в длинный, протяжный звук. Чем острее и ближе был этот звук, тем дальше становились Марьянка, снежный день и яблочный аромат.

С трудом старик разомкнул глаза, вернулся в реальность. Сквозь зашторенные окна проглядывал новый день. На комод сидел Троша и глядел в сторону двери, за которой кто-то требовательно звонил: «Дзынь-дзыыынь!»

Макаров вздохнул, кинул взгляд на висевшую на против кровати фотографию красивой молодой женщины. Перевёл взгляд на пол. Нехотя откинул одеяло, крикнул в стороны двери:

– Да иду, иду уже. Хорош семафорить.

Отыскал босыми ногами запрятавшиеся под кровать тапки. Подошёл, глянул в глазок. Засиял, распахнул дверь, сбивчиво запричитал:

– Люба, Господи Боже мой. А я толком... Дай обнять! Холодная, красивая! Внушенька, ну, надо же, приехала! Да не одна. Вот тебе раз, сюрприз какой. Ну, скорее заходи вместе с сопровождающим. Я вовсе не готов, спросонья старый тетерев. Думал, звякну тебе сегодня, успею до суеты поздравить. Хорошо, что приехала! Ничего-ничего, сейчас справимся с Трошкой. Да и все вместе организуем пиршество, как полагается. Мы собирались салат по бабушкиному рецепту стряпать. Да и холодец успею сварганить. Ну, заходи, хозяйничай.

В квартиру Макарова легко вбежала озорная синеглазая брюнетка. Скинула на тумбочку куртку. Следом за ней вошёл серьёзный, высокий парень с укутанной в сетку сосной и рюкзаком. Люба подмигнула Макарову и улыбнулась спутнику:

– А мы сюрпризом, дедовский. Сели вчера на поезд и к тебе. Так захотелось Новый год встречать вместе, ну, как в детстве, помнишь? Да, знакомьтесь – это мой самый лучший в мире дедовский – Макаров Николай Олегович, а это – Андрей Корнев. Мой муж, между прочим, со вчерашнего дня. Ну, решили не путать вашу с бабушкой свадьбу. Вчера наша, сегодня ваша. Золотая же, так? Прибавилось семейных праздников. Так что я теперь – Любовь Корнева.

Олег освободил от перчатки руку, пожал её остолбеневшему Макарову. Тот опомнился, ответил крепким, совсем не стариковским рукопожатием:

– Поздравляю, внуки мои. Вот ведь внезапное счастье на деда свалилось. Ну дак, а чего стоим, надо стол накрывать, отмечать такое дело, как следует. Будем с Трошей «горько» кричать, чтобы вам жилось сладко, как нам с Марьяной Васильевной. Ясно теперь, по какому поводу огонёк

Марьянки расцвёл. Радость в семье почуял. Вон и Трошка вертится четвёртым, за компанию. Рад усатый таким гостям. Жаль только, пятой с нами не будет за столом.

Макаров на секунду поник, но тут же тряхнул головой, точно сбросил грусть.

Люба потянулась, чтобы обнять и деда, и мужа, споткнулась о рюкзак, он упал. Из разъехавшейся змейки на пол покатались пёстрые яблоки. Любаша наклонилась, подняла несколько, вдохнула их густой запах, протянула деду, коснулась живота:

– А вот и не угадал, дедовский. Как раз пятая вместе с нами за столом будет. Знакомься, дедуля, Марьяша младшая приехала с нами.

Макаров медленно перевёл взгляд с жёлто-красных яблок на руку Любы, нежно гладившую живот. Взволнованно сглотнул, вдохнул аромат хвои и сада, и на сердце его стало светло и чудесно.

За окном послышался звук спешащего колокольчика, похожий на смех его Марьянки.

Шахриза БОГАТЫРЁВА

Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск

Поэт, прозаик, переводчик. Выпускница Высших литературных курсов. Автор 6 книг поэзии, прозы и переводов с карачаевского, испанского и шведского на русский язык. Руководитель литературно-музыкального объединения «Сиреневый салон». Дипломант Всероссийского поэтического конкурса «От фонаря» (Тольятти, 2022), конкурса одного стихотворения в номинации «Читательские симпатии» (Красноярск), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Человеки и коты» (Тольятти, 2023), лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Имя».

ДУУА*

Когда Исмаил, единственный сын Сулахат, вернулся из армии с русской женой, не то что мать – весь аул заплакал.

– Кто меня так проклял, – заламывала руки Сулахат. – О Аллах, лучше бы мне не жить до этого дня! Иноверка в моём доме!

Зеленоглазый стройный красавец Исмаил молча стоял перед матерью. Тень подрагивающих опущенных ресниц падала на его скулы, и тёмный жар заливал его чеканное лицо. Жена его, Аня, щуплая, неказистая, корявенькая, остроносая, больше похожая на воробья, боязливо выглядывала из приоткрытой двери.

А Сулахат всё причитала:

– Завтра к эфенди пойду, пусть спасёт тебя молитвами от злых происков этой колдуньи! Чем она тебя приворожила? Ни роста, ни стати!..

– У неё характер хороший, – робко вставил никогда не перечивший сын, и Сулахат, впервые услышав от него слово поперёк, задохнулась, поняв, что не в силах что-либо исправить.

– Аланла**, хыйны*** ему сделали, – шептался народ в ауле, искренне жалея Исмаила, загубленного колдовством, а ещё больше – Сулахат. – Русский хыйны открыть невозможно...

Жены Исмаила опасались все: неровен час, колдунья из дремучих брянских лесов наведёт на аул чуму – смогла же приворожить красавца.

– Колдунья она, – прикрывая рты платками, шептали бабки и скорбно и многозначительно кивали друг другу.

Чёрная Гошаях, похоронившая в Азии в годы депортации всех четверых детей и с тех пор бьющаяся в приступах эпилепсии так, что искрошила свои зубы, как-то напрямик сказала Ане:

– Дети у тебя будут карачаевцами и мусульманами! Нашими будут!

– Я тоже хочу перейти в вашу веру, – пряча глаза, ответила Аня, и люди ахнули вдругорядь: неспроста это.

А когда Аня появилась в платке, повязанном по-горски, с дууа на шее и попросила называть её Анисат, народ вдруг поперхнулся и – замолк.

И стала поживать Анисат – как все. Родила трёх сыновей – Карчу, Алана, Трама. Всем троим имена давала Сулахат. Но невестку Сулахат так и не приняла – еле смотрела на неё.

– Она у меня отняла одного сына, а я у неё – троих, – говорила она во всеуслышание, когда внуки выросли и женились «на своих». Властная Сулахат сама выбирала невест для внуков, сама ездила сватать.

Анисат из невзрачной тощей девчушки превратилась в осанистую степенную женщину. Выучила язык, в обычаях разбиралась прекрасно, одевалась, как пожилые карачаевки, в тёмные длинные платья, платок повязывала, прикрывая лоб и часть щёк. Дууа она не снимала даже во время купания. И с сыновьями, и с невестками была сдержанна и немногословна, к Сулахат относилась почтительно, но без тепла.

Единственное, что у неё не изменилось с годами – это любовь к мужу. При виде Исмаила она по-девичьи краснела, обращалась к нему с застенчивым трепетом и никому не доверяла ухаживать за ним – даже больная, сама готовила и подавала мужу еду.

Мужественная красота Исмаила с годами стала отчётливей и выразительней. Хотя так же ложилась тень длинных ресниц на его скулы, так же тонок и строен был его стан, так же сдержан и мягок был его нрав. Счастлива, ах, как счастлива бывала Анисат, когда видела лёгкую улыбку мужа, неуловимое движение его крылатых бровей, его сильные стальные руки, плетущие из железной проволоки непонятные иероглифы.

Умер он неожиданно: зашёл на кухню к хлопотавшей Анисат, мягко улыбаясь, и спросил:

– Княгиня (так он называл жену в глаза), кажется, что-то душно?.. – и присел у стола.

Когда Анисат бросилась к мужу, он был мёртв. Она взглянула в любимые зелёные глаза, уже безжизненные, сразу всё поняла – и как стояла, так и рухнула.

У неё отнялся язык. Молча она продолжала работать, готовясь к поминкам, двигалась как робот, и всё время уходила взглядом куда-то внутрь себя. Часто подолгу смотрела в дальний угол и беззвучно шевелила губами, держась рукой за дууа на груди.

После поминок у неё отнялись ноги. Так, обезноженная, прожила она ещё несколько месяцев. Невестки безропотно ухаживали за ней – а жива была ещё Сулахат, после смерти сына превратившаяся в мумию.

– Я хочу жить долго, – сказала как-то она соседке Кемисхан. – Чтобы каждый свой час молить Аллаха о милости к сыну. Если я умру, кто будет молиться о моём мальчике, кто подаст милостыню бедняку, кто будет думать о нём?

– Жена вон как убивается, – робко вставила соседка.

Сулахат отмахнулась:

– Э-э, убивается или убила – ещё не ясно. Он умер в тот день, когда привёл её в дом! Она высосала его!

– Ваш род всегда был жёстким, – сказала соседка, неприятно удивлённая злостью старухи. – Побойся Аллаха! Она умерла вместе с твоим сыном! Только что в землю не легла.

– Лучше бы легла! – крикнула Сулахат беззубым ртом. – А ты не лезь, где нет тебе места. Делать нечего – чётки перебирай!

– Она веру ради твоего сына поменяла! – чуть не слезами проговорила соседка, и Сулахат с сожалением посмотрела на неё:

– Три сына у тебя, Кемисхан. Дай тебе Аллах три таких невестки. Поменяла змея кожу...

– Аллах-Аллах, – только и смогла выговорить потрясённая соседка.

И тут из дома раздался истошный крик:

– Мама с кровати упала!

На полу недвижно лежала Анисат, и кровь уже запеклась на её синих стиснутых губах. Левая рука сжимала дууа на груди. Последнее особо поразило людей.

Похоронить Анисат решили на мусульманском кладбище, рядом с Исмаилом.

– Опять за ним потянулась, – шептали женщины, утирая слёзы. – Жизнь поменяла ради него, веру свою...

А когда начали обмывать тело, древняя Гошаях сняла уже обветшавшее полураспоротое дууа с её груди.

– Анисат никогда его не снимала, – пояснила она собравшимся женщинам. – Зашейте. Как жила с этим дууа, так и похороним. Она родилась в другой вере, а умерла мусульманкой...

Кемисхан аккуратно распоролла дууа, вытянула с одного края изношенную нить – и вдруг вскрикнула:

– О Аллах!

На раскрытой ладони её лежал серебряный крестик...

---

*Дууа – нашейный талисман в виде треугольного или квадратного мешочка, в который зашито письменное заклинание. Рудимент язычества, не имеющий отношения к исламу.

**Аланла – мн.ч. – аланы. Алан, аланла – испокон обращение карачаевцев друг к другу.

***Хыйны – ворожба, колдовство.

Дания ЖАНСИ

Татарстан, г. Казань

Дания Жанси (настоящее имя Дания Зайнуллина) родилась в 1985 году в Ташкенте, выросла в Казани, жила и работала в Москве, Санкт-Петербурге, Вашингтоне и Дубае. Публиковалась в изданиях «ArtPrive», «Берлин. Берега», «Идель», «Казань», «Нева», «НГ-Ex libris», «Юность» и др. Рассказ «Гуманаид» вошёл в длинные списки премий им. Ф. Искандера и «ФИКШН35». Окончила летнюю школу писательского мастерства Университета Оксфорда, участник российских форумов молодых писателей Липки и Ершово. Дипломант Международной литературной премии «ДИАС-2023».

НОМО ДЕУС

Столько надо успеть деду Макару за световой день. Побегать по лесу, подтянуться на турнике, окунуться в озеро (если лёд, то пробить лунку), набрать воды из ключа; наварганить лепёшек и кашу с сушёными овощами или суп, а если лето, то собрать свежий урожай и заготовить припасов; прибраться наскоро и узнать чего нового из книг. А как начнёт темнеть, подойти к дубу на полянке у дома, обнять вековой морщинистый ствол, замереть на пару минут без дела, да идти спать. Когда зима и ночь, накрыться одеялом или двумя, лечь поближе к тёплой печке – сам собрал её больше полувека назад, никогда не подводит, родная. И дрова всегда наготовлены, и исправно сменяется изумрудный, охровый и белый на деревьях вокруг, слава Богу, и людей поблизости не видать. Только кузнечики трещат, да какое животное пробежит изредка – далеко в чащобу забралась изба Макара.

Много дел – мало времени. Ещё больше стараться приходится, когда навевается особенная гостя из города. Тогда Макар про спорт и учёбу не вспоминает, а работу, запланированную на день, переделывает до обеда. Сидит, ждёт на крылечке, и в снег тоже, наматывает длинную белую бороду на тонкую шершавую ладонь.

Вот она вырывается из чащи на машине, каждый год всё более диковинной и обтекаемой, выпрыгивает, бежит по полянке – лёгкая, румяная, весенняя. Встанет у крылечка, а вокруг радуется воздух, даже если тучи или метель и солнца быть не может. Макар смотрит немного на гостью, тоже улыбаясь, глубже впечатывая давние морщины вокруг рта и глаз, потом зовёт её на озеро или в дом.

Старик называет её Аннушкой. Сегодня солнечно и зелено, сидят они у воды, как всегда, то говорят о чём-то долго, то молчат. Макар кидает круглые камушки по облачной глади озера, поглядывает на девушку; та аккуратно сидит на иссиня-белой подстилке, тербит в руках поблёскивающую палочку, смотрит то на старика, то на деревья вдаль. Уставать или хандрить, не быть весёлой и общительной стыдно – но

в своём секретном местечке она отключает все гаджеты, обмениваться энергией хочет только с природой и диковинным другом. В дремучем лесу, среди опасных бактерий – коллеги и соседи посчитали бы бесстрашной или безумной, но не узнают. Лишь мерцает озеро и ласково улыбается её мудрый друг: смотрит подолгу, потянет к её плечу руку, но вовремя одумается и отдёрнет, возьмёт ещё один камушек с берега.

Рано или поздно разговор их сводится к вечному, Макар отчего-то закипает:

– Это тогда мы нашу страну слили к чертям! Где свобода личности, я спрашиваю? Где экология? Где равенство? В ауте, полном!

Девушка устало закатывает глаза к небу, прикрывает веки рукой, шепчет:

– Давай не будем. Смотри, какие облака красивые.

– Аннушка, скажи, ну разве нет? В полном же ауте страна, планета в ауте!

– Я действительно не хочу... Но хорошо, если смотреть на факты, то никогда ещё продолжительность жизни не достигала ста двадцати лет. – Девушка не любит таких разговоров.

– Только у горстки элиты! Расковыряли себе гормоны с желудком и живут припеваючи, травят природу-матушку дальше! – Старик почти кричит.

– Я тебя понимаю, – говорит Анна примирительно, тут же отчеканивает, – но средняя продолжительность жизни достигает семидесяти пяти лет для всех без исключения. Высокое качество жизни, отсутствие болезней, наполненность каждого дня. В какой исторический период люди жили лучше, Макар?

– Слышал я ваши ля-ля! А если не в среднем? Впахивать до шестидесяти лет на химии, потом сразу помирать – вот ваше качество жизни для простых людей!

– Знаешь, я тоже не со всем согласна. Но ведь правда, – она смотрит не на Макара, а в глубь леса за озером, – кому-то больше нравится иметь силы и здоровье, чтобы зарабатывать и тратить деньги до самой смерти, чем располагать большим количеством бесполезного времени в болезнях и нищете.

Анне хочется иногда здесь, с Макаром, разрешить себе подумать по-другому, да и друг её в чём-то прав... Но только она начинает нащупывать внутри тревожащую и трепещущую нотку, следует очередной выпад старика:

– Больше нравится, ну-ну... Эти черти травят нормальных людей и природу антибиотиками и гормонами, а сами живут до ста двадцати в своих горных дворцах и деградируют! Поубивать бы всех этих

паразитов, а лучше отобрать все их таблетки и заставить трудиться, вон пусть от пластика рыбы кишки чистят!

– Перестань, пожалуйста... – Анна запинается, хочет добавить что-то тёплое, вместо этого выпаливает, зная, что задевает друга, – это не твои компьютерные игры и не митинг за честные выборы – это настоящая жизнь, Макар.

Старик мнётся, начинает говорить, замолкает. Анна повторяет хорошо заученные формулировки:

– Люди всегда тратят свои ресурсы на здоровье. Кто-то может позволить себе подкорректироваться и перейти в высший класс А или Б, жить до ста двадцати лет. Кто-то не может и остаётся обычным человеком, как ты говоришь, но тоже до самой смерти не болеет и радуется жизни. А ты... ты вот вообще живёшь в лесу, варишь себе суп и колешь дрова. У каждого свой выбор, – голос слегка колеблется, как рябь озера, затем становится глухим, как всплеск от тяжёлого камня. – Я, может, и хотела бы узнать, какой я была бы бабушкой, может, хотела бы быть мамой. Но сделала свой выбор и несу за него ответственность.

Девушка замолкает: всегда больно думать, что класс А может не работать и иметь детей, а ей не положено. Зато на службе она прикрывает Макара и его заповедный лес. Старик тоже смотрит на озеро, молчит, голова наклонилась низко, почти втянута в плечи, взгляд под водой. Опять не сдержался, наверняка обидел единственную свою радость и друга.

И тут Анна (она так редко, но делает) протягивает белый мизинчик и осторожно обнимает им один из его пальцев, смотрит по-хулигански. Макар не шевелится, шепчет смущённо: «Тебе же нельзя, заболеешь». Посидят так немного, она ещё пару раз сожмёт мизинец на прощание и высвобождает руку. И минут пять со всех сторон светит на свои пальцы синей палочкой, улыбается виновато: «Прости». А он: «Да ничего, тебе же опасно: бактерии».

Потом, как обычно, идут в избушку, Макар накладывает себе каши или супа с травами, а его гостя садится за столом напротив, светит вокруг своей обеззараживающей палочкой, достаёт всё из сумочки и запивает цветные капсулы водой из синей бутылки. Говорит зачем-то, раз третий или четвёртый за последний год:

– Знаешь, я и правда думаю иногда, вот ушла бы к тебе в лес. – Видя довольного друга, добавляет: — Кстати, похоже, ты единственный, кто питается всем этим... едой, как раньше, и не умирает от аллергий. Да ещё и пышешь здоровьем. Фантастика.

– Тебе уже нельзя, родная. – Старик горько улыбается своей невозможной мечте. – Зато ты такая красивая, вот смотрю на тебя.

– Ты тоже, такой настоящий... мой единственный в мире, – шурит глаза, – дедушка. – Анна проводит пальцами рядом с его щекой, гладит

воздух. – Смешно, мы всё же дожили до девяноста лет, оба. Могли ли подумать, когда было по двадцать пять?

Он протягивает ладонь к её руке и останавливает за несколько сантиметров, держит, не касаясь, говорит бережно:

– Родная, только не обижайся... Но никак не пойму, зачем ты работаешь на их пропаганду? Неужели твои привилегии и гладкая кожа – достойная плата за отказ жить своей жизнью... быть собой? Ты же часто повторяешь, что у каждого есть выбор. Плюнь ты на эти высшие классы, делай что-то важное для себя, если уж будешь теперь жить до ста двадцати... или сколько там получится – уходи ты оттуда.

Анна вскакивает, улыбается, излучая энергию здоровья и благополучия в лучших традициях своего министерства социализации и просвещения.

– Мне пора, – быстро идёт к двери, бросает уже оттуда, как обычно, – я не обижаюсь, кстати, просто мне пора, до скорого!

И она опять летит через чашу в свой город будущего, в жизнь, которую сама себе выбрала, шепчет в сторону избушки: «Класс А, класс Б... А как, по-твоему, мне разрешили оставаться замужем за тобой, мой родной?»

Алексей ЖУКОВ

Латвия, г. Рига

Родился в 1981 году в городе Рига. Учился в Балтийском русском институте по специальности PR-менеджер. Более двадцати публикаций в печатных и цифровых изданиях, выходящих в издательствах «Снежный ком», «Перископ-Волга», «Астра-Нова», «Литера Нова», «Эдита Гелсен» и др. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Абсолют».

ТЕНЬ АНГЕЛА

Затаив дыхание, я смотрю на снежинки за окном. Белые хлопья кружатся, взмывают и падают, танцуя под известный лишь им мотив зимнего ветра. Иногда они ложатся на стекло и замирают, будто пытаются похвастаться своей красотой, но тут же соскальзывают прочь, оставляя лишь слабый влажный след. Однако я успеваю заметить хитросплетение ледяных узоров: хрупкое и мимолётное, как сам полёт, но исполненное того неосязаемого изящества, что всегда остаётся незамеченным.

Я впитываю их красоту и смотрю сквозь белое мельтешение на дом напротив.

Квадратные бреши окон в серой громаде светятся жёлтым. Многие из них зашторены, некоторые сияют огоньками гирлянд, однако есть и такие, что и вовсе не спрятаны от стороннего взгляда. Но это вовсе не оттого, что их обитатели жаждут чужого внимания. Просто даже в свете неброских светильников и ярких люстр люди порой забывают про свет иной, что теряется среди насущных дел, невзгод и неурядиц.

Вот на втором этаже молодая пара. Парень и девушка размахивают руками, пучат глаза и выкрикивают что-то дрожащими от возмущения губами. Слезы готовы навернуться на глаза обоих, но обидные слова, хоть и будучи неслышными, заставляют вздрагивать даже тишину разделяющей дома улицы.

На четвёртом, в крайнем справа, сидит старик и разглядывает в слабом свете торшера, бережно придерживая пальцами за уголки глянцевого фото. Позади виднеется неряшливо украшенная пластмассовая ёлка, а подле на столе лежит перевязанная лентой коробка с куклой. По сухим морщинистым щекам текут слезы.

На пятом же светится ангелок, сплетённый из приклеенных к стеклу диодных лент. Фигурка маленькая, свет слабый, но он всё равно выхватывает из темноты пухлощёкое личико мальчугана, положившего подбородок на скрещённые на подоконнике руки. Он не плачет, однако зелёные глаза исполнены такой печали, что хочется разрыдаться самому. Потому как в соседнем окне видны двое взрослых: мужчина, кидающий

вещи в распахнутый чемодан, и женщина, спрятавшая лицо в дрожащие ладони.

Я не слышу их голосов. Звонкий мороз и заклеенные на зиму створки служат надёжной преградой. Но даже если распахнуть окно настежь и спугнуть снежный морок, я всё равно не разберу слов. Потому как куда громче звучит застывшая на заунывной ноте тяжёлая и вязкая печаль.

Я сижу в тёмной комнате. Родители понимают, что мне так нравится, и не противятся. Но дверь за моей спиной притворена не до конца, и прямоугольник жёлтого света отражается в окне. Словно тюрьма моего недуга может стать крепче из-за какого-то щелчка щеколды.

Зато я прекрасно слышу их голоса, хоть они и пытаются говорить, как можно тише. Но их шёпот настолько пронизан эмоциями, что даже безмолвный диалог одними губами не смог бы укрыться от моих ушей.

– Лариса! – голос папы резок и груб, но я понимаю, что это из-за давно и крепко въевшейся усталости. – Он неизлечим! Ну не лечится такое! Сколько мы уже перепробовали? Сколько денег спустили? Всё без толку!

– Но Пётр Иванович сказал, – отвечает мама и замолкает. В её словах усталости не меньше, но уже почти нет той привычной дрожи, что всегда сопутствовала запертым слезам. Всё-таки надежда, хоть и слабая, не желала тонуть в солёном омуте.

– Твой Пётр Иванович – шарлатан! – слышится шуршание газеты, и папа читает язвительно-насмешливым тоном. – «Доктор Соколов, сенситивно-психологическая терапия». Ты хоть видела его диплом? А лицензию? Можешь не отвечать, я и так знаю, что нет! Сколько он уже с тебя содрал? Я ради него, что ли, в две смены пашу?

Я не понимаю, почему папа ругает доктора.

Пожилой и улыбчивый, тот сразу попросил называть себя просто дядей Петей. Другие врачи либо смотрели на меня, как на несмышлёного зверька, листая бумажки и изучая подключённые к моей голове приборы, либо сюсюкались, как с младенцем, хотя в уходящем году мне исполнилось уже целых десять лет. А дядя Петя говорил со мной, как с нормальным, взрослым мальчиком, без дурацкого лепета или игнора.

– Признай наконец, – говорит папа уже без злости. – Просто признай. Андрей – дебил. Мне тоже больно, поверь. Но нам нужно принять это.

– Не говори так! – теперь уже голос мамы наливается звонкой яростью. – Серёжа! Не смей говорить такое про нашего сына!

Несмотря на свой серьёзный возраст, я не понимаю ещё многих слов. Даже тех, что зачастую слышу от сторонящихся меня людей. «Дебил», «неполноценный», «умственно отсталый». И до сих пор не гадаю, что такого наговорил дядя Петя маме, после чего на её лице вновь стала

появляться улыбка. Наверное, как раз из-за неё я и запомнил ту странную речь доктора. Которую он, опять-таки в отличие от своих коллег, не пытался говорить у меня за спиной.

«Видите ли, – сказал тогда дядя Петя, – ваш сын живёт в совсем иной плоскости восприятия окружающего мира. Мы ещё не до конца изучили данный феномен, но он однозначно имеет место быть. Да, мальчик почти не способен управлять собственным телом. Но нарушение синаптических связей, работы нервных клеток и общего функционирования организма – это лишь следствие. Биологическая составляющая просто никак не может поймать связь с той тонкой сущностью, с той эмоциональной параллелью, в которой на самом деле существует сознание Андрея. А оно существует, уж поверьте, и наверняка куда богаче, да и глубже, чем наши с вами умы вместе взятые».

Я так сильно задумался над словами доктора, что даже не услышал, как скрипнула дверь и в комнату зашёл папа.

Сильная рука разворачивает коляску. Отец садится передо мной на корточки и слабо, но улыбается. Я пытаюсь улыбнуться в ответ и даже сказать что-то, но губы едва шевелятся и вместо слов слышится только силый хрип. Наверное, улыбка тоже выходит не очень – плечи отца вздрагивают, но сам он не перестаёт улыбаться. А потом протягивает руку и взъерошивает мне волосы.

– Андрюха, ты как? – папа не дожидается ответа и продолжает. – Ну и молодец! Мужик! Слушай, я на работу – присматривай за мамой, ладно? Ну и слушайся конечно! Я же могу на тебя положиться?

Я снова пытаюсь что-то ответить, но только хриплю. Тогда папа кивает, хлопает меня по плечу и выходит. Слышится стук железной двери, и целых долгих пять минут в квартире царит тишина, прерываемая лишь маминими всхлипами на кухне. А потом появляется и она.

– Андрюша, милый, не проголодался?

Под глазами красные круги, волосы растрёпаны, как будто в локоны впивались напряжённые пальцы, но улыбка по-прежнему та, да и огонёк в глазах, что разгорелся после последнего визита к дяде Пете, так и не угас.

Я пытаюсь сказать, что нет, но снова лишь мычу, и мама всплёскивает руками:

– Ну конечно! Совсем мы с папой заболтались. Ты погоди, сынок. Я сейчас тебе кашу разогрею. Гречку, твою любимую, – она хлопает себя ладонью по лбу и с шутливой горестью вздыхает. – Ах да! Совсем забыла, прости.

Мама подходит к ёлке, нагибается и щёлкает кнопкой возле подставки. На ветках тут же вспыхивают десятки разноцветных огоньков.

Мы поставили ёлку ещё вчера, а наряжали сегодня утром. Я говорю «мы», потому что мама всегда развешивает игрушки, только дождавшись,

когда я проснусь. Тогда она достаёт коробки, ставит коляску поближе и непременно спрашивает, какую и куда повесить. И пусть я не могу ничего сказать в ответ, её пальцы всегда безошибочно выбирают нужную ветку.

Через какое-то время на кухне гремят кастрюли, радио мурлычет новогодний мотив, а мама ему тихо подпевает. Я же смотрю на переливы ярких светлячков, сплетённых воедино запрятанным в хвое проводом. Я знаю, что по нему бежит ток, и что именно он заставляет сверкать миниатюрные лампы в пластиковой обёртке. Но я вижу ещё и нечто другое, текущее по невидимым нитям меж гирлянд и стеклянных шаров. Белый, незамутнённый полумраком свет, волшебный до самой глубины своего естества. Волшебный, ибо вбирает в себя всю силу, всю выжимку добра и тепла, что рождается при виде перебора цветных искорок, запаха хвои и наивного ожидания чуда.

Я вдыхаю и вбираю в себя этот свет. Чувствую, как упругой волной разливается он по телу, гулко отдаётся в висках и жжёт кончики пальцев. Руки сжимаются на поручнях коляски, и я рывком разворачиваюсь к окну.

Думаю, что этой энергии вполне хватило бы на то, чтобы обрести власть над своим телом. Наверняка, хватило бы.

Возможно, когда-нибудь... Да, когда-нибудь.

Но только не в этот вечер.

Я протягиваю руки, и белые нити срываются с кончиков пальцев, устремляясь к окнам дома напротив. Они касаются жёлтых пятен за стёклами, проникают за прозрачную гладь и растворяются внутри облачками алмазной пыли.

Молодая парочка резко замолкает. Секунду парень и девушка смотрят друг на друга, а потом хлёсткий, как искра, порыв сплетает их в объятиях, не оставляя места для тяжёлых фраз. И я поспешно перевожу взгляд дальше.

Пенсионер вздрагивает от звонка и неожиданно резво бросается к двери. Уже через секунду он судорожно отпирает простенький замок, и на шею ему, радостно вопя, бросается курносая девчушка. Светлая тугая коса взматывается ввысь, разгоняя полумрак старческого жилища, и будто пытается мне на что-то указать. И я послушно поднимаю глаза.

На пятом этаже мальчуган жмётся что есть сил к отцу. Под локтем зажат плюшевый медвежонок, и ему очень неудобно его держать. Но он и не думает разжимать тонких пальцев, скрещённых за спиной мужчины. К тому же сбоку их обоих пытается обхватить женщина, на глазах которой так и не высохли слёзы. Но это уже совсем другие слёзы. И никто не смотрит на брошенный и такой ненужный чемодан.

Я заглядываю и внутрь себя. Волшебства почти не осталось, но на дне сердца ещё что-то плещется. И этих капель как раз хватает на то, чтобы на моём лице наконец появилась настоящая улыбка.

Жаль только, мама не видит. Но когда-нибудь она увидит. И папа, и все-все-все. Обязательно! Ведь правда?

В конце концов, ангелы красивы всегда.

И потому, когда в следующий раз вам где-нибудь встретится неказистый человек – с несуразными чертами, изломанными движениями или попросту застывший в коляске – не спешите брезгливо отворачиваться. Лучше взгляните на тень за его спиной. Вдруг там трепещут изголодавшие до полёта крылья?

Алинда ИВЛЕВА

Ленинградская обл., г. Никольское

Прозаик, литературный редактор. Автор двух сборников рассказов и нескольких повестей. Соавтор сборников «Крымское приключение-2021» от ИД «МК в Крыму», «Невидимая твердь памяти-2022» от ЛОУНБ, «Антология русской литературы 21 века» от ИД «Перископ-Волга» 2022, трёх альманахов «Мгинские Мосты». Член жюри лит премии им. Серафимовича (2022). Дипломант конкурса «Мгинские мосты» (2021, 2022, 2023)», Международной литературной премии «ДИАС» (2022, 2023), лауреат литературного конкурса «ВВремя-2022».

СТЕРПИТСЯ – СЛЮБИТСЯ

Ефросинья прожила достойную жизнь, жаловаться ей было не на что. Полвека в родном селе учительницей проработала. Похромала на пенсию только после перелома шейки бедра – год двигаться не могла. Не до учительства тут. Поприветствовала период дожития не ропща.

Первого сентября по привычке, вот уж 50 лет как, встала рано. Нарядилась в выходное крепдешинное платье с кружевным жабо, на деревянные бигуди серебристые жидкие локоны накрутила. После школы кто-нибудь из бывших учеников да заглянет. С каждым годом всё реже. Но Ефросинья ждала. Леонид, муж её любезный, как проснётся, всегда радио «Маяк» включал. Ефросинья гимн в то утро не услышала. Не услышала она не гимн, ни детский смех с улицы, не супруга голос и оклик пеночек с ближайшего перелеска через приоткрытое окно.

– Лёничка, а что радио, неужели сломалось?

Лёничка не ответил из кухни. Тихо умер. Нашла его Ефросинья со вчерашней газетой на пузе, когда-то сильная рука повисла плетью. Сидел, понутив голову, на раскляченном потёртом кресле. Слеза по шагреневои щеке скатилась. И упала в ладонь вдовы Ефросиньи. Голос мужа отозвался в памяти зычным окриком:

– Фроська, люблю тебя до последней капли жизни! – в охапку жену молодую, грудастую, в одной сатиновой сорочке – на сеновал. Вспомнила, как грудь болела от его ручищ, всю намнёт, нацелует. И в поле, на комбайн.

Фроська городская, взбалмошная, и статью удалась, и лицом бог не обидел. А ум, говорила матушка – дело наживное, для бабы главное – фигура. И удачно замуж выйти. Вот и училась Ефросинья в педагогическом через пень-колоду. Ей бы замуж. Женихов – хоть отбавляй. Только имени стыдилась своего пролетарского. Риной представлялась, словно артистка Рина Зелёная. За непосещаемость чуть не

исключили, если б не влюблённый декан. Стихи ей посвящал. Вспомнив, даже спустя годы, четверостишие, старая Фрося зарделась:

*И шестикрылый Серафим
Вдруг пролетел над Ефросиньей,
Её судьба была б счастливей,
Когда б заметила меня...*

Ветреную стрекозу Рину не отчислили с условием. По распределению должна отправиться преподавать в далёкое сибирское село. Сейчас и самой не верилось, что с медведем возле своего дома нравственные беседы доводилось вести. А то и с половником за рыжей воровкой кур гоняться. Да политинформацию с местными сплетницами проводить. Может, и сбежала бы Ефросинья от тягот деревенской жизни, если б не Лёнька. Любая за него б замуж – без раздумий. Но не Фрося. Бровью не повела при первой встрече. Бедром от ворот поворот крутанула. Только гордо кудрявой копной цвета кленового сиропа махнёт, и прочь. Не глядя. Жених нашёлся. Хоть и косая сажень в плечах, и ростом не мухомор. Колхозник – никакой перспективы! И девчата местные всё судачили, мол, полдеревни обрюхатил, теперь за городскую взялся. Два года Фрося хвостом вертела. Лёнька упёртый, всё ходил следом.

В постель красавица Рина улеглась с фольклористом заезжим. Сказы и легенды здешнего края его интересовали. Книгу писал. «Тайны забытых этносов». Мечтал явить миру свой труд бесценный, прославиться и уехать во Францию. К дальней родне. Заслушивалась Фрося после жарких ночей легендами галльскими, шансоном парижским и байками местными. Увёз историк-фольклорист не её, а фотокарточку, подписанную: «От Рины с любовью. В. Ямки. 1965». А три месяца спустя пригляделась повнимательнее стрекоза к Лёньке. Отговаривали её местные бабульки, норовистый, весь в отца-татарина. Не будет жизни. А Фросяке не до размышлений, когда живот на нос лезет. Лёнька чернявый, а дочка родилась вся в мамашку. Рыжая. Не подкопаться. Записали трёхкилограммовую Катю недоношенной. За аттестат с красной корочкой непутёвому внуку главврача роддома.

«Стерпится – слюбится» – когда-то говаривала бабушка Ефросинья, в честь которой и назвали Рину. Так и случилось. Носил любимую жену Леонид на руках, в театр областной возил на премьеры, в отпуск – на море. Богатырское тело мужику природа подарила, а сердце – слабое. Разбил инфаркт в возрасте Христа. Но оклемался. Дочь поднимать надо. Да и о мальчугане, наследнике, мечтал татарский сын. Но беда не приходит одна. Одолело бессилие. Глаза хотели жену – в чреслах мощи нет.

Поколачивать стал Фроську свою. Приложит кулаком иной раз так от ревности жгучей, что та неделю не вставала. Потом в раскаянии молился на коврике. На зорьке – перед иконами. Прощения у Бога просил. «Мусульман недоделанный», – бурчала Фрося, без слёз, без упрёков. Почему терпела? Не ушла? В деревне живёшь: не пожалуешься, что люди скажут. И куда с дитём, по миру разве что. Не привыкшая Фрося была за себя ответ держать. Не нажила ума к тому времени. А терпения бабского – хоть отбавляй. Да и жалела мужа Ефросинья, нет-нет, совесть ехидно ворчала: если б не он – посмешищем для людей стала бы. Дрались – мирились.

Подросла Катюша, генами историка-этнолога одарил Всевышний и разумом наградил. Не место в деревне умнице и красавице – согласилась мать. Черканула отцу её, преподавателю в Парижском университете, и отправила дочь покорять за границу. Если б знала, что увидит Катеньку только на похоронах мужа, легла б у порога. Замертво. Не отпустила бы.

Глухая, охромевшая, натянутая как струна старой гитары, с ниточкой губ, потерявшейся во впалых щеках, стояла она посреди кладбища возле чёрной ямы. Под проливным дождём. Что-то отвечала невпопад соседям, дочери. Ефросинья как бросила горсть земли на деревянный гроб мужа, так ещё и онемела. Дочь купила в городе матери квартиру. Фрося согласилась безвольно – лишь бы не дом престарелых. «Справлюсь. Недолго осталось, какая разница, где помирать. Дочь в свои Франции уедет. Горевать – куковать в четырёх стенах без разницы где». После сороковины увёз грузовик пожитки. Городская вернулась.

Помирала Баба Фрося месяца два. Да не померла. Обзавелась живностью, что её до язв сжирала. Высохла, как вобла, гнила и воняла. Но не вставала. А смерть всё не шла.

* * *

У домушников своя почтовая служба. Вести, кто где помер или уехал надолго, быстрее чем до соседей и участкового доходят. Второй этаж, старые деревянные рамы. Всего делов-то для опытного форточника пять минут. Залез в квартиру, и тут же пожалел. Клобы ковром на полу кишели. Свет не включить, застукают. Фонарём посветил. Затхлый запах вперемежку с вонью испражнений, на кровати в гостиной труп с охряным лицом, покрытым болячками. Перекрестился вор, огляделся, порылся в серванте. Кроме сберкнижки и золотых сережек с рубинами – ничего.

– Да, бабуля, зачем жила, ни хрена не нажила? – выдернул из розетки плазму, сунул серьги в карман и направился к двери.

– Лёня? Ты пришёл за мной? Слава тебе, Господи!

Загробный голос приковал ботинки, которыми ещё полгода назад зону топтал, к паркету. «Ведьма! Откуда имя моё знает?». Телевизор выскользнул из дрогнувших рук, брякнув запчастями об пол. Не удержал Лёнька добычу в липких руках. Рванул к двери. А бабкин труп сполз с кровати и за ним. Воришка-неудачник дверь на себя, тьфу ты, закрыта. Замок крутанул. Руки не слушались.

– Куда же ты, Лёничка? Возьми меня с собой! Ключи я спрятала, замок хитрый, чтоб никто чужой не зашёл. А ты знаешь, где я ключи всегда прятала, – скрипела старая карга. Лёнька нащупал включатель. Бабка коцала по полу длинными желтушными ногтями на босых почерневших ногах, выглядывавшими из-под замызганной сорочки.

Домушник снова перекрестился:

– Где ключи?

Глухая Фрося что-то лепетала и всхлипывала. Вдруг застыла.

– Ты не Лёничка?! – упала навзничь.

«Сдохла»? – сам у себя спросил Леонид. Светанул фонарём в кухню. «А мебель-то хорошая и ремонт. Может, закрою трупешник на лоджии и перекантуюсь денёк-другой. На кухне клопов нет, кину пару шмоток на пол. Всяк не на улице».

Крестясь, матерясь и сплёвывая, дотащил до лоджии старуху. Сам замёрзший, голодный, еле двигался. Закрыл бабку на балконе, прикрыл куском линолеума, что стоял там же в рулоне. Снова перекрестился и тут же выругался, удивляясь своей неожиданной набожности. Закрылся на кухне. В холодильнике обнаружил полбутылки рябиновой настойки. Приговорил тут же. Разморило от усталости, желудок напевал мелодию скрипичного концерта Прокофьева «Блудный сын». Заснул на полу, подложив под голову пропахшую костром фуфайку.

Снился ему сон. До чего ж забавный. Будто в деревне. Кругом поля пшеничные, без конца и края, волнуется нива. Гнутся спелые колосья на ветру, золотятся. И так сладко в носу от хлебного запаха. Едет бывший зэк Лёнька на комбайне, а рядом мужик здоровенный, подмигивает, по плечу хлопает, голос грозный, перекикивает грохочущий двигатель:

– Ты Фроську мою не забижай. Не бросай. А то заберу тебя с собой. В эту же зиму.

Весь в поту открыл глаза домушник. Огляделся. Никого. Вытер лоб рукавом рубашки. Открыл кран, сделал, захлёбываясь, несколько больших глотков холодной воды. И вдруг услышал, как стекло дребезжит. И писклявый голос:

– Холодно мне. Неужели пришла ты, смерть моя? Да что ж так холодно?

– Твою ж мать, чуть не заморозил ведьму. Живучая тварь.

Рванул к лоджии, вытащил старуху. С минуту размышлял. Включил кран в ванной, когда набралась вода до половины, загрузил бабу Фросю, в чём была, в живительное тепло. Всю ночь кромсал и ломал диван, сервант, стол и кресла в гостиной, удивляясь, откуда силы пришли. Таскал на помойку останки. Выбросил все вещи, кишачие клопами. Как открылся промтоварный, сбегал, стащил три аэрозоля карбофоса. По пути из супермаркета прихватил пряников, чая пачку. Напоил бабу чифирём бергамотовым, передел её в шубу, что на балконе хранилась. Глянул на старуху – ожила. Щёчки порозовели. Жалко стало, рубцом по сердцу, одинокому, помотавшемуся по детдомам, не выдавшему материнской ласки, сорокалетнему воришке, бабу.

– Лёночка, а давай вернёмся в деревню?

* * *

– Гля, Фроська вернулась. Да не одна. С хахалем, – ржали соседки. – Надолго ли? – тычут пальцами.

– Ма, народ интересуется, – попытался объяснить Леонид жестами.

– Сын мой, – крикнула, гордая, баба Фрося любопытным. Домой вернулись. Навсегда.

Александр САВЧЕНКО

Кемеровская обл., г. Новокузнецк

Савченко Александр Карпович родился в 1937 г. на ст. Любинской под Омском. Автор трёх книг: стихов – «В плену времён», экспериментальной прозы – «Сов падение» и романа «Двое из-за бугра». Печатался в журналах «Огни Кузбасса» (лауреат премии за 2012 г.), «Сибирские огни», «Страна Озарение»; в сборниках, изданных в Москве, Самаре, Орле, Омске, Брянске, Волгограде, Ярославле, Кемерово, Новокузнецке, а также в Монголии Казахстане и Беларуси. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Дело».

ПУСТЬ ОН ПЕРВЫЙ!

– Дядя Вань!.. Ну, дядечка Ваня! – и следом назойливое «кап, кап, кап».

Иван снова начинал плутать в забытьё. Одно и то же: кап, кап, кап. И тот же голос: «Дядечка Вань! Ты живой? Посмотри ж на меня!..»

Когда он пришёл в себя, понял, что находится под землёй. В шахте. Сначала уловил, а потом узнал – это ж Равиль! Иван разомкнул веки. Кап, кап, кап... Всё ясно: это грунтовка с кровли штрека. Значит, остановлены все «жабы» – насосы, откачивающие пластовые воды.

Равиль не заметил, как старый шахтёр открыл глаза. Поэтому продолжал твердить: «Как же так получилось, дядя Ваня? Нас теперь никто не выручит...». И, как молитвенное причитание: «Эби сенелем! Син мине ишетэсенме?..»

– Да, живой я, Рава! Живой! Только скажи: давно без сознанки?

– Ой, дядя Ваня! Не знаю... Наверно, давно... Может быть, сутки... Или больше... Я даже сильно захотел есть...

– Ладно! Сейчас не до этого... Нацеди мне водички... Душа вся иссохла.

Иван понял, что пришёл в сознание окончательно. Он вспомнил, как перед концом смены, когда мужики направлялись к подъёмнику, ему дураку взбрело в голову показать молодому практиканту из института и попутно соседу по подъезду место своей работы в лаве. Захотелось высоким рабочим штилем дать наказ этому безусому ёжику, как кличут здесь такой народишко.

Это была последняя шахтёрская смена Ивана, завтра его должны зачислить в пенсионеры. И вот они на том месте, куда Иван тащил парня. Перед ними: слева массив угля – забой лавы, справа – могучие опоры проходческого комбайна.

– Смотри, Рава, какое чудо сотворили людские мозги. Я сам...

И не договорил. Мир перевернулся за одну секунду. Слава богу, не взрыв и не пожар, а глубинный сдвиг породы. Иначе бы души Ивана с Равилем уже осваивались с высокими небесами.

– Как нам теперь быть, дядя Ваня?

Иван не знал ответа на этот коварный вопрос. Но собрался со словами.

– Давай вместе покумекаем. Надо двигаться туда, где могут быть люди... – Помолчал и спросил, – а ты чего там бубнил про «синелем»?

– Это я мысленно обращался к бабушке Фариде. Думал, что она меня услышит... Она ж у меня одна на свете, и я у неё из родни единственный.

Решили пробираться тем же коротким путём, что и пришли. Там старый штрек, деревянные опорные стойки. Иван не доверял современному крепежу.

– Значит, так... Я иду на разведку, а ты остаёшься здесь. За старшего, Рава!

– А вы вернётесь, дядь Вань? – спросил с некоторым страхом Равиль.

– Ты что, парень? Сомневаешься во мне? Иначе зачем бы пошёл?

И осторожно нырнул в темнотищу. Эх, только б не напороться на завал. Но вскоре попал в ловушку – груды угля и породы преградили путь. Иван рискнул, просунулся в щель у самого пола штрека. Не хватало воздуха, но он полз и полз.

И не заметил, как выбрался из проклятой щели, усеянной пылью и штыбом – крохотными кусочками угля. Иван знал это место. Переждать сподручнее здесь – хотя бы можно встать в полный рост. Почти на ощупь обследовал площадку нового прибежища и понял, что из двух ближайших стоек одну надо заменить...

Пополз назад. Чтобы отогнать сковывающее чувство опасности, насильно вгонял себя в картины далёкого прошлого. Будто идёт он через осиновый подлесок. Вдали бухнут кусты калины, а на опушке взвиваются саранки, все в сиреневых завитках... И вдруг явилось то, чего никогда не бывало в жизни. На поляну выбегает маленький Равиль, а за ним величаво ступает костлявая бабка Фарида. Равиль в прозрачной шёлковой рубашке, машет ладошкой белым облакам, а Фарида стоит в стороне, прикрыв глаза от солнца кривыми пальцами. На ней розовая длиннополая рубаха с оборками, поверх – синий приталенный камзол с жёлтой оторочкой. На голове вышитая бархатная шапочка – калфак, обшитый серебристыми блёстками. Настоящая красавица в металлических украшениях – серьги, браслеты, блескучие цепочки и накосяники. А на ногах оранжевые ичиги на мягкой подошве. Иван прыснул смехом от мысли: Фарида ведь ненамного старше его, а, может, даже ровесница... Бывает же!..

Когда он появился перед Равилем, тот радостно воскликнул:

– А нас услышали! Понимаете, они знают, что мы живы!

– Кто, Рава? Ты так со мной не шути. Сейчас вся напруга и связь в отключке... – А сам подумал, что парня от пережитого начало колбасить.

– Я, дядя Ваня, про свою мобилу... Я её в раздевалке машинально в карман робы сунул... Не знаю, зачем... А когда вы ушли, послал бабушке эсэмэску. Тут же ответ от них пришёл. Правда, рваный какой-то «...оняли... живы, дер...».

Иван тыльной стороной ладони смахнул со лба крупные капли пота.

– По всем статьям паразит ты, пацан! Но если не врёшь, то понимай: там знают, что мы живы... И нам надо держаться до самого конца!

Фонарь на каске Ивана тускнел. Шахтёр отыскал пруток проволоки, сделал на концах его по петле. Выбрал одну из стоек, охватил её удавкой.

– С богом, Рава! Следуй чётко за мной! Уловил?

У знакомого лаза накинул на сапог вторую проволочную петлю.

– Будешь подталкивать деревягу, а то доползу без конечности...

Иван боялся, что петля соскочит с ноги вместе с резиновым сапогом. Тогда парню будет хана... Наконец, миновали спасительный лаз. Иван выставил новую стойку рядом с той, что ему не понравилась. Равиль помогал шахтёру, как мог.

– Я тут тебе сказал «с богом!» А ты сам-то веришь в какого-нибудь бога? Или ваше поколение поклоняется только баксам?

– Не знаю, дядя Ваня... Три раза за жизнь был в мечети... И всё... Если окажемся наверху, значит, он есть... Пересмотрю себя. Но, думаю, что есть...

И в этот момент там, где они находились несколько минут назад, тяжело ухнуло. Сотряслись стены оголённой породы. На каски посыпались мелкие камешки угля и породы.

– Не выдержал верхняк, Рава. Ждал, когда мы с тобой пройдем... Вот тут и подумаешь о Боге! А ты говоришь «проголодался»...

Время ползло медленно. Два живых существа в нём потерялись окончательно. «Моторола» не фурычила. Да и что она? Это благодаря совпадению пространственного перемещения и отражения волн в эфире Равилю удалось подать знак о себе.

Всё реже они вели разговор. Потом один уходил в дрему. Другой глядел в бесконечную темноту.

– Ты, Рава, больше спи. Надо беречь силы. Если не можешь заснуть, девчонок своих в уме пересчитывай! Скорее сон придёт...

– Какие девчонки? Я только с Танькой два раза поцеловался. Потом она с родителями в Краснодар переехала. Мне с женщинами не везёт.

«Ишь ты, ёжик! С женщинами ему не везёт...» – усмехнулся Иван про себя.

Так и перекидывались они короткими фразами. Однажды Равиль спросил:

– Верно, что вы первыми на нашей шахте вышли бастовать?

– Было, было такое. Подрал я тогда глотку. Считал, что рай наступит, как только коммунистов оттесним. А вышло что? Вроде и шахта жива, новые крепи ставим, комбайн новый теперь в забое у нас. Только у меня всё больше сомнений...

– Прогресс, дядя Ваня. А то б и сегодня стоял с отбойным молотком...

Слова парня, видать, задели шахтёра за живое. Иван аж продул ноздри.

– Я с молотком, Рава, был передовым проходчиком, а теперь рядовой «гроз» – горнорабочий очистного забоя! Мои фотки на «Доске почёта» еле успевали обновлять. Был я раньше хозяином на шахте. Ясно? А теперь, скажи, кто? Чурка с глазами.

...Сунул он как-то в карман куртки руку, а там кусок тетрадного листа – в него дочь Нина, готовя отцу «забутовку», завернула шмат сала и две котлеты. От бумаги пахнуло домашним теплом и кухонным жиром. Рука сама по себе скомкала лист и вмиг отправила комок в рот. Жевал бумагу по-звериному. Не поделился с мальчишкой подвернувшимся фартом, проклятая плоть оказалась сильнее человеческой воли. Утешала лишь мысль, что поступил правильно, уберёт Равиля от худшего.

По длине щетины на щеках Иван догадался, что прошло больше десяти дней, как они попали в заточение. И надо ж случиться: где-то далеко-далеко вдруг послышались глухие стуки. Иван и Равиль встрепенулись одновременно.

– Там люди! – почти закричал Равиль.

Иван попытался дать о себе знак – куском породы саданул по деревянному брусу, поддерживающему свод штрека. Но раздался только глухой отзвук. Зато откуда-то в ответ донеслось два слабых стука! С этого раза узники воспрянули духом. А дальние звуки постепенно нарастали и приближались.

Так получилось, что они оба в ту минуту то ли спали, то ли были в забытьи. Совсем рядом, будто за кухонной перегородкой, раздался шум. Кто-то разгребал куски угля и породы.

– Мы здесь, ребята! – закричал Иван и не узнал своего скрипучего голоса.

Вскоре в непроницаемую мглу штрека хлынул поток электрического света.

Иван, ухватившись за пихтовую стойку, сдавленным голосом выдал:

– Берите скорее парня! Там у него бабка на-гора заждалась!

Равиль слабо раскачивался на коленях у другой стойки:

– Нет, пусть он первый! Ему завтра на пенсию! А мне тут ещё долго работать!

Елена САФРОНОВА

г. Рязань

Родилась 2 мая 1973 года. Автор книг критики «Все жанры, кроме скучного» (2013), «Диагноз: Поэт» (2014), прозы «Жители ноосферы» (2014), «Портвейн меланхоличной художницы» (2017). Редактор рубрик «Проза» и «Критика и публицистика» литературного журнала СП Москвы «Кольцо А». Член Русского ПЕН-центра, СП Москвы, СРП, Союза журналистов России. Автор «толстых» литературных журналов «Знамя», «Урал», «Бельские просторы», «Вопросы литературы». Лауреат литературных премий в критической и прозаической номинациях, лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Абсолют».

ФЕНОМЕН

Они сидели в Юриковой квартире на девятом этаже. Юрик тянул пиво. Вадик с неохотой прихлёбывал чай. У него началась очередная чёрная полоса: он ничего не мог и ничего не хотел. На чае настоял Юрик ради смягчения разговора. Вправлять собеседнику мозги лучше за рюмкой кофе. От рюмки Вадик отказался. От вразумления не смог – он ведь и пришёл к однокашнику излить душу.

– На сей раз полная ж... – бубнил Вадик. – Работы нет и не предвидится. Людоеды эти подняли пенсионный возраст, кто меня теперь в 55 куда примет? Везде свои. С улицы придёшь трудоустроиваться – на улицу и выйдешь. Анька ушла насовсем. Пять раз за жизнь сходились. Теперь – бросила, сказала, неудачник ты, на фиг мне такой нытик на старости лет. Дашка только что в рыло не плюёт: мол, я ей квартиру не купил, на работу приличную не приткнул. Ты лузер!.. Отцу родному, а?.. А про себя знаю – да, я лузер. Весь в мамашу свою. Она жила для людей, для страны, мне оставила комнату в коммуналке... Так что я неправду сказал. Анька не от меня ушла, а меня из дома выгнала. Буду тусить в коммуналке мамашинной... Денег нет ни хрена, четыре года без работы...

– Инженер твоего уровня не может быть без работы, – наставительно сказал Юрик. – Вадим, извини, но ты сам виноват, что оказался в такой жо... положении. Я в одной книжке вычитал: «Нет таких слов: "не могу". Есть слова "я не пробовал" и "я плохо старался"». Вот это про тебя. Что ты пробовал сделать, чтобы хотя бы работу найти? Вон президент по телевизору сказал, что надо развивать отечественную промышленность. Теперь специалистов твоего профиля с руками оторвут, а ты ноешь сидишь!..

– Я пробовал, – обиделся Вадик. – Резюме по всем заводам рассылал. То нет ответа... то, один раз, прямо обозначили, что ищут специалиста до 35 лет.

– А туда, откуда не ответили, ты звонил?

– Зачем?

– Затем, что это азы этики трудоустройства!.. Отправил резюме – надо дня через три набрать и спросить, получили ли его!.. Я так лично делал, у меня, как видишь, сработало!..

– Глупость это. Если резюме заинтересовало, наберут тебя и сами. Если же нет, хоть обзвонись. А в твоём случае, думаю, сработало, что ты резюме не дяде посылал, а своему другу по НИТИ!

Юрик насупился. Он не думал, что Вадик помнит, о чём он проболтался. А Вадик оседлал любимого конька.

– И так везде – у тебя есть шанс, только если ты идёшь туда, где сидят твои друзья, однокашники, родственники.. Лучше всего – мамы и папы. А моя мамаша, блин, бедная, но честная, полезных связей не завела, твердила, надо жить своим умом. Да и какие у неё, по совести, могли быть полезные связи, у уборщицы в аптеке...

Юрик решительно перебил.

– Вадик, прекрати стонать и обвинять других в своих бедах!.. Тебе ли жаловаться! Человеку со сверхспособностями!..

– При чём тут мои способности?.. В девяностые, помнишь, сколько людей со способностями, со степенями, с красными дипломами дрались за места дворников?..

– Твои способности – дело другое! Я же помню, как ты в походе костёр взглядом зажжёг!..

– Ага. Вместе с зажигалкой.

– Зажигалка не работала! В ней бензин кончился! Или мы ей боёк сточили! Не работала зажигалка ни у кого. А ты костёр зажжёг!..

– Дела давно минувших дней...

– Вадим! Твоя проблема в том, что ты сейчас опустил руки! Тебе надо срочно изменить отношение к ситуации – и все изменится к лучшему! Поверь в себя, в свои силы!..

– Это как, интересно, человек на дне может поверить в свои силы?

– Столько книг на эту тему написано специально для тебя! Почитай Ложковского...

– Хренковского!.. У меня денег на хлеб нет, а ты мне предлагаешь купить дорогущую книгу.

– Ну давай я тебе его подарю. У него один том есть сказочный просто – «Стоит только захотеть»...

Вадик разразился хрюкающим смехом.

– Ой, не могу!.. «Стоит только захотеть», значит, и меня возьмут генеральным директором завода?.. И жена ко мне вернётся? И дочь зауважает?..

– Ну, не так утрировано, но там написано, как формировать у себя позитивное мышление и самому свои проблемы решать.

– Юрик, все эти модные психологи единственно чьи проблемы решают – свои материальные. Остальные лохи им похрену.

– Ты неправ. Ложковский – отличный специалист, наш где-то ровесник, в СССР еще начинал, у него школа своя...

– Вот что человек со своей школой и чемоданом денег может посоветовать мне, сидящему без копейки и без жизненных перспектив?..

– И это говорит мужик, который силой мысли двигал предметы!..

– Что ты всё вспоминаешь наши приколы юношеские?! Ну да, было круто, когда в общаге у тебя зависали до утра... Казалось, что перед нами бесконечное светлое буду...

– И когда ты мяч баскетбольный кидал по стенам, по потолку, так, что он в форточку выскочил и комендантше по балде!.. – Юрик резко оборвал Вадика, чтобы он опять не затянул жалобную песню, да сам зримо увидел то, что вспомнил, и заржал в голос. – Ой, не могу! Помирать буду, в последний миг увижу, как у Зинки-корзинки парик съехал на правое ухо, и как она со двора орала на все этажи матом!.. Слушай, ну признайся – ты в неё специально целил?..

– Нет. Я вообще никак не мог тем мячом целить. Мне казалось, не я им, а он мной управляет...

– А я уверен, что ты в Зинку метил!..

– Ага, чтоб она тебя вычислила по фортке, и чтобы отчислением и выселением пугала, к декану бегала... Ты за кого меня принимаешь? Думаешь, я тебя подставить хотел?..

– Не думаю, конечно. И забыл, что была такая вонь потом. А вот мяч Зинке в маковку помню!.. Я вообще только хорошее помню из юности.

– Везёт! – загробным голосом сказал Вадик. – Я-то всё помню.

– Это тоже плохо, Дюха. Надо помнить светлые моменты, а тёмные заваливать в подсознание, чтобы они не чадили...

– Вот и прикажи своему подсознанию!

– Нет – это ты прикажи своему подсознанию! Которое спрятанные карты угадывало, банку килек нашло за мусоропроводом в другом крыле общаги... А как ты мысли нам передавал на расстоянии?! А как жене своей признался в любви, когда она на зачёте сидела?! Кстати! – Юрик вдруг весь подобрался. – А почему бы тебе этим не заняться?! Как Мессингу?!

– Сравнил меня с Мессингом!

– Сравнил. Я считаю, что ты круче. Он неизвестно ещё, кто был. Может, мошенник. Но деньги огромные зарабатывал на гипнозе и на фокусах, которые ты нам бесплатно показывал!..

– Да он просто под колпаком у КГБ ходил, вот и...

– Радуйся, что ты под этим колпаком не ходишь. И что сейчас можно предпринимательством заниматься.

– Юрик, ну какой из меня на шестом десятке предприниматель? Я даже представления не имею, как договориться о выступлении, к примеру. Наверняка мне скажут, что я должен зал арендовать, афиши сделать – на какие шиши всё это?..

– Хочешь, чтобы я тебе одолжил? На аренду зала – одолжу. Без процентов.

– Да ладно, фигня это всё...

– Кто хочет – ищет возможность, кто не хочет – ищет причину.

– Да я не хочу выступать как Мессинг. Я не ярмарочный фокусник, а инженер. И как инженер – не востребован. Ты знаешь, как это больно?.. Нет. Но мне неприятно, понимаешь, становиться шутком балаганным, чтобы прокормиться, если я не могу зарабатывать настоящим делом...

– Ну откуда ты знаешь, что твоё настоящее дело? Может быть, твоё призвание – вот этот феномен!.. Может, тебе вообще надо было это в себе развивать смолоду, а не политех кончать!..

– Да, надо было сдать в лабораторию, был бы сейчас кроликом или крысой, меня бы хоть кормили...

– Димыч, меня реально задолбало говорить с тобой в таком тоне. Ты считаешь, что тебе хуже всех? А калеки? Безногие всякие? А, не знаю, трудовые мигранты без паспортов?..

– Они-то работают без проблем!.. Я на стройку просился, там посмотрели на мою комплекцию и одышку и на фиг послали.

– С таким настроением тебя любой на фиг пошлёт! Серьезно говорю – тебе нужна грамотная стратегия! Как совершенствовать свою личность!

– Психологов многих я в молодости читал. Пока у меня всё хорошо было. Тогда казалось – интересно, умно пишут, черти!.. Потом, когда проблемы начались, понял, какая туфта все их учения. Ничего общего с реальной жизнью!..

– Не скажи. Некоторые пишут про пошаговое принятие того, что с тобой происходит. Ложковский тот же... Смотри: шаг первый – ты принимаешь свои неприятности. Шаг второй – принимаешь, что ты в них не виноват, вообще никто не виноват, это данность. Шаг третий...

– Ой, всё! – у Вадика дёрнулось веко. – Ты мне сейчас программу «Двенадцать шагов» выложишь. Я не совсем тёмный, я ею интересовался когда-то. У нас этой программой обычно наркоманов лечат. Может быть, для наркоманов она и подходит. И то, говорят, когда наркоманы сами хотят завязать. А я не знаю, чего хочу. Поэтому для меня эти шаги считать... что толку? Не моё это...

– Конечно, твоё – это сопли на кулак мотать и по ушам друзей развешивать! – вырвалось у Юрика. Он тут же пожалел о сказанном. Но было поздно. Вадик окончательно помрачнел и замкнулся.

– Ладно. Пойду я. Пока совсем не поругались. Не поминай лихом.

Он неуклюже поднялся с дивана, задев толстой ногой столик с чаем и пивом. То и другое плеснулось на столешницу.

– Тьфу! – сказал Вадик. – Ничего-то я по-человечески сделать не могу...

Юрик раздражённо промолчал. Да Вадик и не ждал от него реакции. Он прошествовал к стенке квартиры, которая была наружной стеной дома. Кривовато, одним плечом вперёд, протиснулся через стену и пропал с глаз Юрика. Тот метнулся к окну. Вадик спускался по воздуху медленно и косолапо, точно так же, как ходил обычно по лестнице. Весь вид его выражал глубочайшую обиду и уныние. На полпути Вадика заметила любопытная тётка из дома напротив, вечно торчащая в окне и следящая за событиями во дворе. Она так и прилипла к стеклу, а потом судорожно стала открывать оконную створку и, видимо, искать телефон – заснять. Её возня привлекла внимание не только Юрика, но и Вадика. Он махнул рукой и пропал из виду. «Трансгрессировался», – подумал Юрик термином из Стругацких. А потом вслед другу: «Ты меня слышишь? Ну чего не дал себя снять тётке?! Это же бесплатный пиар! С таких мелочей и начинается путь к славе и деньгам!»

«Засунь себе знаешь куда славу и деньги!» – спустя пять минут пришёл в голову Юрика направленный мысленный посыл от бывшего однокашника.

Наталья ТИМОФЕЕВА

Московская обл., г. Химки

По первому образованию – филолог романо-германской группы, второе образование – экономическое. Автор трёх поэтических сборников и сборника литературных переводов. Публиковалась в журналах «Нева», «Западная Двина», «Московский BAZAR», «Юность», «Перископ», «Литературной газете» и др. Победитель литературных конкурсов «Петроглиф», «ЛитКузница», «Уральский книгоход», «Славянские традиции», «Моё сердце в горах» им.

Вильяма Сарояна, «Литературные старки», лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Судьба».

МУХА

Она появилась ниоткуда. Она или он – обтянутый чёрной шерстью комочек, пискнувший по-кошачьему и вцепившийся в штанину чуть выше ботинка Варлама. Возвращаясь домой в полумраке, Варлам едва не раздавил это существо, которое, вопреки инстинкту самосохранения, решило цепляться за жизнь по-своему: путь задавят – так больше шансов быть замеченным. И его заметили. Варлам наклонился, поднял дрожащее тельце, перевернул на спину – кошка. Значит, она. Как-то проскочила в подъезд. Или подкинули? Варлам оглянулся, перетаптываясь в замешательстве, и обшарпанная половица деревянного пола жалобно скрипнула под его весом, словно переговариваясь. Он поднял кошку к свисавшей с потолка тусклой лампочке, пытаясь разглядеть характер в глазах животного. И в этот момент кошка мягко, но решительно вцепилась в ладони Варлама – возьми! И он взял. Зачем? Сам не понимая, он понёс комок кошачьих несчастий в свою квартиру – накормить.

Жалобное «мяу» перешло в жадный рык, как только морда кошки вошла в соприкосновение с фрикаделькой. А затем звук торжествующей плоти, куда более жизнеутверждающий, чем гимн из радиоточки по утрам, заполнил собой всё кухонное пространство. Наевшись, кошка принялась намывать мордочку и мурлыкать.

– Ну, чего разжужжалась, как муха? Муха она и есть Муха. Чем не имя? Значит, будем знакомы? Только, пожалуй, тебя стоит отмыть для начала.

Через минуту мокрое существо расположилось на кровати Варлама, и его комната, пропахшая табаком, буквально взорвалась от всепроникающего запаха, хоть и кошачьего, но ребёнка. Варлам с горечью подумал, что его дочь Лена выросла без него. Так может, кошка послана ему компенсацией за все потери?

В памяти всплыли далёкий тридцать седьмой и почти забытый запах спящей дочери, которую Варламу предстояло покинуть навсегда в ночь ареста. Леночке шёл второй год, когда за ним пришли той холодной

январской ночью. Это был повторный арест Варлама после трёх лет отсидки за участие в троцкистской оппозиции. Под давлением семьи, пытавшейся подстраховаться, Варлам написал покаянное письмо на Лубянку с отречением от троцкизма. Он пошёл на это ради своей дочери, как в своё время его отец, священник, ради семьи пошёл на «религиозные диспуты» с атеистами, оплачиваемые революционной властью в целях «просвещения». Но когда заведующий Губпросветом в ответ на просьбу Варлама направить его на дальнейшую учёбу скрутил фигу «отродью непролетарского элемента», Варлам решил во что бы то ни стало доказать, что одному человеку не дано распоряжаться судьбой другого, и уехал поступать на факультет советского права в Московский университет – бороться с несправедливостью. Увлечение поэзией Маяковского и Есенина, посещение лекций Осипа Брика, первые поэтические опыты, одобренные Асеевым, – всё это обещало интересную и полную событий жизнь в литературной Москве. Но участие в студенческом дискуссионном кружке, где обсуждали ленинские принципы и концентрацию всей партийной власти в руках Сталина, послужило причиной отчисления Варлама из университета с последующим арестом за распространение так называемого «Завещания Ленина».

Несмотря ни на что, первый лагерный срок только закалил Варлама и лишил страха перед жизненными испытаниями. В лагере он даже встретил свою любовь – Галину, фактически отбив её у своего сокамерника, к которому та приезжала на свидания. Пообещав разыскать девушку после освобождения, Варлам женился на ней, как только вернулся в Москву. Работа в журналах профсоюзов, публикация его первых авторских рассказов, и, наконец, рождение дочери – всё это было шансом на большую советскую жизнь, удержать который нужно было любой ценой. Ради своей маленькой дочурки, трогательно прижимавшейся к его груди с радостным возгласом «папа», когда тот возвращался с работы, Варлам был готов на многое. Так здорово было читать ей на ночь сказки Корнея Чуковского! На удивление, Леночка хорошо запоминала рифмующиеся слова. И Варлам даже подумывал написать что-то для дочери – детские стихи так и просились на кончик пера.

Потому он чувствовал себя обязанным переписать жизнь с белого листа. Но белый от январского снега лист за Варлама переписали другие – в чёрных сапогах они прошли по его судьбе, прочертив путь от чёрного воронка до лагерей...

Он увидел свою дочь совсем взрослой спустя семнадцать лет вынужденной разлуки. Его Леночка, комсомолка, с отличием окончила школу и успешно сдавала вступительные экзамены в строительный институт. До встречи с отцом Лена во всех анкетах в графе «отец» писала «умер». Теперь же, когда он по всем материальным законам марксизма-

ленинизма появился в её жизни, материя, из которой была сшита его жизнь, подлежала применению лишь на сто первом километре от Москвы. К тому же Галина, теперь уже бывшая жена, при каждой попытке Варлама наладить общение с повзрослевшей дочерью, слёзно просила оставить их в покое: «У меня дочь, понимаешь? Дочь!»

Для Елены было очевидным – дочь всегда была только у матери. Начиная с момента, когда их выслали из Москвы в Туркменистан как семью «врага народа». Тогда в пути, не доехав до пункта назначения, двухлетняя Лена тяжело заболела – дали себя знать жара и антисанитария в общем вагоне. И там, где Среднеазиатская железная дорога пересекает Амударью, мать и дочь высадили в посёлке Чарджоу, чтобы Леночку, находящуюся при смерти от заражения крови, выхаживали местные врачи. Поэтому каждый раз, когда отец пытался рассказать Лене о мужестве тех, кто в лагерях прошёл морозы Крайнего Севера, Елена вспоминала про невыносимую жару Средней Азии и думала, каковы были её шансы выжить при температуре воздуха свыше пятидесяти градусов – переливаемая двухлетнему ребёнку кровь могла в любой момент свернуться. А теперь, когда мать с таким трудом добилась их возвращения в Москву, отец решил пожаловать на всё готовенькое и при этом рассуждать о нравственных ценностях – да как он только посмел? Разве за эти годы он хоть раз вспомнил об их с матерью существовании? Разве поздравил дочь с днём рождения хотя бы телеграммой на самом дешёвом бланке? А ей в детстве больше всего на свете хотелось папу – хотя бы словечко, как он её любит... Что с того, что он был осуждён без права переписки? – Правда жизни у каждого из них теперь была своя.

Тем временем выросшая в любви и ласке Муха превратилась в грациозную маленькую пантеру. Летом – единственным временем года, когда Варламу хватало сил писать о лагерях, Муха ложилась на подоконнике открытого окна и дремала, переливаясь чёрным гляncем на солнце. А зимой тёплый огонёк любви, вспыхивающий внутри Варлама при взгляде на Муху, спасал его от тоски и завывания ветра, напоминавшего о Вишере. В это время года проза у Варлама не шла, но под кошачье мурлыканье хорошо писались стихи.

– Ты – мой ангел-хранитель, – шептал кошке на ухо Варлам и охотно ставил на плиту чайник: чаёвничать вдвоем с Мухой было приятно. Ему – чай, Мухе – кусок чайной колбасы. На том и сроднились в ожидании весны.

Долгожданная весна оказалась тяжёлой. Март и оттепель никак не хотели уживаться в одном пространстве. Дочка Лена по-прежнему не хотела общаться с отцом, «спекулирующим на лагерной теме». Тем более, что у Леночки появился парень – её сокурсник. Весна и первая оттепель

подталкивала молодых людей друг к другу, отталкивая при этом всё старое и ненужное.

Варлам как никто другой знал цену солнечному теплу и понимающе смотрел на силуэт взрослой дочери, удалявшейся под ручку с молодым человеком, на набухшие на деревьях почки и на свою Муху, поддающуюся мартовскому призыву природы. Кошка стала настоятельно проситься на улицу, и он её отпустил – такова жизнь. Но каждый вечер, выходя на крыльцо, Варлам радовался возвращению Мухи домой. А когда она засыпала у него на коленях, Варлам начинал писать.

Так прошли два месяца – два странно счастливых и плодотворных месяца его жизни. А потом Муха пропала. Она просто не появилась на крыльце в один из вечеров. Не пришла она и на следующий день. Обеспокоенный Варлам искал её по дворам, зазывно шепча «кис-кис», вглядывался в зазеленевшую крону деревьев – вдруг она сидит на ветке, спасаясь от ухажёров? Наблюдавшие за ним рабочие окликнули Варлама:

– Отец, что за муху ты кличешь? Кошку найти не можешь? Чёрную? Вчера такую закопали, там в траншее, за углом. Кто-то пришиб животину, не оставлять же было её просто так – дети всё-таки ходят, мы и подумали... Вот, возьми лопату...

Копать пришлось недолго. Умелыми движениями Варлам раскидал то, что бригада рабочих набросала за полдня. Сквозь чернозём и комья глины показалась чёрная шерсть. Дальше Варлам разгребал уже руками. Молча отнёс он лопату рабочим. Те, не говоря ни слова в ответ, проводили его взглядом. Странно и неестественно было видеть, с какой нежностью этот перепачканный землёй человек прижимал к груди то, что нашёл.

Дома Варлам отмыл свою Муху, совсем как в первый раз, когда она была котёнком, завернул в полотенце и уложил на кровать. И тут он понял, что у них с Мухой нет ни одной общей фотографии! Варлам дождался, пока шерсть на кошке высохнет, расчесал её, надел свою лучшую рубашку и сфотографировался с Мухой на руках. Портрет на память, семейное фото – ведь оно должно быть у каждого! Снова завернув Муху, Варлам закопал её во дворе, а вместе с ней остатки тепла в своём сердце. Отныне с ним оставалась только память. И эта память жгла северными ветрами, давила тяжестью вечной мерзлоты, где не могли упокоиться те, от кого не осталось даже крестов... Но о них ещё можно было написать, словно сделать снимок, обнажающий в человеке его подлинную суть. Этот фотоальбом нужно было обязательно донести живым. «Зачем?» – спросила бы его дочь Лена.

Ответа на этот вопрос у Варлама не было. Но чувство справедливости требовало соблюдения законного права каждого на

человеческое тепло и надежду на будущее. И пером писателя он возвращал это право всем тем, кто остался лежать безымянным в краю лиственниц. Ведь под книжным переплётом они уже никого не потревожат, если только не захотеть перелистать страницы их судеб. И тогда запах цветущей веточки лиственницы в московской квартире станет реальностью...

Алла ШАКЛЕИНА

Самарская обл., г. Тольятти

Художник, литератор. Автор книги стихотворений «Акватория воспоминаний» (2021, авторские иллюстрации). Член СРП. Публиковалась в изданиях: «Поэзия Тольятти», «Город», «Литературная газета», «Новый мир», «Новый Енисейский литератор» и др. Финалист и обладатель специального приза жюри в номинации «Поэзия» литературного конкурса «Есть только музыка одна» им. Д. Симонова (2021, Москва), лауреат конкурса «Поэзия Тольятти» (2022), дипломант Всероссийского поэтического конкурса «От Фонаря» (2022), лонглистер Международного поэтического конкурса «Состояние полёта» (2023) и Международной литературной премии «ДИАС-2023».

НОВЫЙ ГОД С НАБОКОВЫМ

Памяти Бориса Валентиновича Аверина

*Ты родился не тогда, когда родился, а тогда,
когда пробудил твоё сердце, когда можешь вспомнить
своё первое переживание, чувство стыда, первую
влюблённость и людей, которые заронили в тебя мысль.*

Б. Аверин

Цепочка удивительных событий произошла со мной в новогодние праздники, когда я совершенно простуженная, без всякого ажиотажа к мандаринам и ёлкам, отрешённо смотрела телевизор. Где-то среди монотонной и скучной рекламы, промелькнул анонс передачи о Набокове.

Я тут же нашла томик набоковской «Лолиты». Время имеет свою особенность старить страницы чайно-охристым оттенком, шершавить, цеплять за пальцы, словно в наказание за долгое отсутствие интереса к давно прочитанному и забытому. А это самое «давно забытое» иногда всплывает из времени и случается новое знакомство. Намеренно пишу «знакомство», потому как то первое прикосновение к творчеству Владимира Набокова в глубокой юности просто было, а сейчас и здесь это настоящее открытие, пришедшее внезапно. Словно знакомый и примелькавшийся предмет, мимо которого бесконечное количество раз проходишь и не замечаешь его уникальности и красоты. Но, когда начинаешь его рисовать, рассматривать, вдруг проявляются все тонкости изгибов, линий, необычность формы и содержания.

Поток биографических эссе, отзывов, исторических фактов, очерков, которые я запоем стала читать, словно не давали мне сойти с дистанции, а вдруг снизойдёт ещё что-то, – привёл меня к удивительному человеку – набоковеду, уникальному лектору и рассказчику, истинному педагогу,

учёному филологу, профессору кафедры истории литературы Санкт-Петербургского государственного университета Борису Валентиновичу Аверину.

Его заслуженно называют «мистификатором», адептом литературной Вселенной, учителем с большой буквы. К всеобщей боли, Бориса Аверина не стало в самом начале 2019 года. Его лекции – удивительные театрализованные импровизации, наполненные символическими переплетениями смыслов и событий. Каждое его выступление – тандем литературных мыслей, питающихся особым глубинным окрасом слова, проникающих в эпохи и века. Праздник редкостных метафор, интересных историй, смысловых перерождений от реальности до сомнений, от теорий до доказательств.

Он завораживал словами с первых мгновений, посредством которых множество вопросов находили свои удивительные и неожиданные ответы. А его лекции и семинары, посвящённые герменевтическому истолкованию поэзии и прозы Владимира Набокова и великой роли памяти и воспоминаний в жизни каждого человека, судьбе, – это поистине настоящие открытия, золотиносные реки в литературном мире.

В. Набоков (из интервью Альфреду Аппелю):

«Я сказал бы, что воображение – это форма памяти. Воображение зависит от ассоциативной силы, а ассоциации питаются и подсказываются памятью. В этом смысле и память, и воображение являются формами отрицания времени. Память воскрешает всё, кроме запахов. Но зато ничто так полно не воскрешает прошлого, как запах, когда-то связанный с ним».

Аверин пишет: «Гений памяти действительно покровительствовал Набокову – неудивительно, что сюжет «тотального воспоминания» неоднократно разворачивается в его произведениях. Со слова «воспоминание» начинается первый романный текст Набокова. «Машеньке» предпослан эпиграф из первой главы «Евгения Онегина»: Воспомня прежних лет романы, / Воспомня прежнюю любовь».

У меня не было особой цели вдаваться в глубокие философские размышления, впасть в тонкости сравнений и анализов, делать научные умозаключения. Это блестяще сделают маститые филологи и учёные. Мне хотелось просто рассказать, что тот Новый год был подарен Набоковым, посетившим меня совершенно мистически и неожиданно. Оставив меня во флёре его тайн, приведших к длительным размышлениям, озарению, «воскресшей памяти» и воспоминаниям. Эти впечатления неосязаемы, невидимы, практически неосвязаемы, но бесконечно ярки! И это счастье,

что существуют неразгаданные загадки жизни и творчества великого Мастера, непонятые и зашифрованные послания его «Лолиты».

Вы знаете, что такое настоящий ум? Настоящий ум – это тот ум, который не понимает! Странно звучит, но это правда! Пока мы что-то не понимаем – мы подвижны поиском, мы идём вперёд, стремимся и удивляемся. А значит, у нас есть возможность думать, анализировать, искать глубинный смысл на пути к открытиям. Вопреки расхожему «живите здесь и сейчас», есть великий подарок – жить прошлым, прошедшим, наслаждаться бесценными воспоминаниями: не важно, давнишними, вчерашними или только что исчезнувшей минутой.

Моя удивительная цепочка пополнялась, словно прибывающая роса, которая нанизана на стебель набоковских историй, споров, теорий и парадигм, имён и событий, и, конечно, этих неслучайных случайностей. Пришло озарение вспыхнувшей спичкой, но навсегда оставшееся со мной.

Ведь Набоков привёл меня к Аверину, в свою очередь подарившему мне нового Набокова. Через лекции, которые можно слушать и слушать, проникая всё глубже в суть его слога, созвучно перекликающегося с неповторимым набоковским, дарующим воспоминания и являющимся вечными «формами отрицания времени», потому что, как говорил Борис Аверин, «у памяти нет прошлого и нет настоящего, есть только вечное будущее».

Мистическое набоковское творчество всколыхнуло во мне поэтическую волну, открыв новые смыслы обыденных вещей, новые сюжеты, обласканные и хранимые временем, живущие в тесном тандеме с хитросплетениями памяти, переживаниями и впечатлениями.

Impression – вечные впечатления!

«Срывает ветер лепестки с цветов, / взхлѐб пыльцы вкушая ароматы, / где бабочкой набоковской когда-то / Лолита обжигалась о любовь...»

Алексей ШАПОШНИКОВ

г. Томск

Родился в 1975 году в Томске. По образованию экономист, окончил Томский госуниверситет. Много лет был руководителем в различных бизнесах. Увлекается йогой, ведической культурой, альтернативной историей, актёрским мастерством, принял участие в шести благотворительных спектаклях. Дипломант Международной литературной премии «ДИАС-2023».

ИВАН ДА МАРЬЯ

Нас было трое. В своей деревне на Рязанщине мы родились в семьях бедных, многодетных, и наши родители ничем не могли нам помочь с тем, чтобы завести семью, до построить свою хату. Поэтому мы были готовы ехать хоть на край свету, чтоб заколотить денег, а потом уже искать себе невест.

Проезжавший мимо нашей деревни мужичок рассказал нам, где поднять крупные деньжищи можно, но токмо если добраться до Баргузина, а это не близко: сначала поездом до Верхнеудинска, а опосля как повезёт: пешком или на подводах. Что ж, видно судьба была нам про это услышать. Побатрачив летом в поле, а зимой на конюшне у местного помещика, мы накопили на билет на паровоз в один конец. Собрав нехитрый скарб и харчи в мешок, с благословения наших родителей, отправились мы по весне на добычу золота.

В вагоне ехали дружно, делились харчами с соседями, пели песни. Приехав в Верхнеудинск, мы разузнали, кака дорога ведёт в Баргузин, снарядились на подводах за посильный труд доехать до того Баргузина. На месте мы уже разузнали, что можно было за жалование работать у Новомейского либо пойти в артель к вольным добытчикам, и тут уж как повезёт. Тут наши пути с земляками разошлись – я устроился за жалование на драгу, а они, взяв в долг лоток, фартук да сапоги, отправились мыть золото сами.

Тут надобно сказать, отчего я принял такое решение. Притоки реки Баргузин, где моют золото, жуть какие холодные и весной, и зимой, а зимой особенно, потому они как с гор текут. Старатели часто болеют и уже не могут работать, страдают от ревматизма и прочих хворей, а я ещё и мерзлявый. Поработав один день помощником у бывалого старателя, я потом дрожал весь вечер, и даже печка не помогала. Посмотрел он на меня и сказал, что не моё это, на драгу нужно идти, там полегче будет.

Проработал я у Новомейского год, заработал деньжищ, каких ранее не видывал, да и домой собрался. А земляки мои намыли ещё больше, разбогатели, но решили ещё на пару годков остаться, чтобы уж вернуться

богачами, да в купеческую гильдию вступить. Перед отъездом я прибрахлился в местном магазине: купил новый костюм с картузом да сапоги.

От Баргузина на подводах добрался до Верхнеудинска, было уж темно, вокзальная касса была закрыта, так что решил переночевать в трактире. Поемши, я отправился почивать. А ночью случилась беда – постучал в дверь мне кто-то. Я проснулся, зажёл свечу, пошёл, дверь открыл – и тут мне в темноте кто-то с размаху въехал в челюсть, сбил с ног, да и начал пинать, а второй бросился обыскивать мои вещи. Нашли всё моё припрятанное жалование за год и дёрнули из комнатки. Здоровый детина меня бил, выше меня в поларшина, да и весил, похоже, пуда на два больше. Кулачище его одним первым ударом пол-лица мне помял. Поутру спросил я у трактирщика, где ближайший околоток, двинулся к нему. Околоточный надзиратель мою жалобу лениво выслушал, отправил со мной городского для опроса постояльцев трактиру. Но дело это оказалось обычное – народ с приисков шибко выделялся богатыми обновками, на них нападали и в трактирах, и на улицах. К обеду пришлось мне выселиться из трактира, взял я свою котомку и побрёл на берег реки Уды, где сел и глубоко задумался: канеш, можно вернуться обрат на прииск и снова устроиться на драгу. Но не хотел, чтобы мои злоклучения стали известны, так что порешил, что это судьба, побреду домой, авось как-нибудь докандыбаю.

До родной Рязанщины было пять тыщ вёрст пути, а у меня ни гроша, приходилось изловчаться. Временами я ехал на крышах товарных вагонов, временами с обозами за разные повинности, временами шёл на своих двоих. Привела меня моя дорога в конце июня в маленький городишко. В центре городу на единственной мощёной главной улице стояли каменные белые двухэтажные дома местных купцов, да небольшая церква, да и всё тут. Путей тут не было, так что я пошёл к почтовой станции в ожидании следующего обоза.

Стою весь обросший, сапоги в грязи, пинджак да штаны в пыли, несёт от меня потом за версту. Проходит мимо девушка с ушатом стиранной на реке одежи, идёт, еле ноги перебирает. Ну, думаю, раз одна таку поклажу тащит, мобуть одинокая, вековуха, как их тут кличут.

– Хозяюшка, – говорю ей я, – давай подсоблю. Да и по хозяйству чем смогу –помогу, токмо накорми, а? Со вчерашнего утра не емши.

Посмотрела она на меня, но не поморщилась. Пойдём, говорит, покормлю. Я обрадованный подхватил ухват и побрели мы молчаливо до её хаты. Хата у неё была на тупиковой улице, небольшая, бревенчатая с сенями и двумя комнатами, пол был устлан свежей соломой. Но по виду изгороди, входной косой двери да кривых наличников сразу мне ясно стало, что живёт она без мужика.

– Как звать-то тебя, девица?

– Марья.

– А я, стало быть, Иван. Чем ещё подсобить? Могу изгородь тебе поправить, могу наличники на место вставить, дверь выровнять.

– Погодь Иван, всё успеешь.

Поставила она чугульки с водицей в печку греться, потом налила мне горячу воду в ушат, почистила печку, а я свежу воду из колодца натаскал.

Поставила она ушат посередь горницы, сама ушла в опочивальню да занавеску задёрнула.

Встал я в ушат и давай водой поливаться, натёрся щёлоком, смыл его. Благодать-то какая, аж зажмурился, два месяцу без малого не мытый ходил.

Вылезаю из печки, а она за занавеской в одной рубахе на меня смотрит не мигая.

– Иди ко мне, Иван, – шепчет.

Подошёл я к ней в чём мать родила, потянулся поцеловать. Она меня пальцем остановила: в губы нельзя, говорит, хворая я, боюсь заразить тебя.

Поутру проснулся я, а она на моей груди лежит. Так и повелось у нас. Подняла она голову и улыбнулась. Волосы её были светлые и спадали ниже плеч, а с распущенными волосами она была особливо люба. Глаза у неё были иссиня-голубые, ротик точёный, маленький, носик пряменький. Гляжу я на неё, и понимаю, что не могу глаз отвести, влюбляюсь. А она голову снова на грудь положила и спрашивает тихим голосом:

– Иван, может, ещё останешься или ждёт тебя кто?

Подумал малёха я и отвечаю: никуда не тороплюсь и хочу быть тут с тобой, покуда не выгонишь.

Она обвила мне шею руками, и так мы пролежали незнамо как долго. Я боялся шелохнуться, ибо така нежность меня переполняла к Марье, что только и мог гладить её по волосам.

Зажили мы с ней душа в душу. Припасов у хозяйшкы было мало, так что я выменял свой пинджак на два верша и стал рыбу ловить. С удачного улова менял на муку, крупу и другие припасы. Марья за мной гуськом ходила, за плечо держалась, ни на миг не отпускала.

Звал Марью в жёны, да та всё откладывала. По осени, накопив денег, повёз Марью в губернскую лекарню. Доктор осмотрел внимательно Марью, послушал грудь через трубочку, а потом со вздохом произнёс: опухоль у Марьи в груди, в лёгких.

– А она заразная? – спросила Марья.

– Нет, – ответил доктор. Но и лечения не назначил. Нет, говорит, у нас лекарств. Лечитесь народными средствами, авось поможет.

Марья даже повеселела, ибо теперь могла бы меня целовать в губы. Когда Марья вышла из кабинета, я шёпотом спросил доктора: доктор, сколько ей осталось?

– Неведомо, болезнь запущена, мож, полгода, а мож, и менее того.

Не стал рассказывать Марье про свой разговор с доктором, а вскоре, повертавшись домой, поехали в дальнюю деревню к знахарке.

Та свечку зажгла, стала вокруг сидячей Марьи кругами её водить, да на свечной нагар глядеть. Потом вздохнула и сказала: худо дело, Марьюшка, в груди у тебя словно дыра зияет. Какую-то обиду ты носишь, вот и поедает она тебя.

Бабка дала травок разных, чагу в порошок молотую, велела пить каждый день, а ещё в церкву сходить да простить обидчика. Как повертались – на другой день пошли в церкву, встала Марья на колени перед образами, крестилась, кланялась и плакала. Час я наблюдал за ней с угла, потом гляжу, утомилась, клонится вбок – подбежал, взял её на руки, да так до дому и понёс.

Несколько дней Марья лежала без сил на кровати, а потом её приотпустило, встала, прошлась, умылася, стала обед готовить. И согласилась тогда она стать моей супружницей. Я от счастья схватил её на руки и давай вокруг стола крутить. Она прижалась ко мне и, глядячи в глаза, только улыбалась.

Свадебку сыграли через месяц под новый год, венчались, как положено, в местной церкви. Родичей у Марьи не было, а мои далече, так что пригласили мы токмо соседей да знакомцев. Плясали под тальяночку до самой ночи, а потом по домам разбрелись, ибо тяжело стало Марье, устала.

Зимой мало дел – печку протопил, щи похлебал да лежи себе.

Марьюшка иногда краснела, начинала тяжело дышать – это болезнь клятая давала о себе знать.

Готовил я для неё и для себя еду каждый день, не давал ей напрягаться, кормил её с ложечки. Хотел было скатать на бричке к той старухе ещё за травками, но не отпустила меня Марья, боялась.

А спали мы, как у нас было заведено – она у меня на груди. И вот в один день её не стало... Просыпаюсь, гляжу, а она не дышит. Заплакал я тогда горько. Проплакал весь день. На третий день отпели в нашей церкви как положено, и похоронил.

Был у нас как-то разговор незадолго до её кончины. Лежала она привычно у меня на груди и сказала тихо: если помру я – продай хату, да к своим вертайся, заждались уж поди, да и женись там, коль найдёшь кого. Я на неё голос повысит не смел, а тут впервые даже прикрикнул: цыц, говорю, ты мне энто не смей! Ишь чо удумала – без меня на небеса собралась. Рано ишчо, вместе живём, вместе и помрём.

Пожил я немного в хате без любимой – всё мне тоска, всё обрыдло, место не нахожу, без неё спать не могу. Продал я тогда хату, как Марьюшка завещала, да поехал до станции, потом на бричке до вокзала, купил билет на паровоз да и приехал домой.

Родители были рады, что вернулся, ужо думали, что пропал. А ребята, с которыми я уезжал, так и не вертались, и новостей об них не было.

На останные деньги купил я себе домишко малёхонькой. Баб много было на деревне, да не одна мне не была мила. Сойдуся, а баба чует, что не об ней думаю, да сама и уходит. Так и прожил жизнь бобылём. Вот и весь сказ.

Алексей ШКУРАТ

г. Смоленск

Родился в 1953 году на Северном Кавказе, недалеко от Майкопа. Окончил сельскохозяйственный институт (1977) и заочно Московский полиграфический институт (1987). Осел в Смоленске. Член Союза художников России. Работает в художественной школе. Печатался в журнале «Бульвар зелёный», в сборнике рассказов «Северный крест», в сборнике творческих работ Международного литературного конкурса «Мир без войны и насилия». Дипломант Международной литературной премии

«ДИАС-2023».

ПЛОТНИК

Я уважаю деревья и люблю дерево как материал. Когда я держу в руках тяжёлые светящиеся плахи, то чувствую, как дерево доверяет мне свою плоть, чтобы я употребил её разумно и бережно, сделав что-то полезное, прочное и красивое.

Когда делаю ясли, я стараюсь, чтобы волу и хозяину было удобно и надёжно. Когда делаю люльку, я хочу, чтобы ребёнок легко засыпал, а матери было радостно и приятно класть руку на выгнутую спинку люльки, на которой поют вырезанные мной птицы.

Я человек зрелый, пожил и овдовел, а моя вторая жена Мария совсем юная женщина, но когда я слышу, как она поёт на кухне, я спрашиваю себя: может, она счастлива со мной? А готовит она хорошо, и хоть достаток у нас скромный, никогда заранее нельзя угадать, что будет на обед.

Мои руки привыкли к дереву, но однажды им пришлось иметь дело и с камнем.

Как-то под вечер Мария долго сидела у окна на улице, потом подошла ко мне и, смущённо потупившись, спросила: как я думаю, трудное ли это дело починить ограду у соседки напротив? Я удивился, но подошёл к окну и, поразмыслив, ответил, что если заготовить камни заранее, то, пожалуй, можно было бы управиться за один день. Она поблагодарила и отошла. Я не стал спрашивать, зачем ей это было нужно – и разговор закончился.

Надо сказать, что соседкой напротив была старая вдова. У неё было небольшое стадо коз, которых она каждое утро выгоняла пастись. Вечером она возвращалась со стадом, и каждый раз повторялось одно и то же: когда она загоняла коз в ворота, они тут же выскакивали на улицу через дыру в каменной ограде. Она снова загоняла, а козы опять выскакивали – и так могло продолжаться долго. Усталая женщина сердилась и громко проклинала бессовестных коз, проклинала людей за то, что выдумали обычай разводить «этих мерзких тварей», доставалось и Богу за то, что он терпит всё это безобразие.

Она могла бы нанять каменщика, чтобы он сложил обвалившуюся стену, но вдова была бедна, скупа и старалась сама как-то замостить дыру. Ничего путного из этого не получалось, и каждый вечер представление повторялось вновь, к удовольствию соседей. Конечно, женщину было жаль, но что тут можно было поделать?

Вскоре после разговора у окна я стал замечать, что Мария задумчивее обычного, и несколько раз ловил на себе её испытующий взгляд. Однажды после обеда я пригласил её присесть на маленькую скамеечку у ложа, где отдыхал, и попросил рассказать, что её беспокоит? Казалось, она смутилась и обрадовалась и после некоторого раздумья начала так: «Я вижу, как много Вы работаете, как стараетесь, чтобы в доме было всё необходимое. Я очень благодарна за всё, и нам с мальчиком действительно хорошо с Вами. Однако с тех пор, как мы поселились здесь, у меня появилось одно желание, о котором я не решаюсь Вам сказать». Меня обрадовали и тронули её слова, и я спросил, чего же она хочет? Тогда, набравшись смелости, с надеждой глядя мне в глаза, она выпалила: «Мне очень жаль нашу соседку-вдову! Как она мучается со своими козами – нельзя ли ей помочь?»

Признание прозвучало почти по-детски, но я сдержал улыбку, дело было не такое простое. «Конечно, я мог бы починить ограду, если ты это имеешь в виду, но мы совсем недавно живём в этих местах, что скажут, если мы, чужаки, будем выставлять перед всеми свои благие дела? Это может обидеть людей».

Согласно кивнув, она вздохнула и склонила голову.

Мои возражения казались справедливыми, но Мария становилась всё грустнее. Это ранило моё сердце, и спустя несколько дней я взял осла и поехал на каменоломню. Когда Мария увидела, что я привёз камни, то подпрыгнула на месте и умчалась в дом накрывать на стол. За обедом я видел, как она прячет радость под опущенными ресницами, и мне было уже не так важно, что скажет местный каменщик.

Пришло время, когда камней привезено было уже достаточно, и я, дождавшись ухода соседки со стадом, принялся за починку ограды. Работы было много: выровнять фундамент, убрать негодные камни, принести новые, подобрать их и уложить. На приветствия прохожих я едва отвечал кивком головы – мне не хотелось расспросов. Надо было закончить ремонт до возвращения вдовы. Я работал не покладая рук, Мария приносила пить и отирала мне пот со лба. Мы успели вовремя, Мария даже подмела мусор у ограды. Вернувшись домой, мы наскоро пообедали и стали дожидаться возвращения соседки.

И вот в клубах пыли, освещённое заходящим солнцем, появилось стадо. Дойдя до заплаты в ограде, козы вдруг остановились. Вскоре, бормоча привычные проклятья, подошла и хозяйка. Увидев обновлённую

ограду, соседка окаменела, и дар речи, казалось, покинул её. Козы, собравшись вокруг, смотрели то хозяйке в рот, то на ограду, и трудно было сказать, кто удивлён больше: козы или вдова. Мы тихо смеялись. В глубине дома нас не было видно с улицы, и потому, когда соседка, сперва глянув в небо, стала беспомощно озираться, то увидела всех соседей, кроме нас. Придя в себя, бедная женщина громко выдохнула: «Будьте вы прокляты!», обращаясь непонятно к кому, и погнала присмиривших коз к своим воротам.

Мария прислонилась к моему плечу, я гладил её мягкие волосы и думал: какая радость выйти из-под гнёта ложных установлений и быть свободным в своём сердце! И как хорошо хотя бы иногда ускользнуть из-под власти выгоды. Так мы и сидели, глядя на закат, пока проголодавшийся мальчишка не начал обиженно гудеть в своей люльке.

А со следующего утра Мария стала находить у нашего порога кувшин с парным козьим молоком.

Евгений СЕМИЧЕВ

Самарская обл., г. Новокуйбышевск

Современный русский поэт, внесённый в список классиков XX века Пушкинским Домом Российской академии наук. Автор книг «Соколики русской земли», «Великий верх», «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Небесная крепь», а также множества публикаций в российских и зарубежных литературно-художественных и общественно-политических изданиях. Секретарь Союза писателей России.

* * *

Всю ночь до самого утра,
Чтоб не прорвались фрицы-твари,
Зенитные прожектора
По небосводу зорко шарят.

Москва военная во мгле,
Непобеждённая, витает.
Генералиссимус в кремле
Стихи Есенина читает.

В окопы мёрзлые войны,
Как света солнечного вспышки,
Их затащили шалуны –
Десятиклассники мальчишки.

Пред тем, как в снег кровавый лечь
И стать навек земной рудою,
Они решились пренебречь
Своею жизнью молодою.

В окопах на передовой
Они погибли не напрасно.
В продрогшей роще под Москвой
«Горит костёр рябины красной».

Их погубил свинцовый дождь –
Взбешённых «мессершмиттов» стая...
Не спит в кремле народный вождь,
Стихи Есенина читая.

Не осуждают на войне
Всех смертью праведно крещённых.
Есенин был в своей стране
Среди поэтов запрещённых.

Мальчишки, мамины сынки,
В метельном крошewe уснули.
...К утру пришли сибиряки
И с бруствера снежок смахнули.

ФЛАГ РОДИНЫ

Мы русские.
Мы знаем.
Что русских нас роднит.
Флаг Родины над нами,
Взлетающий в зенит.

Какой восторг, смотрите!
Какой в душе простор.
Сияет на орбите
Наш русский триколор.

И доблесть, и отвага
Живут у нас в крови...
И нету выше флага
Для счастья и любви.

Лёд вековечный тает.
А гордый русский флаг
Под небосвод взлетает,
Рассеивая мрак.

И зреет в поле колос.
И ласточки парят.
И Русский мир, и космос
По-русски говорят.

ДЕНИКИН

Стонет запад дикий.
Рушатся штандарты.
Генерал Деникин
Просится в солдаты.

Из белогвардейцев
В роту боевую,
В строй красноармейцев
На передовую.

Рядовым безвестным
Он погибнуть чаёт.
Но на вызов лестный
Кремль не отвечает.

В зимнем Подмоскowie
В битве за столицу
Вся залита кровью
Русская земля.

Сорок первый грозный,
Беспощадный, страдный,
Слёзный и морозный,
И первопарадный.

Высшей Божьей волей
Русский снег кровавый
Весь пропитан болью
И овеян славой.

Все святые лики
Рускому – подмога...
Генерал Деникин
Слёзно молит Бога.

Генерал встревожен.
Путь его не ясен.
Сабли вон из ножен!
Рядовым согласен!

Он гонял германцев
До задворок прусских.
Но опять поганцы
Прут войной на русских.

Он читает сводку,
Вести фронтовые.
Пьёт из кружки водку.
Словно рядовые.

В этой кружке тонет
Дорогая надпись:
«Будь здоров, Антоний,
Всем смертям на зависть!»

Господарь завидный
Горько шутит на ночь:
– Не горюй, друг ситный,
Брат Антон Иваныч.

Крутит козью ножку
И за голенищем
Именную ложку
Спрятанную ищет.

Собирает вещи
В дальнюю дорогу.
Офицерской честью
Присягает Богу.

В битве за Россию
Он погибнуть чаёт.
Но ему Всесильный
Бог не отвечает.

Русские калики –
Белоэмигранты...
Генерал Деникин
Просится в солдаты.

...В юности далёкой
Он грешил стихами
О звезде высокой,
О сердечной даме.

Стать хотел поэтом,
Был сентиментален...
И в Кремле об этом
Знал товарищ Сталин...

С той поры победной,
Обагрённой кровью,
Странною легендой
Бредит Подмосковьё.

За лесным окошком
Некий местный житель
На груди у волка
Аксельбант увидел.

И народ поверил
В этот случай дикий.
Обернулся зверем
Генерал Деникин.

В роще до рассвета
Он врагов страшит.
И за всё за это
Бог его прощает.

* * *

Кому-то прелесть юных нег
Сулит весенняя погода.
А мне на день рожденье снег
До самой кромки небосвода.

А я за кромку не ходок.
Там много связано с любовью.
А мне по сердцу холодок
Благоприятный для здоровья.

Пора переходить на ямб.
Пора нетленку заямбечить.
От нежных дев до снежных баб
Всё сущее очеловечить.

Довольно головы кружить
Доверчивым, блаженным, слабым.
Любителей учить как жить
Пора послать трёхстопным ямбом.

Я это понял всё вчера
Сквозь призму снежного кристалла.
Пора, пора, пора, пора,
Пора...
Моя пора настала.

* * *

Над Россией, стая в голос,
В небе мечется птичий клин.
Косит жатву Холера Морбус...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Просыпается бодр и весел,
И здоров. Ай – да, сукин сын! –
Отправляет письмо невесте...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

В том письме свой поклон для тёщи
Шлёт, как истовый семьянин.
Облетает лучинник в роще...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Он работает, как вельможа.
Призирая тоску и сплин.
Сочиняет и пишет лёжа...

Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Что задумано между строчек,
Знает в мире лишь он один
Да крылатый искристый росчерк...

Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Дописав свой шедевр до точки,
Сей сиятельный господин
С визгом плещется в банной бочке...

Пушкин.
Болдино.
Карантин.

На коне златогривом скачет
Вдоль родных золотых куртин.
И восторга любви не прячет...

Пушкин.
Болдино.
Карантин.

* * *

Вот и закачалось мирозданье
Мерно, словно птица на лету.
Юность мне назначила свиданье
На летучем подвесном мосту.

Под мостом плывут вольготно утки.
Над мостом взлетают сизари.
Этот мост парит два раза в сутки
Высоко на уровне зари.

Ангельской своей улыбкой кроткой
В пламени горячих юных дней
Плавающей лодочкой походкой
Выкликают девушки парней.

Этот мост, летящий над рекою,
Позволял подняться в полный рост
И дрожащей трепетной рукою
Доставать до самых ярких звёзд.

Где теперь те годы зоревые
У небесной бездны на краю.
Здесь бесстрашно нежно и впервые
Целовал я девочку свою.

Здесь, пылая лихо и азартно,
Красный день за красную черту
В прошлое былое безвозвратно
Уходил по красному мосту.

* * *

Взвыла бешено сирена.
Где-то заложили мину.
Господи! Какого хрена
Не живётся людям мирно.

Смерть всё время где-то рядом,
В каждый дом заходит в гости.
А в заряде у снаряда
Иисусовские гвозди.

Мы живём, как на Голгофе.
Так всё это наболело.
Допиваю нервно кофе.
Озираюсь ошалело.

Сколько можно озираться
Ну чего, скажите, ради
Этих грёбанных мерзавцев
На земле рожают *ляди*.

Невесёлая планида
У всемирного рассвета.
Смертным поясом шахида
Опоясана планета.

Во всемирной катастрофе
Все распутия, как распятыя...
Допиваю нервно кофе.
Озверели люди-братья.

В кулаки сжимаю горсти
От досады и обиды.
За окном рябины гроздь
В небосвод кровавый вбиты.

В мрачных пропастях вселенной
Мать-земля – большая мина.
Ну, какого людям хрена
Не живётся в мире мирно.

* * *

Зима ступает робко
В стихи мои и сны.
Засеребрилась тропка
Длиною до луны.

Забористый морозец
Сковал покров земли.
А я – канатоходец
Межзвёздной колеи.

Присыпан снежной пылью,
В завьюженном пылу,
Раскинув руки-крылья,
Иду, скользя, во мглу.

Моей стезёй влюблённой
Петляет колея.
А лёд совсем зелёный
Такой же, как и я.

В зеленоглазых звёздах
Ночная тишина.
В зелёных искрах воздух.
Зелёная луна.

Река в хрустальных звонах.
Попал я сам не свой
В мир грёз своих зелёных,
Как в омут, с головой.

Но мне уже не страшно
Загинуть под водой.
Такой я бесшабашный.
Такой я молодой.

Моя клубится тропка
По гибельному льду.
Зима ступает робко.
Не робко я иду

Через миры – планеты,
Вселенною ведом...
И шуки, как кометы,
Всплывают подо льдом.

Ночных небес колодец
В космической пыли.
А я – канатоходец
Межзвёздной колеи.

Меня к тому крылечку
Выносит колея,
Где за хрустальной речкой
Живёт любовь моя.

* * *

Витийствуй, буйная гроза,
Гни небеса в дугу!..
Сегодня я – твои глаза
На волжском берегу.

Горючей не жалея воды,
Греми над головой.
Сегодня я – твой поводырь
И зрячий посох твой.

Держись, Самарская Лука,
Летим в тартарарам!
Моя надёжная рука
Порукой будем нам.

Блистайте, молнии, оплечь.
И ветер вольный – вей!..
Куётся в грозном горне меч
Для Родины моей.

Пускай летит во все концы
Над Божьем Миром весть:
Лихие злато-кузнецы
Ещё в России есть.

Во имя мира и любви
И на позор врагу –
Господь, меня благослови
На русском берегу!..

* * *

Ещё царю служившие дворяне,
Прославившие век свой золотой,
Брезгливо называли РОССИЯНЕ
Живущих за оседлою чертой.

А в наше время в доску пьяный Ельцин
Смахнул, не удержавшись на мосту,
Чтоб услужить лукавым европейцам,
Всех русских за оседлою черту.

* * *

Я открыл дремучие глаза.
Прокатилась по щеке гроза.
А из пелены дремучих туч
Проскользнул последний летний луч.

Я проснулся рано поутру.
Осень закипает на ветру.
Роща лисья листьями бурлит.
Лето синим пламенем горит.

Сколько их – моих сгорело лет,
Не оставив за собою след.
Тёмная на озере вода.
Жизнь моя уходит в никуда.

Но в моей душе тревоги нет,
Потому что в небе есть просвет.
Луч бесстрашно рассекает тьму.
Роща аплодирует ему.

Я прижмусь к бесстрашному лучу
И его щекой пощекочу.
У меня шершавая щека.
– Друг мой не печалуйся. Пока...

* * *

Мои стихи отважно шли под водку
В палящей летний полдень у реки.
Из газетёнки, развернув селёдку,
Их русские читали мужики.

Мои ещё непризнанные строчки
Старухи без особенных затей
Сворачивали в мелкие кулёчки
С гостинцами для маленьких детей.

Я не жалею, что мои подборки
Сгодились на душевные дела.
Для нужд народных в качестве обёртки
Газета приспособлена была.

Мои слова в житейском бурном море,
Встречавшие не раз девятый вал,
Служили тем лирическим героям
С которыми я жизнь переживал.

Поэзии неистовая сила
Тащила тяжесть бренности земной.
И может, потому моя Россия
Была тогда читающей страной.

* * *

Апрель.
Канитель.
Гололёд.

Все девушки дружат со мной.
Душа от восторга поёт
И воздух пропитан весной.

Не надо за счастьем бежать.
Лишь только шагнул за порог,
С двумя удалось полежать,
А третьей подняться помог.

Мой взгляд их внезапно сразил.
Такая вокруг кутерьма.
За хлебом пошёл в магазин
И напрочь свихнулся с ума.

В разгаре апрельского дня
Под птичий исполошенный гам
Все женщины любят меня –
К моим припадают ногам.

Болит от ушиба плечо
И кругом идёт голова.
Не помню, что было ещё.
До дома добрался едва.

Тряхнул, так сказать, сединой.
Рванул сквозь весну напролёт.
Все девочки дружат со мной.

Капель.
Акварель.
Гололёд.

* * *

Спой мне песню, свиристель –
Городской красавчик,
Как в жестокую метель
Заблудился мальчик.

Как ему ты навевал
Сладкую истому...
За собой зазывно звал,
Провожал до дому.

Белоснежная постель.
За окошком ветка.
А на ветке свиристель –
Шестиклинка кепка,

Грудь – горящий уголёк,
Стильная одежда...
Я тогда простыл и слёг –
Приболел немножко.

Ты меня сумел согреть.
Я, как мог, лечился –
Задушевно жить и петь
У тебя учился.

Я тебя уже люблю
За мечты-надежды.
И такие же куплю
Для себя одежды.

Под твою запел свирель,
Стал поэтом мальчик...
Ясноглазый свиристель,
Городской красавчик.

* * *

1

Морена оттаяла –
Марина Цветаева!

2

Россия – оторвавшаяся льдина
От океанских ледовитых льдов,
Извечная судьбина и година
Сирот несчастных и суровых вдов.

И ты стоишь печальная на кромке
Стихов гремучих и дремучих снов,
А под ногами острые осколки
Земных и человеческих основ.

Неистовая, хрупкая горячка,
Уверившая в Божий Высший Дар.
Сцепились насмерть белая горячка
И красный полыхающий пожар.

Марина – ледовитая морена,
Залегшая в глубинные слои.
Твоей судьбе и море по колено
И все тебе чужие и свои.

* * *

Самолёт мой, кукурузник –
Мой небесный тарантас.
Почту сельскую погрузит,
А потом посадят нас.

Все уселись. Все на месте.
Бабка с рыжею козой
Животину трижды крестит,
Окропив её слезой.

Командир – пилот бесстрашный
С дерзким взором молодца
Говорит: «Не плачь, мамаша,
Всех доставлю до крыльца».

Бабка крестится и плачет.
Самолётик тарахтит.
Как кузнечик он проскачет
И по небу полетит.

Улыбаясь, молча млеет
На борту народ живой.
А коза от счастья блеет
И качает головой.

До деревни нашей лѣту
Ровно сорок пять минут.
Благодарные пилоту
Пассажиры руку жмут.

За бесстрашье и сноровку,
За удачный перелѣт.
А пилот козе морковку
Из планшета достаёт.

Бабка старая смеётся.
И беззубый крестит рот.
Над страной нашей солнце
Незакатное встаёт.

* * *

Когда слышу в спину «Жень!» –
Окликает детство.
Счастья полную сажень
Загрывает сердце.
Визг щенячий пацанья.
Дружеская свалка.
Боже! Это не меня.
Господи! Как жалко.
Но в небесной глубине
Свет не убывает.
Отче! Это же ко мне
Ангел мой взывает.

* * *

И левые, и правые,
И красные, и белые –
Вы мальчики кровавые
И бесы озверелые.
Над Русью Божий витязь
На огненном коне.
А вы ей только снитесь
В её кошмарном сне.

* * *

Потерял я белого коня
И свои заветные полцарства.
Не судите девочки меня
За мои беспутные мытарства.

У меня ещё есть красный конь
И вторая половина царства.
Красный конь – безжалостный огонь.
Значит, для маневра есть пространство.

А ещё в запасе чёрный конь.
Им по жизни хвастать не пристало.
Чёрный конь, немного охолонь!

Просто твоё время не настало.
А пока мне песня по плечу
И за всё-про всё одна расплата.
Я к своей любимой прилечу
На крыле багрового заката.

Привяжу крылатого коня
И верну утраченное царство.
Не ругай, зазнобушка, меня
За моё загульное мытарство.

Диана КАН

г. Оренбург

Диана Елисеевна Кан – известная российская поэтесса, член Союза писателей России, член редакционных коллегий ряда литературных изданий России, лауреат всероссийских премий. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Междуречье», «Обречённые на славу», «Млечный мост», «Подорожная» и многих публикаций в центральных и региональных изданиях России.

НОВЫЕ СТИХИ

(с апреля 2022 года)

* * *

Ты женщина, а это ветер вольности...

Юрий Кузнецов

Царя всевластно на родном просторе,
Где навсегда сроднились даль и дол,
Ты шлялся, вольный ветер, в чистом поле
И на судьбу нечаянно набрёл.

Тебя в подол поймала – вот находка!
Немало вольных ветров на Руси!
Ты поначалу показался кротким
И даже робким, Господи спаси!

Пока бельё в Урале полоскала
И шла домой по колкому жнивью,
Заискивал, играя с лентой алой,
Что крепко в косу вплетена мою.

Кружа вокруг немислимые вальсы,
Которые у ветров так в чести,
Внезапно осмелел и попытался
Мою тугую косу расплести.

Я отмахнулась, поправляя локон
Своих строптивых вьющихся волос.
Ты погрустнел и шлялся возле окон,
Дождливо грустных не скрывая слёз.

А ведь, бывало, струги и будары
Гонял ты по седой Урал-реке,
В степи до неба раздувал пожары,
А тут вдруг приуныл в печаль-тоске.

Мечтал бродить веками в чистом поле...
Кому дано смирить твой буйный нрав?
Но заблудился в шёлковом подоле,
На бабу-дуру волю променяв.

* * *

Стипухи хватит на общагу,
А также хватит без проблем
На джинсы «Вранглер», тортик «Прагу»,
И на пластинку Бони Эм.

На что ещё? На радость жизни,
Что в смехе молодом искрит,
Когда уверенность в Отчизне
Сомнению не подлежит.

Тот, кто мою не знает юность,
Присвистнет звонко: «Эгегей!
Ну ты, Дианчик, размахнулась
На целых 35 рублей!»

А у меня размах имперский –
Калининград – Владивосток!
И хохот молодой и дерзкий
Взлетает аж под потолок.

А у меня страна такая –
Земли одна шестая часть!
И я пока ещё не знаю,
Что могут это всё украсть.

Я сессию не завалила –
Любимый тортик «Прага» ем.
Вчера на фарце прикупила
Пластинку группы Бони Эм.

И смотрит на меня с улыбкой,
Пока несу какой-то бред
С самоуверенностью пылкой
Влюблённый парень-почвовед.

Апрель заигрывает с маем,
Но помыслы его чисты...
И я ещё пока не знаю,
Что где-то есть на свете ты!

* * *

«Ну что, моя красавица? –
Ты протянул мне розу, –
Всё только начинается...»
Похоже на угрозу!

Наверное, устала я
Быть строгой недотрогой,
Как эта роза алая –
Такой же одинокою.

Устала от попутчиков,
В которых не уверена.
От Блока и от Тютчева,
И даже от Есенина.

Устала грезить будущим,
Казаться всем стервозою,
Быть в чьём то сердце любящем
Кровавою занозою.

Сколь от судьбы ни шастала,
Она догнать намерена...
Я розочку шипастую
В руке держу растерянно.

* * *

Со мной никогда ты ни в чём не согласен,
Но пусть нас рассудит полночная тьма.
Ведь мир наш лишь тем безнадежно прекрасен,
Что всяк здесь по-своему сходит с ума.

С тобой никогда я ни в чём не согласна,
Не зря малахольной веками слыву...
Уверь же, уверь меня, сокол мой ясный,
Что всё происходит сейчас наяву.

Что в том, что навечно случится сегодня,
О чём соловей залихватски звенит,
Виновна не полночь, лукавая сводня,
Но полдень, победно взлетевший в зенит.

* * *

День грядущий окутан туманом...
Словно сын, что в свободу влюблён,
Чутко дремлет в стволе у нагана
Самый верный последний патрон.

Как положено ласковой маме –
Проклиная, ревнуя, любя –
Ты о нём размышляла ночами,
Ты его сберегла – для себя.

Всех других ты легко отпустила
Сыновей в беспощадную жизнь.
Пусть спокойненько спят по могилам
Тех, с кем в битве последней сошлись.

Ты, любовь почитавшая блажью,
Не заметила, как он влюблён,
Сберегая тебя от тебя же,
Самый верный последний патрон.

В напряжённом житейском разгуле
Он и нежен к тебе, и жесток,
Но с тобой не поделится пулей,
Что тебя поцелует в висок.

* * *

Кровятся высверки зари
Меж льдистых облаков...
«Люблю тебя!..» – не говори
Мне этих страшных слов.

Уж лучше оставайся нем
И сделай вид, что глух:
Они безжалостны ко всем,
Кто произнёс их вслух...

Уж лучше поцелуем я,
Мой милый обормот,
Под пересуды декабря
Тебе закрою рот.

Пускай от зависти ворчит
(И окороту нет!)
Весь добродетельный на вид
Декабрь, старый дед.

Я поцелую – не совру,
Ведь я не из тихонь!
...Пылает на шальном ветру
Наш поцелуй-огонь.

* * *

Наденька, надень-ка
Платье из новья!
Родилась идейка
Нынче у меня.

Дамою идейной
Ощутив себя,
Разве не хотейно
Жизнь начать с нуля?

Наденька-Надея!
Всё-то нам к лицу!
На любовь надеясь,
Хоть сейчас к венцу!

Пусть шальная тройка
Мчит и мчит вперёд,
Чтобы ахал только,
Расступясь, народ.

Эх, ямщик бывалый,
Ленты под дугой...
И в рубахе алой
Ухарь молодой.

Стоп на повороте –
Размечталась я:
Почему-то против
Дети и мужья.

Но зато азартна
Кавалеров рать!..
На 8 марта
Вредно не мечтать.

Надя, вытри слёзы,
Оглянись вокруг!
Али мы не розы
Класса Люксембург?..

* * *

Двадцать семь километров до финской границы...
Древний Выборг собою весьма недурён.
Мне бы только в него невзначай не влюбиться,
Ведь от веку он не был никем покорён.

Выборг! Ветром, дождём или лучиком солнца,
Хоть намёком меня за собой позови!..
Но свинцовых небес слюдяное оконце
Не сулит (даже вымолвить страшно!) любви.

Городок с ноготок... Городок-неулыба...
Светлый рыцарь с пощады не знавшим мечом.
Имя Выборг звучит, как приказ сделать выбор
Между светом и тьмой, между злом и добром...

Между мной и тобой, что стоят на границе
Двух великих миров двум вселенным под стать...
И стальная прицельная хищная птица
Изготовилась в зябкое небо взлетать.

Мне б утешить тебя, милый Выборг, да нечем!
Всё однажды закончится в мире войной...
Но взлетает крылатой ракете навстречу
Та любовь, что отверг ты при встрече со мной.

* * *

В парке ветер газету листает...
Изумруды меняя на медь,
Шалых листьев мятежная стая
Порывается в небо взлететь.

Невысокого, право, полёта
Золотая жар-птица – листва.
Но и ей тоже в небо охота.
И она, безусловно, права.

Вновь и вновь при дожде-конвоире
Всем земным непогодам назло
Жар-листва, как и всё в этом мире,
Порывается встать на крыло.

Шаль моя и окошка фрамуга
В эти грустные светлые дни
И стихи, и тоска, и разлука
Вспоминают – крылаты они.

* * *

Золотая осень, плачь,
Но смиришь с природным чудом –
Коренастый карагач
Не расстался с изумрудом.

Верность лету сохранил.
Не купился зябким златом.
Чем же он тебе не мил?
Знать, не быть ему богатым!

Ты расстроена до слёз,
Ведь милей его упорства
Верноподданных берёз
Золочёное притворство.

Или преданность осин,
Что купила за медяшки.
Или трепетность рябин,
Что в крови дрожат, бедняжки.

Все склонились пред твоим,
Осень, злато-государством...
Карагач неумолим
Со своим степным бунтарством.

Оренбургский старожил,
Он один из всех не плакал,
Когда голову сложил Пугачёв
Пред смертной плахой.

* * *

Ночь... Обыватели уснули...
Кто это там в ночи не спит?..
Один в один – Вадим Бакулин –
Бродяга, рыцарь и пиит.

Кто это с ним? Фарид Нагимов?
А третий кто?.. Ужель она –
Та, что вовек невозвратима,
Как високосная весна?

Пока другие спят вповалку
Во власти предрассветных снов,
Они втроём сквозь Зауралку
Бредут на соловьиный зов...

Они в объятия рассвета
идут, подельники весны,
так юно, дерзко, безответно
в литературу влюблены...

Им славы горькая наука,
поющим впроголодь – не впрок!..
Но високосная разлука
уже подстерегла висок

* * *

Ты твердишь – ты лучший самый!..
Но пока, братуха мой,
«Вышли сала! Здравствуй, мама!»
СМС-ку шлешь домой.

Сколько ни дай тебе – всё мало!..
Жить привыкшему во зле
Родина – везде, где сало
И горилка на столе.

На майдане развлекайся,
Сало ешь, горилку пей..
Только после не раскайся,
Покаянных слёз не лей.

Эхма, салом по мусалам..
Не ударь, братуха, в грязь:
Продаваться – так недаром,
Це Европа заждалась!

Вряд ли, впрочем, салом встретит,
Малость впавшая в ислам –
Не бросая слов на ветер,
Буркнет разве что: «Салам!»

Зря ты ждал моих проклятий..
Что воззрился на меня?
Братья мы, конечно, братья –
Каин с Авелем – родня!

* * *

Было-сплыло... шатко-валко..
Что ни сокол – пустельга.
Что ни речка – то Каргалка.
Что ни девка – то карга.

Что ни век – метель да стужа.
Край непуганых невест,
Оренбуржье, Оренбуржье
На десятки вёрст окрест!

Здесь казачья хата – с краю,
Да и та давно ничья.
Край, на кой тебе такая
Пересмешница, как я?

Есть вопросы без ответов,
Без вопросов есть ответ...
Ты помог мне стать поэтом,
Хоть ни разу не поэт!

Не взыщи, мой край, каргою
Стать старалась – не смогла.
Знать, твоей любви не стою.
Остальное – бла-бла-бла...

Да и ты, хотя и сокол,
Однозначно – не сапсан,
Чтобы мучиться высокой
Страстью по Диане Кан.

Заходясь в метельном плаче,
Зацелованный тоской,
Край, живущий на удачу,
Ну на кой ты мне такой?

Анастасия УСТИНОВА

Самарская обл., г. Новокуйбышевск

Родилась в 1995 году. Автор книг «Я иду по солнечному лугу» (Самара), «Эпоха по имени Люська» (Санкт-Петербург), а также публикаций в центральных и региональных изданиях России – журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Подъём» (Воронеж), «Наш современник» (Москва), «Аргатак-Татарстан», «Русское эхо» (Самара), «Гостинный двор» (Оренбург), «Арина» (Нижний Новгород) и др. Член Союза писателей России.

* * *

...У Лукоморья дуб зелёный...

Вот ты какой – хваленый дуб зелёный!
Хоть неказист, зато весьма удал.
Там каждый кот – не просто кот учёный,
А прямо-таки интеллектуал.

На каждом дубе – золотые цепи.
Под каждым дубом – чёрный мерседес.
Русалки оккупировали ветви –
У них там свой интимный интерес.

Там интеллектом гопота исходит,
По падикам сидя на кортанах.
И речи заунывные заводит –
Про космо-экзистенций тлен и прах.

Самарское лихое Лукоморье
На тридцать три версты сквозит окрест.
Там каждая берёза на просторе
Поистине – невеста из невест.

Там на кривых заснеженных дорожках
Тебе охотно прикурить дадут.
Пока оклемаешься немножко,
Айфон твой трижды перепродадут

Там восьмиклассницы, прекрасны ликом,
Вскрывают вены наперегонки.

Плейбои там исходят бабьим криком,
Их даже бить по морде не с руки...

Чего греха таить, и я была там,
С поэтами пила не только мёд.
И крыла всех пятиэтажным матом...
Кто был в Самаре – тот меня поймёт!

* * *

Я могла бы к Переделкино прибиться,
Водку пить и никотин курить.
И у здешних старожилов научиться –
Прожигая жизнь, уму других учить...

Никогда на жизнь свою, мой друг, не сетуй.
Не всегда ты будешь молодой.
Пусть тебя одарит светом речка Сетунь,
Рыбой, рифмой, звонкою водой.

Я брожу по Переделкино прибудой
И не сетую на Сетунь. Боже мой!
Хоть писатели – последние паскуды,
Но мне нравится такою быть самой.

Как же в нас так уживается всё это
И нахально называется стишком –
Акварельность дерзкой лирики поэта
И цинизма ледовитый снежный ком.

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Во царстве моём государстве
Владычество вьюги седой.
Покуда колдую с лекарством,
Почтовый свой ящик открой.

Фейсбук, инстаграм – что угодно! –
Открой и припомни наш спор.
Так глупо и так благородно
Я первой зарю топор.

Ты снова во власти сомнений,
И шпагу зарыть не спешишь,
Как миром непризнанный гений,
С ехидцей про мир говоришь.

Опять независимо выдашь
Одну из убийственных фраз.
И душу снедает обида,
И дурость твоя напоказ.

Панельная клавиатура
Языческих знаков семья.
Где каждая буква не дура,
И дура последняя – «Я».

Компьютера жёсткая память
Не хочет, не может понять,
Что как это просто – «Отправить»
И как это сложно – «ПРИНЯТЬ».

ОДА МОРСКИМ СВИНКАМ

У меня живёт морская свинка.
Мы её Апросью зовём.
У неё мохнатенькая спинка.
По загривку гладим мы её.

У Апроськи розовые ушки,
Как цветочки, светятся во тьме.
Фроська – моя лучшая подружка.
Папе с мамой нравится и мне.

Никогда Апросю мы не бросим.
Нежно мы заботимся о ней,
Потому что в нашем доме Фрося
Всех умней, красивей и главней!

Дмитрий РОДИОНОВ

Оренбург – Москва

Родился в 1992 году в Оренбурге. Окончил учётно-финансовый техникум и Оренбургский государственный аграрный университет по специальности «экономика». Служил в армии (войска ГРУ особого назначения). В 2022 году входил в состав творческого актива областного литобъединения им. Аксакова Оренбургского Дома литераторов им Аксакова. Сейчас входит в литобъединение «Ладога» (Московская область, г. Лобня). Публиковался в журналах «Арина» (Нижний Новгород), «Бийский вестник» (Барнаул), в электронном журнале

ЛИТЕРРА и др. Член Союза писателей России с 2023 года. В настоящее время живёт и работает в Москве.

* * *

Брось! Да как же это бросить?
И, в поэзию влюблённый,
Ухожу в большую просинь
Молодым кудрявым клёном.

Подскажи стишок крылатый,
Беззаботная кукушка,
Чтоб на сердце лёг заплатой...
Не кричи, шепни на ушко!

Продерёт тоска с лихвою
(Может, мне и нужно это?)
Расцелует ветер хвою,
Что лежит у ног поэта.

Промолчать сейчас негоже
Если вдруг родился новый –
Острый, словно нож из ножен,
Звонкий стих, на всё готовый,

* * *

И я пошёл за нею без оглядки,
Врезаясь взглядом в будничную гладь,
Ведь ни к чему играть с любовью в прятки,
И о судьбе над кофею гадать.

Мы с ней порой играем в кошки-мышки:
Всё выясняем, кто из нас главней.
Но вновь судьба, как вертухай на вышке,
Меня сурово возвращает к ней.

Порою затеваем в прятки игры –
Она, смеясь, залезет под кровать,
А я от ямба убегу в верлибры,
Чтоб ей меня обратно возвращать.

Мы вдохновенно куролесим вволю,
Но милой музы действия мудры...
Ну а при мне моя шальная доля
Идти за ней до гробовой поры.

* * *

Что там творится и творилось,
Не знаю, хоть убей,
Ведь очень скупо говорилось
Про доблестных парней.

Тех, о которых эти строки,
Что душу ранят мне,
И для возмездья вышли сроки,
И все вокруг в огне.

Как во вторую мировую,
Просвета не видать,
И пулям-дурам жизнь чужую
Привычно забирать.

Но промолчат скупые сводки
Что главный шёл удар
На тех парней, что на высотки
Пришли с тюремных нар...

* * *

Дом напротив, белый снег
Укрывает крышу...
Мой любимый человек,
Я тебя не слышу.

Из трубы сбегает дым
И летит по свету...
Рядом тополь часовым
Встал у парапета.

Свет струится из окна,
На окне герани...
Ах, какая тишина
В мире утром ранним!

Слышу поступь января,
Ледяные звоны.
Слышу даже, как заря
Сходит в мир неоном.

Белоснежный оберег,
Укрывает крышу...
Мой любимый человек,
Лишь тебя не слышу.

* * *

Тигрицей белоснежной на земле
Зима лежит покорно бездыханна...
А я, нарядный и навеселе,
С подругою иду из ресторана.

Ах сколько разной чепухи-хи-хи,
Несу, хоть не влюблён, как ошалелый...
Вокруг витают женские духи,
И снег, как стих, искрится – белый-белый.

Заботы-треволнения позади...
Веду себя, как все мужчины в мире:
Когда ничто не ёкает в груди,
Всё просто, словно дважды два четыре.

Спокойны нервы, и не скалит пульс.
Зима у ног моих лежит тигрицей...
Я нынче никуда не тороплюсь.
Куда мне с нелюбимой торопиться?

БАЛАГАНЧИК

Я очутился нынче мимоходом,
Спеша поестъ, в буфете привокзальном,
Что переполнен самым разным сбродом –
Исповедальным, а порой скандальным.

Да, если склотили состоянье,
Вы не пойдёте в этот балаганчик,
Поверьте, не лишённый обаянья,
Где щедро вам плеснут сто грамм в стаканчик.

Бомжи здесь чебуреки уплетают,
И пассажирам подают пельмени.
А я, меню затёртое листая,
Жду свой салат с названием «Весенний».

Н-да, если состоянье склотили,
Вы в этот балаганчик не пойдёте,
Где так небрежно жарится на гриле
Всё то, что вы сомнительным сочтёте.

Но здесь совсем не сплетни и не бредни,
Я поневоле исповеди слушал –
Так вдохновенно за столом соседним
Алкаш с похмелья изливает душу.

Да, если состоянье склотили,
Вы не пойдёте в этот балаганчик,
Вы весь по моде и всегда на стиле,
Жизнь состоялась, и широк карманчик.

Нет, я иллюзий никаких не строю,
Ведь я далёк от умных наставлений...
...Осеннею ненастной порою
Я жду салат с названием «Весенний».

* * *

Декламирую про звёзды
Гениальные стихи...
Лунный дым щекочет ноздри,
А - а - а - а - а - апчихи.

Драной кошкой проползает
Туча через Млечный путь,
И ревниво замечает
Жизни чувственную суть.

Обнял стройную берёзку
Юный клён, а в мыслях я
Рассуждаю, разве роскошь
Мне поцеловать тебя?

Как угодно, где угодно...
На запреты я чихал...
Раз живём: дерзну – не дрогну...
Не кричи, что я нахал!

Ведь и ты не понарошку,
Неприступностью дразня,
Словно мартовская кошка
Грустно смотришь на меня.

* * *

Летят слова – октябрьские листья.
Молчание красноречивей слов...
Издалека твои читаю мысли,
Ещё в любви признаться не готов.

Прости меня, такого шалопаю...
Ведь, как непредсказуемый поэт,
Я тем тебя порою удивляю,
Что выхожу за рамки, как проект.

Я знаю, что согласишься ты едва ли,
Насколько мои помыслы чисты...
Признайся тем не менее – не я ли
В жизнь воплощаю все твои мечты?

Ты обо мне с печальным женским вздохом,
Растратив вдохновенные слова,
Не думай хорошо, не думай плохо,
Ты по любому будешь неправ.

* * *

Луна, пленённая туманом,
Струит непобедимый свет,
Бесценные стихи задаром
Даны, хотя цены им нет.

Как так случилось, Боже правый,
Опять ни зги в моей судьбе?..
Я вновь стою на переправе –
Что переправить мне в себе?

Небес эпические своды,
Луна, как дева, в неглиже
И вдохновение свободы
Мне очень даже по душе.

Пускай летит привычно в спину
Словесный сор и прочий вздор,
Рубить сплеча свою судьбину
Я приучился с юных пор.

Изъеденные, словно молью,
Сердца усталых россиян
Я посыпаю жгучей солью,
Поскольку сам от боли пьян.

Ступай в туман луна-девица,
Не раззадоривай меня!
Но от судьбы не откеститься,
Порой судьбу до слёз кляня.

* * *

Я не люблю прощальных слов.
Прощаемся? Не стоит!
Но я всегда прощать готов
Условности устоев.

И, принимая неформат
Слов, что летят мне в спину,
С ухмылкой удаляю мат
Из личной писанины.

Ты называешь наугад
Своими именами
По очереди вещи в ряд,
Случившиеся с нами.

Но ведь ни сердцу, ни уму
Названий вероломство!
Да и прощанье ни к чему:
Умрём и вновь проснёмся.

* * *

Я на свободу первым же рейсом,
Рейса не будет? По шпалам, по рельсам!
Поезд уходит, пустеет перрон...
Где же он, самый последний вагон?

Грустно погаснет сигарка в ночи,
Света не будет, кричи не кричи,
Стоят немалых душевных увечий
Злых пассажиров надменные речи.

Что эти речи? Меня где-то ждут
Мама и тихий домашний уют,
Там, где в плену у полуденных скал
В вечность течёт полноводный Урал.

Знаю, что мне не ответит никто,
Если спрошу я, а жизнь – это что!?
Призрак победы? Пустая мечта?
Вместо свободы вокруг – суета.

* * *

Не глядя на авторитеты,
Сам о себе пою куплеты,
Метелью ледяной согретый,
Зимой вспоминаю лето.

Там, невзирая на промилле,
Мы горячительное пили.
А что деньгами мы сорили –
Да просто звон монет любили.

Я помню осень, что рыдала
Навзрыд девчонкой у вокзала,
А яблоня в саду кивала
И зрелые плоды давала.

И до утра брели по шпалам
Мы от вокзала до вокзала.
Разлука нас подстерегала...
Ты этого тогда не знала...

* * *

Пиши мне, милая, пиши,
Ведь о любви молчать не надо.
Твой голос теплится в тиши
В противовес мирскому смраду.

Попроще будь, не надо фраз!..
Неспешно выходя из дома,
Подозреваю, в этот час
Твой голос обращён к другому.

Но я его за тыщу миль
Из тыщи голосов узнаю,
Прости мне мой суровый стиль
Писать о том, что не сгорает.

Я, как всегда, наперекор,
Иду вразрез судьбе и судьям...
И, презирая форс-мажор,
Звоню тебе, и будь что будет!

Елена КУБАЕВСКАЯ

г. Оренбург

Елена Даниловна по профессии врач-офтальмолог. Круг интересов разнообразный – поэтесса, актриса оренбургского театра «Горицвет», входит в творческий актив Оренбургского областного литобъединения им. Аксакова. Автор сборника стихов «Степнянка», публикаций в журналах «Гостиный двор» (Оренбург), «Арина» (Нижний Новгород), во всероссийском интернет-журнале ЛИТЕРРА.

* * *

Нарушая режим злонамеренно,
Забывая про возраст и статус,
Неумеренно, неразумянно
Повышаю жизненный градус.

Не желаю спокойной старости,
Я так многого не успела.
Не хватало то денег, то храбрости...
А теперь наверстать захотела.

Я всегда была семидельница,
Мне ль достигнутым успокоиться?
Кружит-кружится жизни мельница
И желаний запретных вольница.

Увлеченьями перегружена,
То стихами взовьюсь, то танцами...
Темпом жизни слегка контужена,
Завихряюсь протуберанцами!

Люди думают: «Дурью мается!
Не пора ли ей успокоиться?
Молодухою притворяется!..
Вот несносная своевольница!..

Лет своих я нисколько не чувствую,
Не считаю года свои попросту.
Если в сердце огонь присутствует,
Ни к чему разговоры о возрасте!

До всего-то мне в жизни дело есть —
Не понять мне печальника-нытика.
Недосуг стареть, недосуг присесть...
И попробуйте догоните-ка!

* * *

Лабутены, лабутены...
Помешался целый свет.
Ярых модниц неизменно
Впечатляет этот бренд.

Красная кричит подошва:
– Догони меня!.. Возьми!
С ней мажора «склеить» проще,
Без усилий и возни.

Лабутенов грациозность
Придаёт хозяйке лоск.
Но каблук высок курьёзно,
Устоишь ли? Вот вопрос!

Сочетание не ново...
Помнит каждый человек —
Этот бренд запатентован
Был в калошах целый век.

Чёрный скромный цвет немаркий,
Красного сложнее суть:
Может быть, подклад столь яркий,
Чтоб ногой не промахнуть?..

Долго-долго неизменным
Был к калошам интерес...
А теперь вот лабутены
Преподрнёт шутник-прогресс.

Что же эти лабутены
Отличает от калош?
Офигительные цены,
А удобства — ни на грош!

У меня случаются стихи –
Дети поэтической стихии...
Но стихи, надеюсь, не грехи,
Коль грешит стихами вся Россия.

Всяк душою русский человек,
Особливо выпимши немножко,
Даже не читавший книг вовек,
Всё ж стихи затянет под гармошку.

Про гитару что и говорить...
Звуки струн сливая со стихами,
Сердце так легко разбередить
За душу берущими словами.

Пишет всяк – и как же не писать?!
Графоманов осуждать не будем!..
Хорошо стихами врачевать
Боль, что истомила душу людям.

Завалили вирши интернет,
Самиздатом полнятся прилавки.
Ни цензуры с корректурой нет,
Ни редакторской умелой правки...

Книгу бы издать, да денег нет,
Мне стишок в газете – свет в оконце.
Я в газетку заверну букет,
Что ещё поэту остаётся?..

Надежда ОСТРОУХОВА

г. Оренбург

Родилась в 1988 году. Стихи публиковались в аксаковском альманахе «Алый цвет», в журнале «Арина» (Нижний Новгород), во всероссийском интернет-журнале ЛИТЕРА. Входит в творческий актив Оренбургского областного литобъединения им. Аксакова.

* * *

А на улице снова дождь....
И весна совсем не весна.
По стране он идёт, как вождь,
Ни покрышки ему, ни дна.

Покорился ему народ,
Заколдован надолго им,
Дал весне отворот-поворот,
Убеждённый, что не победим!

Как подруге весне помочь?
День и ночь размышляла я.
А весна меня гонит прочь,
Мол, управлюсь и без тебя!

Есть один старинный обряд.
Удивительный и простой...
Надо всем нам сменить наряд
С монохромного на цветной!

И тогда дождь сбежит от нас,
Ослеплённый цветом весны!
Лужи, скорчившись от гримас,
Испарятся, как утром сны!

И весна победно войдёт!
Посулит, чего в жизни нет.
И поверит весне народ!
И полюбит её поэт!

ПЛЯСКИ С ДОЖДЁМ

Барабанит дождь по крыше
Незатейливый мотив.
Ритм этот еле слышен,
Монотонен и слезлив.

У дождя подруги нету.
Дождь извечно одинок.
Он поёт свои сонеты
И вздыхает между строк.

Кто-то скажет:
«Дождь – противный
И занудный кавалер.
У него ни лейтмотива,
Ни изысканных манер».

Вопреки всем возраженьям,
Я совсем наоборот
Улучшаю настроенье
И с дождём пляшу фокстрот!

* * *

Намекнула я супругу,
Мол, хочу в подарок шубу!
Улыбнулся, подмигнул:
«Я хотел бы на луну!»

«Если шуба – не судьба,
В спальню не пущу тебя,
И готовить я не буду,
И помоешь сам посуду!

Разве к юбилею брака
Не достойна я подарка?..»
Муж и слушать не хотел,
На диван и – захрапел.

Ну не муж, а истукан!
Вмиг созрел коварный план!

Я в капот его машины
Налила раствор из мыла,

Вместо жидкости для стёкол,
Чтобы понял и заохал!
Муж уехал на работку,
Я затеяла уборку,

Дверцы шкафа распахнула,
На меня упала шуба!
Новенькая норка –
Вот тебе уборка!

Муж приедет на обед –
То-то будет мне банкет!

Александр ИСИМОВСКИЙ

г. Оренбург

Александр Васильевич Исимовский (Максимов) родился 2 августа 1979 года в Башкирской АССР. Закончил Оренбургский государственный педагогический университет по специальности «учитель химии и экологии». Прошёл срочную службу в ВВ МВД РФ, там же проходил военную службу по контракту. В настоящее время – помощник депутата Законодательного собрания Оренбургской области, председатель Оренбургского регионального отделения Всероссийского движения «Русский Лад». Входит в творческий актив Оренбургского областного литобъединения им. С. Т. Аксакова под руководством Дианы Кан. Публикуется в региональных, всероссийских и международных изданиях.

НАД САКМАРОЙ РАСПУШИЛАСЬ ВЕРБА

* * *

Я сегодня любовался небом,
Небо было чистым, как слеза,
Над Сакмарой распушилась верба,
А ещё вчера была гроза.

Снег растаял, не прошло недели,
Стала полноводною река,
Птичьи стаи с юга полетели,
В небе заменяя облака.

Ветерок степной над Оренбургом
Песню о весне мне напевал,
В такт ему, в речном потоке бурном,
Вдоль Беловки танцевал Урал.

Я сегодня любовался небом,
Взором обнимая небеса,
А над речкою шептала верба:
«Пусть проходит стороной гроза...»

* * *

Заиграли огнями высоты,
Расцвели, как цветы, фонари,
На вечернем бульваре красотики
Похищают покой до зари.

На скамейках рыдают гитары,
Надрывая взхлѐб голоса,
И гуляют влюблѐнные пары –
Словно ангелы по небесам.

Ночи тѐплые так скоротечны!
Ах, как хочется лето продлить!
Август! Август – бродяга беспечный,
Не спеши, не спеши уходить!

ВЕЧЕРНИЙ ОРЕНБУРГ

Оренбург –
Мой простуженный друг
И прокуренный до одуренья.
Степь – седая подруга, вокруг
Ждѐт весну, а с весной – возрожденья.

Чуть прозрачная вена реки
Бьѐтся в ритме предсмертных конвульсий –
И слезою скользит со щеки
Стон Урала в замедленном пульсе.

Горький смог
Ты втянуть в себя смог,
Оренбург, очумелой затяжкой.
На кортах у распутья дорог
Ты присел и, вздыхаячи тяжко,

Ожидаешь всё ту же весну,
Чтоб вдохнуть ароматы тюльпанов,
И тебя тихо клонит ко сну
От угара зловонных туманов.

Засыпай.
Пусть привидится май.
В мае степь незабвенно красива.
Ты, должно быть, устал? – отдыхай,
Оренбург, восстанавливай силы.

ПРИРОДЕ ОСЕНЬЮ

Рыжая девица
В жёлтом сарафане.
Косу золотую расплела.
Что же ты, сестрица,
В ветре-хулигане
По сердцу, наивная, нашла?

Озорной повеса
Дёргает за космы,
И срывает с тела сарафан.
Ты была невестой,
Но остались слёзы
Да худой потрёпанный кафтан.

Без косы девица.
В сереньком кафтане,
В луже слёз и в грязных сапогах...
Не грусти, сестрица,
Лишь зима настанет –
Будешь в белоснежных соболях!

* * *

В парк, где ясеневый канделябр
Украшает пристенок осин,
Заглянул златокудрый октябрь,
Согреваясь кострами рябин.

Карагач отвернулся, пройдоха,
Не желая менять изумруд
На медяк, до последнего вдоха.
Пусть. Морозы своё заберут.

Позолотой покрылась берёза,
Заалелась стыдливо ольха,
Ива вытерла летние слёзы,
Клён зарделся тонами греха.

Парк лоскутным укутался пледом,
Светит ясеневый канделябр,
По аллее гуляет с поэтом
Вдохновенный художник Октябрь...

* * *

Автотрасса Оренбург–Уфа.
Солнце над багажником висит,
Кружится метели сарафан,
Ветер грустью из окна свистит.

Остановку запорошил снег,
Перемётом тропы замело –
Выходящих «на деревне» нет –
Сиротеет русское село.

Песнь мечетей да церковный звон
Раздаются переменно тут,
Да тоскливый безутешный стон,
Что, как прежде, – песнею зовут.

По России тысячи дорог
Разбежались в разные края,
Словно неозвученный упрёк,
Но его не слышат из Кремля...

Вячеслав КОВАЛЬКОВ

г. Ярославль

Родился в 1962 году под Ярославлем, в деревне Красная Горка. Окончив в 1990 году Ярославский политехнический институт по специальности «инженер-конструктор двигателей внутреннего сгорания», работал инженером-технологом, а затем связал свою жизнь с провинциальной журналистикой. Работал корреспондентом, заместителем главного редактора, главным редактором, заведующим отделом в газетах, а также на радио и телевидении, (был руководителем редакции информационных программ ВГТРК «Ярославия»), занимал должность пресс-секретаря Музея истории города Ярославля. В настоящее время – главный редактор областной газеты «Караван-РОС». Автор поэтических сборников «Барышне в альбом» (1999), «По волне моей» (2010), книги прозы «Век серебряный, столп медный» (2016). Член литературного сообщества писателей России. С 2019 года – директор ЯРО ЛСПР. Член Союза журналистов России с 1995 года; член совета Ярославского областного отделения СЖР.

В СЛУЧАЕ ПОБЕДЫ – ДЕВКУ ЗАМУЖ

Выстрел в Норском

Раздался выстрел, и лопасть первого пароходного колеса ударила о поверхность воды. Звук пощёчины долетел до Норского. Остальные колёса закрутились всё быстрее, и отдельные шлепки слились в ровный шум. Шипение воды перемешалось с утробным кряхтением механизмов каждой из трёх посудин. Корабли задрожали и натуженно тронулись с места. Народ на берегу замер.

– Давай, мать твою так! – не выдержав, заорал какой-то полупьяный лавочник, – поддай жару, каналья!

Мужик зашёл уже по колено в реку, продолжая неистово горлопанить. В сердцах он рванул косоворотку на груди и, смахнув с головы картуз, с размаху грянул им в набегавшую волну.

Корабль «Геркулес» дал резкий гудок. Бабе в толпе вдруг стало плохо: «Царица Мать Небесная!» – не иначе, чертовщина померещилась в этих трёх, словно с цепи сорвавшихся кораблях, в озверевшей от азарта толпе, в безумных гудках, раздвинувших волжские берега до запредельных для крестьянского сознания широт.

Один на реку, другой в публичный дом

Так начались первые российские гонки паровых судов на речной воде. По словам коренного ярославца Ивана Васильевича Кашина, так всё и было. Иван Васильевич растолковывает мне, где находилась паромная переправа, и вплетает в рассказ что-то там о гонках.

Полтора столетия назад ярославцы устроили соревнования на волжских просторах покруче нынешней «Формулы-1». Причина для гонок была вполне романтическая, хотя не обошлось и без денег. Вот она, русская душа. Куда летишь, Русь, птица-тройка? Нет ответа. Летит сломя голову на чём угодно: хоть на помеле верхом. А уж на корабле по Волге – сам Бог велел.

Сто пятьдесят лет назад ни о каком пассажирском судоходстве по Волге и не мечтали. Плавали туда-сюда широченные лодки, бурлаки баржи таскали вверх и вниз по течению – никакого расписания, перекусили у костра и в ляжку.

Это только на картине Репина бурлаки какие-то зачуханные все. Нынешние бомжи краше! А Гиляровского, между прочим, было оглоблей не перешибешь. Ходил в артели, тянул ляжку, набирался впечатлений. Куприна всё в публичные дома заносило, а этого на реку. Выйдет, бывало, на правый волжский берег в Ярославле, глянет сверху. «Лепота! – говорит, – нет набережной краше!» А Куприна всё налево, да налево. Вот ведь характер!

Спереть – оно сподручней

И тут вдруг возьми и появиись пароход. Прёт посудина независимо от течения.

Праотцом волжских судов послужил неуклюжий пароходик астраханца Д.П. Евреинова. Построили в 1818 году на заводе Берда в Петрограде. Позже наш краевед Критский напишет: «С недоверием и боязнью отнёсся народ к первому пароходу, а тёмные люди посчитали даже за грех ездить на таком судне, которое без парусов и бурлаков взад и вперёд ходит». Возил Евреинов из Астрахани арбузы, а вниз по течению – мануфактуру.

Купцы пригляделись – а ведь неплохо получается. Смекнули, бороды лопатой, порастрясли кубышки. И к пятидесятым годам девятнадцатого столетия, за десяток лет до отмены крепостного права, Волга зашевелилась, по ней заходили пароходы. От бурлацкого труда, правда, не отказывались. За копейки же, нехай прут бандуру. В России за работу никогда много не платили. А кто получал – особо не роптали. Больше приглядывались спереть, что плохо лежит. Да хоть пару тюков мануфактуры с той же баржи.

Стойкий Герберт

Пыхтел буксир «Волга», сновали пароходы «Геркулес», «Самсон», «Кама». Конкурировали две фирмы. Одна называлась «Самолет», другая «Кавказ и Меркурий». Вторая была, знать, побогаче. У неё был даже теплоход. Вершина прогресса. Отделанный морёным дубом и красным деревом. Бронзовая рында блестела за километр хода до берега. Капитанская трубка дымила, как теплоходная труба. Голос «морского волка» запросто перекрывал корабельный гудок. По словам Кашина, кэпа звали Герберт, и он смахивал на шотландца. Ругался он на английском, и это его громобойное «фак ю селф» могло повергнуть в трепет любого матроса.

С дамами он был сама галантность. Они так и млели. Остаётся строить догадки, что творилось в каюте первого класса, в которой можно было за 7 рублей 5 копеек добраться до Нижнего. Среди губернских дам водились записные любительницы совершить этак с тоски вояж по первому классу. После такой встряски доктора отмечали, что у их пациенток хандру как рукой сняло. Поглядывая друг на друга сквозь пенсне, коллеги в один голос заключали: дескать, воды и свежий воздух бодрят организм. Здоровый, так сказать, образ жизни.

А шотландец, замученный вконец неуёмным темпераментом провинциалок, запирался один в каюте и тянул виски. На каждый стук в дверь сыпались сплошные «факи», и что капитан думал по поводу здорового образа жизни, оставалось загадкой.

Три бревна одним ударом

Пароход «Геркулес» выглядел попроще. Заправлял там наш мужик. Звали его Демидыч. Дед Ивана Васильевича Кашина ходил у него в приятели. Демидыч дело знал, подчинённым спуску не давал. Нраву был крутого. В самарском портовом кабаке долго ещё помнили драку, которую Демидыч учинил сгоряча с местными грузчиками. Промазав одному верзиле по образине, угодил в стену и с ходу вышиб наружу три бревна. Кинулись за околоточным, чтобы порядок навёл. Тот от изумления чуть свисток не проглотил, когда увидел развороченный кабак. Пришлось Демидычу представителя власти вверх ногами перевернуть и потрясти маленько, чтобы свистулька выпала. А то околоточный покраснел уже весь, раздулся, как индюк, и вот заливается караульным свистом. Короче, свисток вынули, брёвна вставили. Разошлись с миром.

Красным деревом и не пахло

Корабли «Самолёта», а также «Кавказа и Меркурия» ходили вдоль по Волге. А народу же ещё с берега на берег требуется. Зимой, понятно, по льду. А летом действовала переправа. Кашин-дед, Василий Григорьевич, сам крестьянин из Туношны, заключил договор с ярославскою городскою управою с условием обеспечить перевоз людей и скотины. Каждый год обязался платить в казну по 5 тысяч рублей.

Переправа проходила от Семёновского съезда на правой стороне и на левой заканчивалась ниже Троицко-Тверицкой церкви, напротив Вологодской улицы.

Вот так и познакомился Василий Григорьевич с навигационными делами и доблестными капитанами. У него ведь тоже пароход был. Мог поднять на палубу до 200 человек, крытые места, крыша. «Внутри прилично обставленный класс с отдельною для дам комнатою». Красным деревом, очевидно, там и не пахло. Да и ни к чему. Для форсу хватало и «крыши с комнатою».

Пароход тянул за собой шесть паромов для экипажей, скота и простого народу. Да ведь и неплохо за одну копейку с берега на берег перебраться. С запряжённой повозки брали 6 копеек. В общем, переправа работала, корабли ходили. Цивилизация мягко наступала на Ярославль своей железной пятой.

Без Кузьминишны – никак

И приглянулась Василию-паромщику одна барышня из рода купцов Оловянишниковых. Парень он был хоть куда! По зиме ходил на Волгу силой меряться в стеношных боях.

Обычно Василий стоял как боец-надёжа. Это который устанавливает мужиков в стенку и вступает в бой в самое пекло, когда противник готов взять верх. Левобережные побаивались паромщика, чёрта туношенского. И ликовали, когда Василий Кашин вместе с Гербертом и Демидычем закатывались дней на пять в публичный дом к Кузьминишне, который находился в Торговых рядах, ближе к Богоявленской площади.

Люди молодые, кровь кипит, да ещё у Герберта простой в связи с зимним прекращением навигации. Наши-то мужики: мол, грешно это – к срамным девкам хаживать. А шотландец не отстаёт, ему же не привыкать по ямайским бардакам ошиваться. Налъёт своего виски по стаканам, и «айда, матросня волжская, кузьминишные баржи кверху кормой ставить». А там ждут-не дождутся. Яки гарны хлопцы – могучие, с деньгами. Могут и в морду заехать. Какой-нибудь статский советник уж

точно получит. А заодно и Маланька, что в номерах с ним кувыркалась в день прибытия «доблестной эскадры».

Публичные откровения в публичном доме

Тут в разгар постельно-застольной баталии Василий-паромщик и говорит товарищам: дескать, люблю девку Оловянишникову, прямо спасу нет. Стали взвешивать шансы. Да у Оловянишникова один колоколотейный завод, что стоит на Горвалу, перетянет все кашинские скотовозы с кораблём и каюткой для дам, вместе взятых. Тут только «Самолёту» тягаться или «Кавказу с Меркурием». А Василий в запале и говорит, что посмотрим ещё, кто кого «на конце привезёт».

Герберт аж один глаз выпучил, и он блеснул у него, как знаменитая рында в майский день. Демидыч стиснул до скрипа зубы, а заодно и зад своей вертлявой подружки, которая крутилась у него на коленях. Та с криком взмыла чуть не выше канделябра. Клочок платья вместе с рюшками и панталонами остался в кулаке уязвлённого в самую душу Демидыча. Выпили ещё, stravили пар, да и забыли до весны всё сказанное.

А по Ярославлю поползли слухи, что по весне состоятся пароходные гонки. Мало ли к Кузьминишне мужиков хаживает. Нужду справят, потреплются о том, о сём. О гонках стали судачить дольше, чем посещать номера. Доходы дома в Торговых рядах пошли поначалу вниз. Зато реноме заведения выросло чуть ли не выше почтамта, откуда обычно поступали все новости.

Хозяева фирм «Самолёт» и «Кавказ и Меркурий» заходили: «Как, мол, там интрига закручивается? И во что обойдётся компаниям эта глупость, если уж она действительно состоится?». Кузьминишне подбросили денег, чтобы держала в курсе. Так публичный дом на время превратился в подпольный штаб карбонариев с бандершей во главе и посыльными девками на периферии. Некоторые из них уже стали скучать по основному занятию.

Она садисткою была

Нина Морнова была Оловянишниковым – нашему забору двоюродный плетень. Но жила в их доме. Девчушка подросла, уже скоро двадцать. И тут за ней увязался этот паромщик. То по набережной предложит пройтись, то на санях до дома подвезёт. Парень видный, только простоватый, неотёсанный. А Нину интересовали естественные науки и не интересовали мужчины. Ну, разве что господа элегантные в смокингах, цилиндрах и с тросточками. «Они, наверное, во всей этой амуниции

и спать ложатся, – размышляла девушка. – Говорят, такие обитают в Париже. Они ещё там едят лягушек».

Опять сердце Нины учащенно забилося. Ах, эти лягушки-зверушки, сколько всяких полезных опытов можно на них проделать. У практикующего доктора Абста, обрусевшего немца, она уже научилась кастрировать котов. Пушистый зверёк под хлороформом совсем не двигается. Тут ему набрасывают струну на одно место. Нина резко тянет, её слабая ручонка становится крепости железной. Готово. После на неё нападает прилив нежности к изуродованному животному. Дескать, вот уже и не больно, вот всё и прошло.

Гонкам быть

Про гонки Нина слышала. Ей льстило, что они могут состояться из-за неё, и она грелась в лучах всеобщего к ней внимания. Дамы фыркали: смотри, какая пигалица, да она в руках живого тела не держала! Знали бы, дуры, сколько этих маленьких телец расчётливо оторвали ручки Нины Морновой.

О Нине говорили чаще, чем о губернаторской дочке. Круг замкнулся. Даже если бы этих гонок не было, они бы должны были непременно быть.

Начало ледохода на Волге прогремело, как пушечный залп. Лёд треснул и пошёл вниз по течению, подтопляя по пути низкий левый берег и устье Которосли напротив монастыря. В этот раз на наводнение никто не обращал внимания. Все аж заждались увидеть на воде пароходы. Капитаны были спокойны, дело считалось решённым. Руководители пароходных фирм договорились ещё по снегу, а Василий Кашин сам себе голова. В случае победы – ему девку замуж. Родственники обещали солидное приданое с каменным домом и выездом – вот что делает «промоушен». А победит другой – там уже «Самолёт» и «Кавказ с Меркурием» будут делить поставленные на кон деньги.

Затон бурлил всерьёз

В затоне приводили в порядок машины. Герберт не отходил от двигателя и с механиков глаз не спускал. Каждому постороннему выкрикивал: «Ту хелл, фак ю!» – и любопытные убирались подобру-поздорову. Чего ждать от басурмана!

Демидыч заказал у Берда в Питере новые колёса и, как больной, твердил постоянно про специально рассчитанный угол наклона лопастей. А Василий Кашин совсем забросил паромы, бегал по кораблю взад-вперёд и ночевал прямо в сапогах в пикантной комнатке для дам.

Нина кастрировала очередного бедного кота, и мысли её были легки. Она с трепетом обнаружила, что имя её будущего супруга совпадает с кошачьим.

Презент купца Дунаева

Дистанцию обозначили от Норского до Арсенальной башни. У башни установили трибуну для почётных гостей. Председатель городского суда в Норском дал старт из пистолета, и началось.

Герберт вёл свой корабль ближе к левому берегу и поначалу вырвался вперёд. Две другие машины не отставали. Рёв гудков и неслыханный шум всполошили Толгский монастырь. Монахи высыпали на берег с иконой Божией Матери и стали молиться. На колокольне забил колокол. Василий с Демидычем перекрестились, Герберт отхлебнул виски. Шотландец шёл впереди. Он, очевидно, форсировал двигатель. Такие штучки ему были, наверняка, известны.

Новые гребные колёса вывели Демидыча на второе место. И только бедолага Василий Кашин плёлся в хвосте. Его посудина как-то осела, словно ей приходилось тащить непомерный груз. Уж не пробоина ли? – беспокоились с берега. Простой народ был сердцем с Кашиным. Зато лидеру дамы в воздух чепчики бросали, и шотландец мечтал, как «набьёт бабьём» первый класс этими, в розовых рюшках, существами. А там хоть до Астрахани! Без остановок.

Тут к пароходике Кашина со всех вёсел кинулась юркая шлюпка. Многие признали в ней посудину со спичечной фабрики Дунаева. К Кашину на борт перепрыгнул человек и бросился в трюм. Оттуда раздался нарастающий гул, и колёса Васиного парохода замахали, словно крылья. Он стал резко нагонять сначала одного соперника, а после и второго. Фабричный механик запустил, наконец, новую машину от Дунаева, которую тот приобрёл для своего производства и, пожалев паромщика, дал обкатать на время гонок.

Простой люд рвал на себе волосы от восторга: «Давай, Вася! – орал с берега, – плавать будем только твоим паромом!»

Шотландский таран

Демидыч с Гербертом поняли, что плакали денежки. Из-за какой-то юбки! А до финиша оставалось саженой триста (метров пятьсот). Герберт яростно взглянул на эти полмили к позору – и кинулся в трюм. Он рывкнул кочегарам нечто, против чего любой «фак» – детский лепет. Те заработали лопатами с удвоенной быстротой.

Корабль Герберта дотянулся до кашинского. Для зевак с набережной пароходы слились в одну линию. Раздался треск. Шотландец протаранил левое колесо ускользавшего соперника. Раненый корабль стал забирать влево, наползая на атакующее судно. Тотчас, словно от натуги, внутри теплохода шотландца что-то глухо ухнуло, и через люк наружу вылетели два кочегара. Их смерть не вызывала сомнения.

Народ ахнуть не успел – было зрелище, и нет!.. Демидыч поспешил помочь, но с борта ему махнули: мол, давай вперёд. Он довёл до финиша свой «Геркулес». Но это не было триумфом. Сзади на воде без движения стояли, уткнувшись друг в друга, корабли его товарищей.

И всё же горожане встретили всех троих на берегу как героев. Их потащили под марш духового оркестра прямо в дом Кузьминишны. Главы компаний ударили по рукам и разобрались с деньгами. Хватило и Кашину на свой паром, тем более, что машину Дунаев ему подарил.

Кто как кончил

А вот жениться Василий на Нине не стал. Учужал в её взгляде что-то холодное с прицелом, аж внизу живота похолодело, и всю любовь как отрезало. Позже барышню Морнову судили и отправили по этапу в Сибирь. Она, оказывается, практиковала тайными абортами.

Герберт до глубокой старости, уже как почётный волгарь, пользовался на своем корабле услугами первого класса. Демидыч сменил три корабля. Его иногда вело по пьяному делу, и он мог с одного удара устроить в борту пробоину где-нибудь на середине Волги. Впрочем, Волга в ту пору была куда мельче, плотинами ещё и не пахло, так что пароход мог пробить днище на любой мели без особого труда. А силачей своих наш народ всегда любил, насочинял потом с три короба.

Вот такая карусель закрутилась однажды вокруг волжского парома. Внук Кашина вздохнул, подмигнул мне и зашагал прочь.

Владимир ПЛОТНИКОВ

г. Самара

Родился (1963) в г. Новотроицке (степное Оренбуржье). С 1974 по 1979 годы жил в посёлке гидростроителей Синегорье (Колыма). Отучился на историка в Куйбышевском госуниверситете (1985). Член Союза журналистов России (1997) и Союза писателей России (2008). Автор нескольких книг прозы, художественной публицистики, поэзии, в т.ч. «Степан Бердыш», «Ночной кошмар с Николаем Сванидзе», «Московит и язовит», «Капель наш часовой. Книга лирики», «Самарские тайны Российского кино», «Билеты встреч и разлук», «В плену у Воланда, или Сны Маргариты». Автор сценариев к документальной серии «Города Самарской губернии» (2012), художественному фильму «Трасса судьбы» и др. Печатался в коллективных сборниках Поволжья, Москвы, Сибири, Болгарии, Германии; в изданиях: «Русское эхо», «Российский писатель», «Наш современник», «Проза», «Литературная газета», «Крещатик», «Гостинный двор», Северо-Муйские огни», «Интеллигент», «Wirdeutsche-aussland – Немцы из России». С 2015 года ведёт авторскую рубрику «Словомер» на центральном сайте Союза писателей России «Российский писатель». Лауреат всероссийских журналистских премий «Слово к народу», «ПЕГАЗ» и др., победитель всероссийских, международных и межрегиональных литературно-художественных конкурсов «Литературный факел», «Русское эхо», «Российский писатель», «Немцы из России» (Германия), «Имени Гарина-Михайловского», «Имени Эдуарда Кондратова».

НЕ ДАРИТЕ ПЛАЧУЩИМ ДЕВУШКАМ СЛОНЯТ

...Бред какой-то. А как здорово всё начиналось. Но надо спешить. Оно, *они* вот-вот придут. Хочу успеть записать. Сознание мреет. Дадут ли *они* время? Не знаю... Вот начало...

Начало обычной курортной новеллы. Приехал сюда в отпуск. Что делает время! Лет 30 назад я уже бывал в этом санатории с женой и пятилетней дочкой – бедной девочкой, угасшей в тот же далёкий месяц, всецело принадлежавший нам троим...

Ах, время. Что-то чудится щемяще родное во всём – корпусах, аллеях, беседках. А дальше всё смазано пудрой десятилетий. Странно – я снова тут. А моих давно нету...

В первый же день «клёв» был удачным. Во всяком случае, все прохожие оглядывались на колоритную парочку. Жгучая брюнетка сдобных форм, туалет сведён до минимума. А сбоку примитивный блондин из породы дворовых кобелей. Половая эпопея близилась к банальной развязке. Пляжная нимфетка помаленьку начала забирать инициативу. И вдруг, пустив неорганические слёзы, напомнила о разнице в возрасте, а главное... Она, понимаете ли, хны-хны, невинна. Но все считают её кокоткой. Эта раздвоенность – образ и натура – угнетает бедняжку. «Я ведь Чехова люблю, Жорж Санд, – всхлипнула она и, лихо

обличив мужское притворство, философски резюмировала: – Знаю я вас, все вы такие».

Пришлось для успокоения прибегнуть к... игрушке. Рука нырнула в карман, нащупав гладкий предмет. Момент, и из шорт (чем не парадокс?) возник слон. Точнее, слонёнок, декоративный брелок, смолоду мыкающийся со мной. Я угадал: её глазки разгорелись, точно это был изыск, по меньшей мере, от Фаберже. Пухлые губки развернулись розовой ракушечкой. «Это мне?» – «Ну, конечно». – «Честно-пречестно, мне?» – «Ну, конечно, тебе, глупышка». Не веря невесть какому счастью, она потянулась к слонёнку обеими ручками. Кого ты охаживал? Мои пальцы со слоником медленно размыкались над её ладошками. И их свело судорогой. От спины девушки отделилась женская фигура. Из ничего. Такая рослая, худая женщина лет тридцати, вся в чёрном. В чёрной же шляпе. Фасон немодный... настолько забытый, что лишь теперь затеребил клавиши памяти.

Резкой тенью женщина рассекла пустоту между нашими телами. Ни шелеста, ни дыханья, ни воздушного порыва. Проскок был столь реактивен, что я не успел как следует рассмотреть лица. Но даже сейчас меня неотступно преследуют глаза. Огромные, скорбные, пустые – на облачном лице. Прочего разглядеть не удалось. И всё-таки в их выражении мелькнуло до смертной тоски знакомое. В миг стыковки с нею, в мой локоть впился незримый сноп электричества. Вместо того чтобы упасть в ладонь плаксы, слонёнок сделал с ума сводящую дугу и... плюх! Мы же стояли на мостике, который с трудом вмещал двоих. По законам природы ничто не должно было просочиться между нами. Разве что сквозь нас! А потом – ссора, истерика и расставание.

Я долго не мог уснуть. Душу терзал не уходящий образ чёрной женщины. Гнетущий печалью и укоризной взор. Ежеминутно возвращающееся, как при бесконечном повторе кинокадра, видение, переходящее в кошмар. Она продвигалась как бы через меня, всякий раз норовя ударить в лицо животом, но в миг прикосновения растворялась. А я тщетно пытался заслониться, отмахнуться. Где там? Только зажмурюсь, отпряну... и вот уже идёт, близится. Строго из одного места, без малейшего отклонения. И тягостнее всего – попытки разглядеть её лицо, сорвав накидку мрака и рассеяв ретушь теней. Эти навязчивые потуги рассмотреть и вспомнить заслонили всё, сводя с ума.

Проснулся в полдень...

Уже вечерело, когда доплёлся до летнего кафе. Грусть приглушил хорошей рюмкой коньяка. Не закусывая. Чем слегка задел официантку. Поняв это, когда подобрел, щедро приплатил и даже заказал модную музыку. А час спустя у официантки не было клиента предпочтительней

меня. Входя в раж, требовал уже от неё всё более пикантных пожеланий. Фантазии дамочки хватило заказать... мороженое. Не поэтично, но проблематично. Особенно учитывая позднее время. Однако пьяное упорство сметает препоны.

Я триумфально протягиваю экс-эскимо. Экс – потому что бывшее, а бывшее, потому что растаяло. Бабёнка тоже растаяла. Её крашенные коготки касались уже мороженого и...

Фантом в чёрном был не столь стремителен. Незнакомка наплывала величаво, грозно и неотклонимо. Из-под широкой шляпы – два немигающих карбункула. Оба жгли меня. Стало понятно: она преследует только меня. И для других, судя по всему, не существует. Кожа её теперь была яркой. Почти чахоточный румянец. Но не это... родинка – прелестная тёмная мушка в правом уголке губ – намертво закормила мой взор. Будя туманные угадки, подсознание изуверски потешалось над сознанием. Ведь не знал я лица знакомее и милее, чем это. И не могли, не могли долго обманывать меня ни сеточки морщин, ни припухлости скул, ни провалы щёк. Я был убеждён, что на свете только одно такое лицо. Было? Или есть?

Ненавидящая, презирающая усмешка исказила губы женщины, обнажая десны с рядом... Боже, нет – как раз никакого ряда зубов ни вверху, ни внизу. Голые и оттого вдвойне пугающие десны украшались двумя парами мелких резцов... А между ними алчуще юлил язык. Он был цвета варёной раковой клешни, но в известковой присыпке. Пиком наваждения был смех. Нежно-язвительный хохоток, которого, убеждён, не слышал никто, кроме меня. Ибо он возник в недрах моей памяти, моего подсознания.

Всё это длилось не более секунды. Но не для меня – неумолимая дама вытеснила всё. Колдовская мушка утонула в безобразной складке кривого ухмыла. Сомкнулись и разъехались сиротливые клыки. Мне сделалось дурно. Пальцы разлепились сами – рука чёрной дамы неосяземо коснулась их. Больше – ничего. Я окаменел. Официантка пыталась вывести меня из ступора, крича: «Мороженое! Где мороженое?..». А мороженое пропало вместе с призраком. Позже официантка обнаружила на платье сливочное пятно... В своём номере я очутился ближе к рассвету. Не исключаю, что все выброшенные из сознания часы провёл в бегах от беспощадного привидения в шляпе... с ласково-милой и хищно-глумливой мушкой в уголке рта. И больше всего донимал её смех.

Назавтра. До полудня нагуливал настроение. А забредши на пляж, уплыл по обыкновению дальше других. Вода бодрила. Особое наслаждение доставляло мерное покачивание на спине. Когда мрак подводных глубин где-то внизу. А над тобой одурающе голубое небо! Так хорошо! А спокойно до чего! Что, если преследующий призрак – лишь

игра утомлённого мозга, плод воспалённого воображения? И вот, кажется, этот плод перезрел, лопнул и сгнил. И мозг исцелён.

Хрупкая иллюзия самовнушения... Тревога снова ковыряет вострепетавшее сердце. Что, что? Чёрт побери, что? Рядом счастливые люди. Я нежусь в чистой воде. Ясность, красота вокруг.

Рядом пронёсся катер. Расширяющимся плавником набегают волна. С детства обожаю нырять в зыбкие мурашки вод. Я неспешно переворачиваюсь на живот. К берегу ползёт первая волна, она самая классная и вальяжная. Навстречу ей с воплями восторга устремляются дети. А я впереди всех... Всё ближе и ближе: я к ней, она ко мне.

На гребешке проклюнулись (*когда, чёрт побери, они успели там проклюнуться?*) очертания... Я знал, что там ничего нет и *быть не может!* Но я уже отвернулся от Той, к которой спешили дети. Лихорадочными сажёнками я пытался спастись от накатывающей пенистой гряды. И не выдержал, оглянулся. Волна тотчас настигла, и на взмыленном её гребешке – ныряющим чёрным пиратским бригам – женская шляпка. Вот нависла надо мной широкой полою. А следом... Нет! Мой вопль всполошил весь пляж.

Отчёт своим поступкам я начал отдавать лишь, обнаружив по правую руку красивую девушку. Редкая девушка: и хорошая, и умная. На знакомство с такою можно навязаться, пожалуй, лишь в состоянии аффекта.

...Бредовые часы неслись, а может быть, ползли. А мы оставались внутри белёной беседки. Холодало. Клянусь, я наклонился только согреть её...

Чёрное существо не дремало. Девушка в ужасе уставилась на моё лицо. Что она там увидела? Я мог только догадываться, но точно знал, что в скошенных глазах спутника ей предстала мгла страха перед кем-то, видимым лишь ему. Чёрный призрак надвигался.

Всё просквозило, всё кануло в ноль. Я сижу на лавочке в сумрачной беседке. Нет призрака. Нет девушки. Только я.

Запершись в номере и пугливо озираясь по сторонам, я собираю пожитки. Из зеркала выхватывается отражение бледного ужаса. Моё лицо! Случилось непоправимое! Ты боишься думать о прошлом, заглядывать в будущее и, тем более, проникать в причину своих тревог.

Из трясущихся рук выпало. На пол. Ага, записная книжка, бурый переплёт. Влево выпорхнул пожелтелый квадратик. Нагибаюсь, прищуриваюсь – фотокарточка. На оборотной стороне химическим карандашом: «Навеки вместе. Санаторий Чкал...»

Гложущее предвестие смутной догадки. Зажмурясь, переворачиваю снимок. Открыть глаза решаюсь не сразу. Но решаюсь.

Да, это она... И они – перильца белой беседки. Той самой. Три человека на фоне Волги. Один большой, блондин. Это я. Слева смеющаяся девушка. В уголках её глаз различима грусть. Жена. Третий человек левой рукой обнимает шею папы. Дочка. Между её пальчиками – палочка с надкушенным мороженым.

Как кинжалом в споро, пульсирует нутро черепа, чтобы миг спустя умереть.

Из самой мутной потаённой глубины выплывает прошедшее. Да-да, белая беседка. И дочка. Она болеет ангиной. А ещё несусветная жара. Спасаясь от которой, мы с женой даже перед фотообъективом не удержались от мороженого. Дочь, конечно, обзавидовалась: «Папотька, я тоже хотю молёзено». – «Доча, тебе же нельзя». – «Низя? Совсем-плисовсем? Дазе лизнуть?». Как тут устоишь: – «Хорошо, лизни. И больше не проси. Договорились?» – радостное «угу». К несчастью, лизок был не один... «Папа, а ты тоже больсе не покупай». – «Ну что ты: ни за что и никогда». – «Плавда?» – «Да». – «А поклянись и обесяй никакой длугой девотьке не покупать». – «Клянусь, что я никогда не буду есть без тебя мороженое. Ещё клянусь: никогда и никому не покупать его, кроме тебя и мамы».

Догадка раздулась в кошмарный волдырь. Приближаю карточку к предательски слезящимся глазам. Ротик больной девочки искривлён. И вот же она – в правом уголке губ – незабываемая, единственная, ни с чем несравнимая нежная точечка.

Тускнеющий взгляд спускается ниже. Туда, за её опущенной правой ручкой. Лучше б ты глянул в ад! Из пальчиков дитя торчит головка зверя, которого не перепутать ни с кем. Слонёнок с загнутым хоботком!

Так вот, значит, кем была Женщина непонятного возраста с румянцем на лице. Такой же точно румянец сменил мертвенную бледность нашей дочки через несколько часов после того, как она доела Моё мороженое. Румянец – предвестник смерти.

Так ты Дочь моя, умершая здесь 30 лет назад?!

И ты явилась клятвopеступнику такой, какой должна бы стать теперь, откажись я тогда от проклятого мёрзло-лакомого искуса. И у тебя всего четыре зуба – в ту пору у крошки выпали молочные.

А извeсть на языке – белый налёт смертельной хвори. И только чёрная мушка у губ осталась прежней...

Пишу под погребальный марш колёс. Сгущается темень. Сгущается жуть. Знаю – спасения нет. Она придёт и приведет на этот раз Мать.

Навеки вместе...

Я не хочу навеки. Ужасное слово *навеки*.

Навеки можно оставаться лишь мёрт... Что это?..»

Постскрипtum. Эту записную книжку проводник поезда «Москва – Самара» нашёл на верхней полке пустого купе. К стеклу откинутой фрамуги прилип снесённый ветром чёрно-белый снимок. Высокий блондин, темноволосая девушка. А между ними – как засвеченный негатив – скорченная фигурка. Её чёрная конечность плотным галстуком отделяет голову мужчины от туловища...

1990

ЖИЗНЬ В СТРОЧКУ

В 192... году ехал тут в купе писатель К-аев. Человек умный, начитанный, но к толпе абы как расположенный. Тем жальче его мне стало, когда вломилась к бедному, мягко выразимся, делегация очень юных и крайне красных агитаторов из «общих» и «плацкарты». Писучие провинциалы, подловленные поодиночке, теперь они все скопом пробирались в первую столицу. А зачем? Не скажу дословно, на какой-то пролеткультовский слёт. Коль формулирую не точно, извиняйте. Суть в ином. К той поросли горланов-главарей прилепился и классик. Будущий.

Само собой, ни сам он, ни другой кто тогда и не догадывался, какой он великий станет после. По пути в Москву классик никак себя не проявил. Хотя нет, в к-аевском купе парень коньяку на халяву ухрюкался... А ухрюкавшись, давай тушить папироски о бортик стола, о стёкла, о стаканы... Окурок, где опал, там коврик и прожёт. К-аев бы и рад вшей взашей, да токмо порядки-то революционные, сердитые. Они, знаешь ли, не позволят трудовым элементам хвосты крутить. А тут ещё, потом то бишь – на слёте, всем разъяснили, что молодой сей агитатор не какая-то помойка, а «верный классовый кадр литературы освобождённого труда». Вот и выходит, что К-аев на своё же счастье укорот дал буржуйскому своему чистоплюйству.

Знаю, всё то ныне звучит невнятно, это мне, старому, понятно всякое, – и то, что важно, тоже. А в хронике моей важно то, что оставил я этого грядущего классика на ночву у К-аева, где он возьми и наблюдай в зазор меж диваном и стенкой... Вот и все от него следы в вагонной истории: жжёные и вонючие. Звали юное дарование Костик...

В день 90-летия Кистёня Кобызьяка стал классиком. Классиком законным. Незаконным он пребывал всю сознательную жизнь. И мало кто знал почему. Хотя нет, кто-то вспомнил, как смолоду Кистеня – тогда ещё

просто Костя – взялся на спор за великую книгу. Замысел свой он выразил радикально: «В день по строчке». Правда, много позже человечество перекроило его на: «Ни дня без строчки».

Но, так или иначе, почти весь XX век чернильный цех страны знал или хотя бы слышал, что Кистеня Фермопилович пишет. По строчке ли в день, не по строчке ли, но точно пишет. Что-то.

Что?

То!

Вот так, плюя на годы и невзгоды, Кистеня писал, писал и писал. А время пришло, и обо всём этом позабыли. Однако это время тоже прошло, беспамятство велели отменить и о позабытом – вспомнить. А вспомнив, взялись научно изучать. Изучение и показало, что...

Никто не помнит, как, но кое-кто слышал, что о задумке своей красный агитатор Кистеня Кобызяка объявил утром, не похмелясь, в день своего двадцатилетия, чем зараз выделил дискантирующий свой зык из безъязыкой какофонии трибунов Пролеткульта. С вечера был пьяный зык, а утром – уже Язык. Диалектика.

Зык заметили. Первыми – классики соцреализма. Они и вострубили. Глас подхватили сочувствующие радикальные авангардисты, а уже через них вполуха под виски с джином – и «потерянное поколение». Те уже мировой мажор раздули. Ну, а где такие всхлипы, там без всякой команды вдруг откуда ни возьмись выстраивается рота штатных кистеневедов. Опять же диалектика.

Кистеню заметили, и ещё как!

«Но за что?» – зело терзало незамеченных. На что сам Кистеня тряс скаткой рецензий, аннотаций, риторически упирая на недюжинность замысла и необычность заявки. И был прав: писали, наверное, все и, скорее всего, ежедневно, а запатентовать это дело догадался только один.

Он!

* * *

Мир узнал Кистеню. Кистеня увидел мир. О том, как мир опознавал К.Ф. Кобызяку, свидетельствуют обои его рабочего кабинета в Переделкино, преизобильно уклеенные фотографиями, где наш герой: «с А. Безыменским, Д. Бедным, Ем. Ярославским и Дан. Андреевым играет в домино», «с Буниным, Фадеевым, Борхесом и Гайдаром охотится на марципана близ вулкана Гекла», «с Казандзакисом, Нерудой и Хомейни обменивается мыльными пузырями в Ватикане по случаю запуска пасхального дирижабля “Джордано Бруно”», «с Бажовым, Джамбулом, Сейфуллиной и Сельмой Лагерлёф грызёт кедровые семечки из Малахитовой шкатулки при закладке целинного полустанка»...

При всем известных писательских слабостях Кистеня имел и довольно сильный плюс: при любых обстоятельствах он оставался верен своему заруку. Во всяком случае, наутро по озвучании великого почина он буднично вписал первую строку в будущий бестселлер, вернее, в бестселлер будущего, поскольку современники тотчас усекли, что открыть великий фолиант суждено лишь тем редким счастливым, кто переживёт маэстро. Маэстро, между тем, на здоровье не жаловался и свято блюл неоткрываемость шедевра. За 70 лет ни слова, ни полслова, ни четверти намёка насчёт продукта своей бурной и содержательной жизнедеятельности.

Говорят, за написанием первых кобызякинских клякс следил сам Корней Иванович Чуковский. Теперь этого уже никому не подтвердить, отчего потомкам ничего не остаётся, как довериться литературным хрестоматиям. А по ним без малого лет 70 кочевала картинка. Корней Иванович всплёскивает руками над умывальником, Кистеня Фермопилович чего-то кропает в тетрадь, а из неё высовывается рыжий и усатый... Вспомнили?

Так зарождался перл и тот редкий случай, когда никто не видел, но всякий знал: это перл. За долгую жизнь творец эпохального полотна побывал в почётных президиумах самых важных съездов, симпозиумов, конференций и форумов. Любой начинающий писатель почитал за честь великую залучить благословенье патриарха. И горе не удостоенным.

Летели годы, давая всходы, творя и беды, и победы. Унося коллег по РАППовскому литцеху в репрессивные 1930-е...

Кося однополчан по перу в военные 1940-е...

Возя однокупейников из агитбригад в целинные 1950-е...

Тряся колоду клеветов по высоколобию оттепельных ветров в гагаринские 1960-е...

Подвесив его портрет среди икон *по лит-бюро* в застойные 1970-е...

Понося культ «буревестников» соц-реала в меченые 1980-е...

Всё было в этой жизни у человека, кроме одного – звания классика. Так и проходил. Смолоду – полуклассик, к старости – пол-классика.

Ну, а в 1991 году в книге века была поставлена точка. Точкой стала смерть Кобызяки. «Косая» угадала ровнёхонько на 90-летие. Впрочем, долгожданный миг торжества наступил не сразу.

Когда же он наступил, то сперва издатели, а потом и весь резко съёжившийся читающий мир узнали, что Кистеня Кобызяка не соврал. Он не прожил ни дня без строчки. Строчка в день была его норма, его кредо, его крест. И сестрою классику служила краткость.

Первая строчка, от 1921 года, была такой: *«Проснулся с 8 чч. в тапочках бира маршрут в ваную кабинету»*.

Вторая строчка приходилась на 8 часов 3 секунды следующего календарного дня: *«Умывался и морщился нето спохмела, нето сотражению зеркала»*.

Без обмана продолжала эпопею и строчка номер 3: *«Чисття зуб как усегда сташило (клякса) на вид из зеркала и пах»*.

Верность слову прижизненный полуклассик хранил и 3650 строк спустя – иными словами, через 10 лет, то бишь на 92-й странице опуса: *«В обед внимал радиву о засидании партии. Меня не замают! На то выпью»*.

Ещё через 3650 строчек проклюнули нотки незнакомой тревоги: *«Балуясь чайком в полдни развлекся сводкой с фронта. Стала страшно и сладко. У меня броня и сахар»*, – сообщали строчки за №№ 7391 и 7392 от 1941 года.

Более свежее словосочетание датируется 1985-м: *«В ужин апеттитно слушал, потому-что вверху закреплён Миша, справный ставрапольский парубок»*.

И ещё строк через сто: *«Теперя после клизьмы крепко жду Ленинки. Обе Государыни поили в дачу, а тут поди спасай внука за наркоту»*.

Строчка предпоследней страницы засвидетельствовала скорбь: *«Получил Героя соцтруда, Ленинку обратно (клякса) зажали. Гады. Ем плохо»*.

И так вся книжка. Ни дня без строчки. Каждый божий день – десяток слов. Что закономерно, запись в день следующий продолжалась с той самой минуты или даже секунды, на какой автор закончил запись про день предыдущий. По мнению верных кистеневедов, в этом и заключалась «творческая изюминка, авторская находка» или, как говаривал справный парубок Миша, «ноу-хау»! На что другая часть критиков улюлюкала: это, мол, вам изюм, а людям – тараканы. Что тоже не диво: всяк видит в булке свой начин.

Худо ли, бедно ли, а более чем 25 тысяч предложений сострочили книженцию в 600 страниц с хвостиком, а если крупным шрифтом – то вся тысяча. Таков 70-летний плод комсомольских клятв и ежедневных штудий. Личный подвиг, то есть – подвиг ради личного.

Другое дело, что между строчек куда-то... Исчезла индустриализация... Крякнула коллективизация... Выветрилась война... Просквозила Победа... Канул Космос... Затерялся застой...

* * *

Последние две строчки:

«Грусно (клякса) Горбач не (клякса) позвонил на юбилей поздравить. Телевизер говорит он в Форосе – по Москве танки. А я? Забыли (клякса)...».

На следующий день про Кобызьяку никто не вспомнил. Рукопись его погрузилась в пыль и забуду. Грустно, но типично...

Однако ж, вышло и у этой истории диалектическое продолжение. И заводчиком стал, разумеется, Бобби Гранов – отпрыск Кистенин... Ну, тот, которого народ полвека уж метит Бобиком Драным. Двинув папашинной стезёй, Бобик без малого полвека пускал многостраничные назидательные сопли о созидательной миссии советской интеллигенции.

Потом без малого три пятилетки Бобик в клочья драл культ своего папаша. Но вот очередной вираж со ставкой на социалистических реалистов, – и достойный сын грустно воет о честном имени родителя. Драный Гранов упорно и неустанно переиздает его «патриотическую глыбищу», причём, всякий раз под новым соусом, но неизменно гордо и застенчиво: «Когда строка куёт свободу», «Ни дня без борьбы с сатаной» в 2-х томах, «Державный дневник советского Дон Кихота» в 3-х книжках.

И как ни странно, кляня на очередную обманку, читатель упорно берёт. Снова и снова. То же и то же... И плюётся, плюётся... Последнее ваяние пахнуло эпикой: «Отцы и дни, или думы о былом». По нему, говорят, мега-сериал затеяли. Каждой строчке – серия. Актёрские династии, рубясь за роли, «свиньёю» строятся. С наследной разблюдовкой для правнуков...

2006

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ

Самарская обл., г. Тольятти

Родилась в 1962 году в г. Тольятти. Окончила Куйбышевский медицинский институт, интернатуру по психиатрии на базе областной психиатрической больницы, аспирантуру на кафедре психотерапии Российской медицинской Академии последиplomного образования. Член Союза российских писателей. Автор книги рассказов «Мой остров» (2009), книги стихотворений «Алые яблони» (в серии библиотеки журнала «Город») и книги путевых заметок «Средняя Азия. Взгляд против солнца» (2017). Лауреат премии журнала «Юность» им. В. Катаева (2012). Лауреат Международного литературного Чеховского конкурса в номинации «Моя жизнь» за рассказ «Рождество» (2013).

ГДЕ-ТО ПОД ТУЛОЙ

В девяносто седьмом году, когда поезда и гостиницы стоили довольно дёшево, а деньги, случалось, заводились даже у людей вроде меня, осенним не ранним утром я отправилась, – куда глядят глаза, – с Курского вокзала.

Шла четвёртая осень в Москве. Аспирантская жизнь предполагала некоторый избыток времени, положенный на библиотечные дни, учебный отпуск и другое, не поддающееся иному контролю, кроме собственного. Жила я в Москве подолгу и часто уезжала, захватив пару книг и термос с кофе, за её пределы.

Я любила столицу, но хорошо было целый летний месяц, сдавая между делом кандидатский минимум, плавать на катере на Клязьму – с Северного речного вокзала, располагавшегося через парк от общежития для врачей и аспирантов. Осенью и весной, когда на реках холодно, я, случалось, куда-нибудь отчаливала на электричке. Московские вокзалы наводили на мысль, выбирая примерно по вокзалу в год, попробовать все направления: рижское, ленинградское, белорусское, павелецкое, савеловское и так далее. Впрочем, даже следуя такому плану, я бы не осилила все вокзалы: их в Москве девять, а моё московское бытие длилось чуть более пяти лет.

Всё же иногда я приезжала на какой-нибудь из вокзалов, очаровываясь его названием, и, оказываясь в сутолочной атмосфере сложного организма, состоящего из зданий вокзала, прилегающей площади, тоннелей, пешеходных мостов, вокзальных почтамтов и переговорных пунктов, жалела о том, что Москва для меня началась поздно. Тридцать один год – хороший возраст для науки, но от дорог уже начинаешь немного уставать. Вспоминалось, как в семнадцать-восемнадцать лет я ездила на Самарский железнодорожный вокзал, и в волнении праздно шаталась по нему, выучивая наизусть расписание

поездов дальнего следования. Но в семнадцать лет больше всего хочется уехать откуда-то, а после тридцати – куда-нибудь приехать.

Из московских вокзалов я не жаловала только собственный, Казанский. Казалось недоразумением, что моя родина находится в том же направлении, что и Средняя Азия. Я внутренне вздрагивала, видя безобидного узбека в полосатом халате с невероятной кучей грязных тюков, сидящего прямо на каменном полу железнодорожных платформ: он напоминал, что Азия ближе, чем я привыкла считать. Годы, проведённые в Москве, не только не примирили меня с азиатами на Казанском, но как-то напротив. То, что с моего вокзала уходили также поезда в Сибирь и на Урал, не смягчало ситуации. Может быть, поэтому я предпочитала считать *своим* какой-нибудь другой вокзал, хотя бы на время.

Тот сентябрь, вообще-то, не располагал к поездкам.

Осенью раньше умер отец. Ещё не прошло года, и я сильно скучала по нему. Я сняла на полмесяца номер в гостинице «Ленинградской», на Каланчёвской площади у трёх вокзалов, – папа, бывая в Москве, останавливался в ней. Номер был на самом верху, в башне (где чувствуешь себя, как в небольшом домике, – если живёшь больше трёх дней, знаешь обитателей этажа в лицо). Всё в ту осень складывалось хорошо, даже за дорогую гостиницу платила не я сама. Только отца не было. Я жила в «Ленинградской» со смешанным чувством боли и узнавания – папа много рассказывал о ней.

Если уж на то пошло, обитая у трёх вокзалов, имело смысл уехать куда-нибудь с Ярославского, Ленинградского, на худой конец – с Казанского. Но в то утро, закончив дела, я случайно попала на Курский: перепутала переходы, переходя на Курской станции метро с Арбатско-Покровской линии на Кольцевую. Оказавшись на улице, я вдруг подумала, что впереди – выходные, и что в театр меня не тянет, рынки я не люблю, а просто бродить по городу не хочется. Хотя отец давно уже не бывал в Москве, она казалась опустошённой. Как, впрочем, почти все города в то время: многое ощущалось тогда пустыней.

Теперь, пытаясь восстановить дорогу до станции, вдруг понимаю, что реальность той осени доходит до меня кусками. Сами куски перемешиваются между собой: например, знаю, что в одну сторону ехала электричкой (даже, кажется, пересаживалась с одного электропоезда на другой), а в другую, – поездом дальнего следования. Но что следовало вначале, а что потом – не помню. Всё, что удалось вспомнить, – вокзал Курский.

Дальше получилось просто. В свободном окошечке я для чего-то спросила свободные билеты на ближайший рейс.

– На Тулу, – сказала девушка, осмыслив услышанное. Я тоже напрягла мозги: в них проскользнуло что-то неопределённое про самовары и левшу. Я попросила билет до Тулы.

– Как в кино билет берёте, – сказала девушка.

До Тулы я не доехала. Дорогу помню смутно, общим впечатлением естественности и простоты. Время от времени поезд летел сквозь жиденький дождь, и капли, лопаясь, налетали на вагонные стёкла. Мелькали смазанные пятна – станции и леса, – неяркий, золотисто-бежевый цвет, – внезапно тающие в матовом мягком белом солнце, проступавшем из-за облачного дождя. И светло-голубое, и немного жёлтого. Сентябрь кончался. Иногда на стёкла налипала тоненькая, блёкло-ржавая листва, похожая на опалённую бумагу. Что-то ещё было, неназойливое и располагающее.

Поезд увёз меня довольно далеко от Москвы, но я только и успела подумать, как не похожа кроткая осень на другие, яркие, оранжево-бордовые. И ощутить, что напоминает это всё своего рода заповедник осени, мягкую бесконечность, которую не объяснить словами.

Почему я вышла на одной из станций, – тоже не помню, просто вышла и не вернулась в вагон. Поезд ещё какое-то время дышал за моей спиной железным зверем, и я даже не могу сказать, сознательно ли не стала в него возвращаться, или так получилось. Когда он, грохоча, скрылся, я вдруг отсроченно почувствовала его чем-то вроде туннеля – того самого, в конце которого свет, только свет мне открылся сбоку.

Бывают места – как гавань, откуда уходят корабли, где хорошо отдыхать, но в их самом глубоком покое всегда чувствуется близость моря. Это место не напоминало гавань. Оно больше походило на выход в иной мир, собственно, это уже и был иной мир, потому что двери входа закрылись, и поезд ушёл.

За маленькой станцией расположился уютный городок – русский, небольшой: меньше иной деревни. От него веяло спокойствием и лёгкостью.

Я словно попала в некое особое состояние, которое приблизительно соответствовало России 30-х–50-х годов. Ощущение рождалось не только архитектурой, но общей наивной искренностью мира, открывшегося взгляду. Это необъяснимо, но определённо чувствовалось, как своего рода духовный запах.

В действительности же реальность пахла просто: берёзовой листвой, рябинами, горячими булочками, осенью. И дымом сосновых шишек: должно быть, топили самовар. Слышался ветер, шумящий садами. И ничего особенного не происходило, но будто бы душа моя стала реальностью и отразилась в маленьком городке, как в зеркале. И я увидела её со стороны.

Конечно, дело было не в архитектуре – хотя и в ней тоже. Смягчённый и украшенный осенью, узнаваемый основательный стиль неоклассицизма! Классика сталинского ампира – акцентирование фасадов, толстые белые колонны, барельефы с советской символикой, на крышах – портики. Сквер с фонтаном, белые гипсовые скульптуры. Мне всегда казалось, что в этом насыщенном античной экзотикой оптимистичном романтизме продолжало (даже спустя годы) жить нечто настоящее: неподдельная страсть, и сила, и волнующая скорбь, как в песнях Георгия Виноградова.

Определённо, в городке когда-то замедлилось время. Прошное сюда заходило; осознавалось, как стары дома бревенчатые и дома деревянные, но всё, что следовало за пятидесятыми, благополучно не дошло до этого заповедного места, осев, должно быть, в городах типа того, в котором я родилась и выросла.

Мне, понятно, не приходилось жить ни в тридцатых, ни в пятидесятых. Но они, как дым уже невидимого костра, веяли в доме, где я росла – рассказами родителей, фотоснимками, пластинками. Остатками запахов и звуков, ещё встречающимися на улицах одеждами и архитектурой, пятидесятые плавно входили в уже мои шестидесятые. Город моего детства тоже начинался расточительными колоннами, фонтанами и скульптурами в скверах.

Потом всё это быстро стало исчезать. «Наш российский Детройт», «экономически развитая провинция со стремительным темпом жизни». Но даже голуби куда-то делись из российского Детройта, – должно быть, передохли от тоски.

А тут царил покой. Он тихим бледно-жёлтым цветом сыпался с деревьев, шелестел ветром, легонько звенел в чистом воздухе. Мне и в голову не пришло, что это тоже провинция, и притом, вероятно (в отличие от экономически благополучной провинции, из которой я приехала в Москву), провинция экономически менее благополучная. Собственно, тут во всём сквозило другое, в этом, в другом, она была более чем благополучна: она была благословенна. Ещё не видя всего городка, я почувствовала, что в нём есть всё, что нужно – почта, телеграф, гостиница, маленькая церковка или часовенка. В городке ничто ещё не говорило о бомжах (которыми в те годы Москва буквально кишела). Никто не собирал объедки. На толстом афишном столбе (в детском моём городе тоже стоял такой) не маячили объявления о девицах, желающих провести с вами ночь или даже день. Как в старые времена, на толстой тумбе спокойно разместились афиши.

И водосточные трубы существовали в этом городке. Высокие, туманные от недавнего дождя и дымчатого солнца деревья нависали над крышами, листья стекали по трубам тонкими струйками. У одного из

домов с неровным, живописно обкатанным временем фундаментом, под трубой скопился маленький ворох листвы. Водосточные трубы необъяснимо ассоциировались с музыкальными инструментами. И по всему – легко и мирно сглаживая резкие углы – рассыпалась осень. Будто бы я читала какую-то хорошую, светлую книгу.

Я пошла на маленькую станцию, чтобы узнать расписание. На неширокой асфальтовой дорожке шурша шевелились листья. Из-под лиственного сугроба (который для чего-то поддела носком ботинка), кашляя, вылезла небольшая собака с ясными глазами.

До поезда на Москву оказалось примерно часа полтора: хорошее время ни много ни мало. Не торопясь, я пошла в городок. Недалеко от станции в скверике в посеревшей каменной чаше журчал фонтан. Над чашей нависали берёзы, вода почти скрывалась под плывучими лодочками берёзового сора. Девочка лет пяти в голубом демисезонном пальтишке, из которого она выросла, что-то шепча, собирала яркие листья, сажая их в ведёрко с песком: вначале – жёлтые, потом – красные, потом – зелёные.

Я оглянулась по сторонам, но не увидела ярких листьев: ни красных, ни каких-либо других, одно сплошное, высветленное облако листвы: дубы, липы, берёзы – по бокам, в небе, на земле. Между тем девочка выхватила из этого облака ещё один листик, проявившийся в её руках дрожащим алым цветом.

Прошла худая и строгая высокая женщина в длинном кремовом плаще и потрескавшихся ботиках. Она сердито посмотрела в глубину уходящей по аллейке дорожки и вдруг повернулась ко мне:

– Вы тоже не видели Николая Петровича?

Николая Петровича я не видела.

– Вот негодяй! – с неожиданным сочувствием произнесла женщина, глядя мне в лицо. Её собственное лицо покрывали морщины, но смотрела она чистым молодым взглядом. Собственно, мне нечего было сказать. Женщина покачала головой и пошла дальше, по ходу что-то сказав девочке, игравшей с листьями у фонтана.

Я догнала её, идущую в глубь уходящей в аллею дорожки, чтобы спросить, где гостиница. Она выглядела уже не сердитой, а скорее, печальной.

– А что, – оживилась она, – разве вечер перенесли на сегодня?

– Я ничего не знаю о вечере, – сказала я, – гостиница нужна мне для другого.

Она объяснила. Это было рядом. Впрочем, тут, наверное, всё было рядом. Падали листья, и один, зацепившись в волосах, влажно царапнул меня по щеке. Женщина не спешила, она вопросительно смотрела на меня, как бы ожидая, что мне может понадобиться что-то ещё. Я поблагодарила

её и пошла к гостинице, а она шла рядом – дорожка была одна. Некоторое время мы молчали, а потом из какого-то тихого озорства я спросила её:

– А где он, Николай Петрович?

– А где всегда, – охотно отозвалась женщина.

Тогда я спросила её конкретно:

– А кто он, вообще?

– Вообще или теперь? – уточнила женщина.

Разговор принял странный оборот.

– Теперь, – осторожно сказала я.

Женщина задумалась и думала долго.

– Боюсь, что теперь он и сам этого не знает.

Мы расстались у поворота к гостинице. Машинально нащупывая во внутреннем кармане плаща плотные купюры, я снова ощутила, что впереди выходные, а в Москве меня никто не ждёт.

Вдруг оказалось, что вокруг, всюду голуби. Так много лилось неяркого света, что они вместе со своим оживлённым воркованьем размазывались в нём, не сразу попадая в фокус взгляда. Я подумала, что оставшаяся в московской гостинице видеокамера всё равно бы этого не передала. Городок не запечатлелся бы с ходу, – ни словом, ни камерой. Хотелось дышать им, молчать, отключить сознание, заполненное столпившимися мыслями, желаниями, лишней памятью, остановиться, ощутить себя частью этого маленького пространства.

Неизвестно почему вспомнилось, что видела на станции какой-то особенный блокнот, захотелось его купить. Блокнот пришёлся бы кстати. Я решила вернуться за ним.

В пустом сквере у станции в тишине уже по-вечернему меняющегося освещения расположился духовой оркестр. Они распаковывали свои инструменты, устанавливая их прямо на листве, покрывающей землю. На этой же листве стояли их маленькие табуреточки.

Четверо музыкантов, причём трое из них составляли духовой оркестр, а четвёртый был скрипачом. Большая труба, маленькая труба и что-то ещё, – кажется, барабан с медной тарелочкой. Музыканты вели себя так, как если бы они никого и не ждали. Трубач с большой трубой был толст и в очках, а другой трубач – худ, а третий, с барабаном, – просто плотен и смешлив на вид. Скрипач тоже был худ – скорее, впрочем, строен, а также сед и молод.

Вдруг они заиграли, сразу энергично и ясно.

Были ли музыканты профессионалами – судить не человеку, который и чисто внешне из духовых инструментов может идентифицировать только басовую трубу, саксофон и флейту (опустим здесь же голоса инструментов). Но музыка грянула над сквером и отразилась осенью, и красота её осязалась физически. Она схватила меня, идущую, закружила

и встряхнула – и полетела дальше, полилась, истончаясь, звонким дымом уходя в небо. Она возвращалась множеством отражений – от деревьев, от лиственной земли, самое небо отражало её, отбрасывая на землю.

Чувственная прелесть, душа, дух? Не знаю. Мягко отсвечивала медь. Осень нарастала в скверике, как прибой, захлёстывала его, стекала под ноги. Звуки, сродни молчанию, напоминали о тишине и прозрачности, и всё текло, и всё – было постоянно. Может быть, от обилия осени музыке передавалось первоначальное безмолвие, с которым создатель прислушивался к звукам внутри себя, прежде чем записать их на бумагу, делая звуками для других.

Когда трубы и ударник замолкали, начинал играть скрипач. Затаив дыхание, я смотрела, как стоит он, пока гудят трубы, безучастный, с опущенными руками, в одной – смычок, в другой – скрипка, и будто бы себя не помнит; и думает о чём-то, сильным и лёгким движением вскидывая скрипку на плечо, и рождается звук, и набирает силу и сочность, прежде чем оторваться и полететь. Скрипка пела в его руках. Он начинал рисовать звук, прикладывая усилия, – так живописец создаёт картину, – но дальше музыка словно бы не зависела от него, и ему не принадлежала.

Так они и играли, мечтательно и просто. И классику, и мелодии тех самых 30-х–50-х, будто бы в дополнение к фонтану-чаше на пьедестале и белым колоннам. И гипсовым скульптурам, в которых рабоче-крестьянский тип удивительно переплетался с артистическим, – утончённым, чуть манерным, исполненным величия и драматизма начала 20-го века. Вспомнился Заболоцкий: «Толстозадые русалки улетают прямо в небо...»

Вот и репертуар оркестра сочетал музыку, одним вздохом обнимающую небо, с простенькими мелодиями. Довоенные танго, вальсы, фокстроты. «Вам возвращая Ваш портрет...», «Студенточка...», «Сядь со мною рядом». И 50-е, «Гитана», «Бесаме мучо» и, конечно, «В городском саду играет...»

Тридцатый год – папе двадцать лет, а ещё через двадцать, в пятидесятом, – время маминой юности.

Как ветер, как запах моря и можжевельников, засквозил южный давний город с такими же колоннами и чашами и духовым оркестром на эстраде у танцплощадки, – только большим, чуть ли не симфоническим.

Оранжево-розовая раковина в руке, мне всего шесть, тёмно-синий тёплый вечер, светлая папина рубашка, белое мамино платье из жёсткого шёлка в чёрных розах, выписанных тушью, и кожа цвета мёда, и чёрные волосы, вальс. Машины подколотые короной косы разлетелись по воздуху, но она не поправила их, невозможно, а только рассмеялась. Они начинали первыми, на ещё пустом пространстве танцплощадки. И отдыхающие,

замеров, смотрели на них, а кто-то, улыбаясь, нависал надо мной в зыбкой синеве: девочка, а мама у тебя цыганка или еврейка? А папа у тебя – из Прибалтики?

Несколько месяцев назад я беспомощно искала своего ушедшего отца в южном городке, где они танцевали когда-то. Но ничего не обрела там. Необъяснимо, почему это вдруг вернулось ко мне в центральной настоящей русской России.

Оркестр играл, и было странно. Я уже почти целый год никого не любила, совсем никого, я разучилась это делать, и теперь чувствовала, что люблю, – но не могла понять кого. Я любила по очереди всех музыкантов, а особенно – скрипача и басовую трубу, но не только. Я любила осень, и маленький городок, и всех тех, кто писал хорошую музыку, и, собственно, не только их. Была любовь, и нежность была, но самой меня не было, я словно исчезла вместе с длинным своим плащом, и джинсами, и ботиночками, и причёской до плеч, и горем, которое вдруг показалось не горше звучащей осени, растворилась. В чём? В осени? В музыке? В чём-то ином?

И чем дальше, тем больше всё окружающее становилось лишь декорацией для музыки, летевшей над бедным, счастливым, недолгим миром, не знающим своего будущего.

А в сквере по-прежнему никого не было. Только – мы пятеро, неяркие звёзды листвы, медленные птицы в небе среди ветвей. Русская осень, полузакрыв глаза, сидела, обхватив колени ладонями, в окружении сизых голубей. Листва сыпалась на её плечи, и светлая улыбка, сошедши с её лица, бродила сама по себе солнечным лучом.

И никто из музыкантов ни разу не посмотрел в мою сторону. Для единственного ли слушателя играли они, или для самих себя, или для осени, просто чтобы листья летели под музыку, и мысль природы, её разум, звучала посреди неё, – не так уж важно.

...И вот я высматриваю ту станцию в поисковых системах Интернета. Кажется, что найти её – элементарно (как казалось сначала, что навсегда запомнила её название).

Действительно, куда как проще. Городок. Провинция. Линия Москва–Тула. Расписание. Перечень станций: Царицыно, Подольск, Чехов, Шарапова Охота, Ока, Серпухов, Тарусская... Имя станции было простое и известное, вроде Ясной Поляны.

Набираю через «поиск» фотографии всех станций по очереди, но и снимки не поясняют дела. С фотографиями особенная путаница. На них станцию с духовым оркестром мне напоминают многие станции, даже те, которые шли в начале пути и не могли быть ею, – например, Чехов. По проведённому в пути времени я могла бы предположить Тарусу

и несколько станций за ней, зато их снимки ни о чём не говорят. Станция исчезла, растворилась во времени, в безымянной сдержанности осени – вместе с именем.

Но как же всё закончилось тогда? Да как-то очень просто. Играл оркестр, и чем дальше, тем выразительнее и ярче я понимала, что мне незачем куда-то уезжать оттуда. Собственно, я и так решила провести там выходные. Но, если можно так выразиться, дальше я ещё сильнее решила провести их там.

Потом на станцию пришел поезд, и я – уехала.

Я вернулась в Москву, не понимая, зачем сделала это, ещё не зная, чем буду заниматься в выходные. В городе стоял всё тот же тёплый серовато-бежевый сентябрь. (Определённо, та осень была бежевой). В тёплые дни у вокзалов скапливался смог, но мой высокий этаж парил выше туманного, пахнувшего поездами и бензином облака.

Ночью пошёл дождь. Я подошла к окну, не зажигая света. Беззвучный коричнево-серый город таял в размытых огнях и проблесках-иглочках дождя. Звуки приглушались огромным окном с толстыми двойными стёклами. Распахнуть окно было невозможно: на верхних этажах окна завинчивались наглухо, как иллюминаторы подводной лодки. Но открывалась форточка.

И я открыла её, чтобы слышать всю ночь, как уходят с Ленинградского вокзала поезда в Петербург, Таллин и Хельсинки, а с Ярославского – во Владивосток, Монголию и Китай.

Октябрь 2005

Николай ЮРЛОВ

г. Красноярск

Родился в 1954 году на вятской земле в семье колхозников, литератор и публицист, выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, а также собственным корреспондентом газеты «Гудок». Автор многих книг, в т.ч. «110 лет неизвестности», «Зеркало антиквара». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», «Берега», альманахах «Енисей» и «Новый Енисейский литератор». Победитель профессиональных конкурсов «Журналистская Россия», «Сибирь – территория надежд», лауреат «Российского писателя» за 2016 год в номинации «критика».

ИРОНИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Водолазы и Щука

(История про одну рыбную миссию)

Ну оч-чень большая Щука (двадцатикилограммовая!) так и не успела ничего спросить у водолазов, которые на дне омута не особенно приметного озера Центральной Азии дружно подсаживали её на спиннинговый крючок. А ей весьма бы хотелось задать типично рыбинспекторский вопрос:

– А лицензия-то у вас, господа хорошие, на рыбную ловлю в водоёмах Российской Федерации имеется?

– Есть, есть, в Греции всё есть, – пуская пузыри, могли бы, конечно, ответить водолазы, которых по такому случаю срочно обучили читать рыбы мысли.

Щука была старая, вековая, выдавшая многие виды, она помнила даже путешественника Пржевальского. Только ей одной было известно, кому этот генерал-пилигрим с секретным предписанием станет биологическим отцом.

Щука по праву считала, что если она благополучно ушла прямо с удочки обратно в свои родные пенаты, укусив за палец самого близкого родственника будущего «вождя народов», ей уже больше ничто не грозит. Крестниц великих людей – не ловят и не сажают!

Но впервые в своей долгой жизни Щука просчиталась. Она не учла главного: у специальных водолазов, шарящих по большим и малым водоёмам в поисках кладов, по ходу Истории может появиться ещё и маленькая рыбная миссия.

...Когда Щуке вспарывали внутренности, намереваясь пустить её на котлетки, она наконец-то поняла: даже если молчишь, как рыба, но много знаешь, придёт время, и другие «водолазы» тебя рано или поздно поймают.

Злой дух Матильды *(Хулиганский рассказец)*

Дочь учителя народной школы Волынской губернии Фанни Каплан была с детства подслеповата, но очки ей земский врач Антоша Чехонте так и не успел выписать – переманил к себе доктора бешеными гонорарами гламурный столичный журнал для мужчин «Хрен да редька».

И тогда обиженная на судьбу малороссиянка подалась к боевикам. Однажды на балконе особняка примы Императорского театра Матильды Кшесинской, выполняя ответственное партийное поручение товарища Андрея, Фанни Ефимовна вместо заказанного Старика завалила саму хозяйку, любезно предоставившую свои апартаменты для конспиративных встреч. Ну нельзя же стрелять без очков!

С тех пор дух убиенной Матильды Феликсовны бродит по богемным учреждениям Мельпомены и не даёт покоя некоторым видным режиссёрам современного синематографа.

Борец с айфонами товарища Сталина *(Из цикла «Параллельные миры»)*

Было уже за полночь, когда в кабинет Хозяина, тускло освещённый лампой с зелёным абажуром, вошёл бледный товарищ Поскрёбышев. За окнами Кремля хлопьями сыпал снег, ещё более белый, нежели аморфное лицо личного делопроизводителя генерального секретаря.

– Разведка доложила, что нашему послу в Варшаве угрожает смертельная опасность, товарищ Сталин...

– Провокация – испытанное средство контрреволюции, не унимаются недобитые белогвардейцы! А что, у нашего полпреда из ближайших мероприятий значится в рабочем графике? – поинтересовался товарищ Сталин, который по такому случаю оторвался от толстой книги: на сон грядущий он, грешным делом, любил почитать роман «Белая гвардия».

– Открытие фотовыставки, товарищ Сталин.

– Он у нас что, тоже фотограф? – крайне удивился Хозяин, которому уже не раз докладывали о странной тяге к заграничным айфонам некоторых руководящих работников аппарата ЦК ВКП (б).

Но товарищ Берия, как всегда в таких случаях, занижал масштабы бюрократической катастрофы, которая приобретала характер едва ли не эпидемии. Увлекались фотографией почти во всех без исключения наркоматах, а кто-то по собственному желанию уходил даже в центральные газеты и журналы на штатные должности фотокорреспондентов. Не то что бы там хорошо платили – просто всем вдруг захотелось свободы самовыражения! А дурной пример подал товарищ Ортенберг из Внешторга, умудрившись у себя дома, прямо на

улице Горького, устроить тайный фотографический салон, где небезуспешно стажировались будущие фотомодели. Частенько перед ними давала мастер-классы героиня классического романа эпохи нэпа Манька Вьюга.

Но об этом товарищу Сталину даже боялись заикнуться. Да и не до того было в то лихое время – партия через колено ломала хребет упёртого крестьянства, и сводки с колхозных полей и ферм были, увы, не самые утешительные.

– Может быть, так и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто опускались в могилу, – задумчиво произнёс товарищ Сталин и перевёл взгляд от Поскрёбышева на падающий за окном чистый снег. – Передайте по Бодо, что открывать фотовыставку в Варшаву поедет лично товарищ Ортенберг. Вместе со своей Манькой. Это теперь по их профилю, а нашим послан на местечковых мероприятиях делать нечего...

Не дожидаясь ухода делопроизводителя, крайне изумлённого осведомлённостью Хозяина, вождь вновь уткнулся под абажур, где лежала книга опального писателя Булгакова и кричала своим читателям о вечных ценностях в этом мире:

«Меч исчезнет, а вот звёзды останутся, когда наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

Товарищ Сталин так увлёкся, что и не слышал, как в приёмной Поскрёбышев выстреливал по Бодо послание в Варшаву. В это же самое время ребята из ведомства товарища Берии рыскали по Москве в поисках Маньки Вьюги. С фотокорреспондентом Ортенбергом им было намного проще: он уже собирал манатки к курьерскому поезду.

...Когда товарища Ортенберга уже через неделю провожали в последний путь до Ваганьковского кладбища, впереди на лафете вместе с наградами покойного везли айфон, который поблёскивал на зимнем солнце лучезарным светом, точно пытался по умолчанию сделать завершающий кадр с московским небом. По случаю потери кормильца пустила скупую слезу Манька Вьюга, а товарищи по партии спешно накидали комья замёрзшей глины в могилу, где вместе с телом убитого контрреволюционерами большевика лежал теперь и его личный айфон.

Заупокойные речи были непродолжительными, а одну из них, видимо, очень ответственного товарища, напечатала даже главная газета страны. Здесь же шла передовица, где ставились задачи на ближайшее будущее. На этот раз партия объявляла самую беспощадную войну всем айфонам, которые на экстренном Пленуме ЦК товарищ Сталин признал оружием буржуазии, разлагающим революционный дух.

Не придумали ещё таких айфонов, которые большевикам не сдаются!

Две музы
(Из цикла «Новые сказки Парнаса»)

Жил-был писатель Чернильцев. Он хотел прочно застолбить себя в рядах цеховой братии и начал неистово звать музу, но очень уж долго входил в её сугубо конфиденциальное пространство. И то ли ошибся с настройками, то ли ещё почему – вместо музы творчества явилась муза дальних странствий и без обиняков позвала за собой, за самую линию горизонта...

Так вместо автора, временами всё же читаемого публикой, стал Чернильцев бродягой-странником, семью ветрами обдуваемым, четырьмя океанами омываемым.

Коварная оказалась муза – соперницу с Парнаса обошла! Лишь позже, набив на своих долгих странствиях изрядные синяки и шишки, с колтунами в волосах и кандидами на измождённых ногах, Чернильцев выяснил, что особа эта значилась как главный специалист по работе с клиентами в скандальном агентстве «Авантюр-Тур». Она очень многих звала за линию горизонта, но не все оказались такими же отзывчивыми, как писатель Чернильцев.

Майор Ковалёв и его женитьба
(Новые похождения бравого коллежского асессора)

«Марта 25 числа...». Впрочем, это лишь подход к теме и некоторое заимствование в описании того происшествия, что случилось в губернском городе N. Всё остальное – творческая переработка походов героя, оставленного господином сочинителем в 1835 году на Невском проспекте в вечном поиске смазливеньких мордашек и отнюдь не ради женитьбы.

Итак, в мартовский день в каталоге многопрофильного салона красоты «Себя не узнаешь!» напротив новейшей разновидности ботокса появилась странная запись. Наткнувшись на неё, хозяйка заведения Диана Ивановна Стяжкина, эффектная блондинка с французским выщипом на очаровательной головке, ничего совершенным образом не могла понять.

Фиолетовыми чернилами какой-то каллиграф вывел убористым почерком буквально следующее:

«Актуальнейшая тема, сударыня, скажу я Вам! Проблема безморщинного, гладкого места на личине человеческого тела очень волновала людей уже в XIX веке. Вспомним литературного майора Ковалёва и его выдающийся Нос, попавший в одноимённый мировой бестселлер. Так что ищите и обряцете!»

Всегда готовая к Вашим услугам в части поставок нужной клиентуры штаб-офицерша Александра Григорьевна Подточина».

– Тоже мне шутники! Мало им социальных сетей, так они теперь за мои буклеты принялись. Которые, между прочим, стоят немалых денег и большой мороки с типографиями, – рассерженно резюмировала бизнес-леди, но на всякий случай всё же заглянула в книгу записей. Подточина, дама с амбициями и возможными комиссионными, у неё никогда не значилась.

Фамилия военного, написанная фиолетовым по белому, никак не отложилась в голове Стяжкиной, обременённой предпринимательскими заботами. А он, человек с чудными бакенбардами, через которые хоть сейчас галстук пропускать, возьми да явись прямо в салон.

– Диана Ивановна, там какой-то тип в малиновом пиджаке, – доложила скупающая особа, она же Сонечка Худякова, молоденькая администраторша мужского зала.

Чрезвычайно хрупкая от постоянных диет, как будто именно на ней испытывались все рецепты быстрого похудения, она своего недовольствия не скрывала: настойчивый посетитель прибыл без предварительной записи да к тому же помешал досмотреть старый сериал про романтическую жизнь питерских «братков».

Если бы коллежский асессор услышал, с каким неуважением отзываются о его брусничном сюртуке, мастерски сделанным тем самым Петровичем, усердно обшивавшем также и других близких и дальних родственников Платона Ковалёва, обиделся бы до крайности. Как всезнающий герой особого ведомства, он хорошо понимал и значение малиновых пиджаков в трудной судьбе Государства Российского. А где обидчивость потомственного дворянина (сановника VIII класса, между прочим), там сразу же просыпается его негодование: «Как это в просвещённый век могут распространяться столь нелепые замечания в мой адрес? Как вообще они рождаются в голове прекрасного создания, воздушного, как и сам нежный цветочек, доставленный в наши палестины негоциантами из Голландии? Нет, определённо надлежит этой весенней розочке срочно дать секретное поручение, чтобы о его выполнении она явилась ко мне с рапортом прямо на Садовую».

– Честь имею представиться, душенька: коллежский асессор Платон Кузьмич Ковалёв. В некотором роде майор...

– У нас и полковники бывают, – с гордостью за себя и своё заведение произнесла Диана Ивановна, разглядывая человека с выдающимися бакенбардами и думая о том, что перед ней, очевидно, ведущий актёр местной оперетты: вон как набивает себе цену, чтобы пропустили по льготной очереди и сделали скидочку.

Сердоликовые печатки на золотой цепочке с характерными надписями дней недели «вторник, среда, четверг» игриво болтались на жилетке майора Ковалёва. Сегодня был четверг, день сложной пластики,

операция проводилась в клинике «Вечная молодость», которая тоже принадлежала Диане Ивановне. Широко шагала дама, она действительно отличалась креативностью во всех отношениях.

Когда бизнес-леди предложила клиенту присесть в кожаное кресло и всё в деталях рассказать, перед ней на столе уже лежало «четверговое» колечко – маленькое, но приятное подношение от господина майора.

– Камень сердолик, талисман любви-с. Сами понимаете, «красненькую» дать не могу – в таком случае моя ассигнация начнёт в полицейских сводках фигурировать. Затаскают! Я вот тоже борюсь с цирюльником Иваном Яковлевичем за чистоту рук, да всё без толку. Ничего не попишешь: природа! Примите от меня хотя бы скромное колечко...

– Ах, какая прелесть, – леди Стяжкина внимательно разглядывала серебряную печатку с розовым камушком, в глубине которого, кажется, пряталось само мартовское солнце и ласкало взор. – Да это же настоящий антиквариат! Ах, как я вам благодарна, Платон Кузьмич. Слушаю вас внимательно.

– С тех пор, как мой гениальный родитель заставил фланировать меня по Невскому проспекту, я стал вечной жертвой трудной уличной жизни, – начал свою исповедальную речь майор Ковалёв. – Мало того, что там постоянная толчея, молнии снующих туда-сюда людишек, так ещё и скверный климат северной столицы не щадит моё некогда гладкое лицо. От ветра и времени на нём появились первые морщины, и я уже начинаю волноваться за свой Нос. Видите ли, это самая нежная, самая чувствительная часть моего тела. Однажды Нос уже заявлял о своём праве на самоопределение и отделялся от меня, едва не убежав в Ригу. То есть в Лифляндскую губернию, конечно. Ну как он вновь захочет столь дерзкую выходку повторить, что тогда? И уплывёт на этот раз уже на берега Темзы, а ведь с Лондона, как и с батюшки Дона, выдачи-то нет-с. Как же я тогда буду знакомиться с модельными барышнями Санкт-Петербурга, приглашая их для конфиденциальной беседы на Садовую?

Леди Диана как-то не решилась сразу прерывать гостя, чётко определив для себя, что Платон Кузьмич превосходно вошёл в свою роль, а ей нужно будет непременно побывать на премьерном мюзикле с его участием. Гениально играет господин актёр, следует признать. Эх, давненько она не брала в руки театральный бинокль и не разглядывала волшебников сцены крупным планом!.. У каждого человека есть своя роль, и пусть он доиграет её до конца. Что наша жизнь? Так, игра-с!

– Я думаю, Платон Кузьмич, перед круговой подтяжкой вам нужно в обязательном порядке пройти общеукрепляющие процедуры. А начать нужно с включения в ваш рацион афродизиаков. Это травы такие

чудодейственные, если что не совсем тут понятно. От самой богини Афродиты...

– Моя кудесница, чаровница! – издал торжествующий стон майор Ковалёв и даже подпрыгнул от свалившегося на него счастья, уминая телом массивное кресло: наконец-то нашлась женщина, которая читает на лету его самые сокровенные желания.

Он уже готов был предложить Диане Ивановне Стяжкиной руку и сердце и тем самым навсегда сделать её фамилию благозвучной. Ох уж эти перемены в жизни – их ждёт едва ли не каждый!

Но в этот самый момент в кабинет вошла опять же хрупкая барышня Сонечка Худякова и доложила, что явилась важная персона из городской мэрии с секретным предписанием. Называет себя Александрой Григорьевной Подточиной и требует немедленной встречи с владелицей клиник и салонов. А предварительно ей хотелось бы взглянуть в глаза Платону Кузьмичу Ковалёву: готов ли он после всех перемещений в пространстве и времени сдержать данное обещание и наконец-то жениться на её ненаглядной дочурке? Не два же века подряд красавице засиживаться в старых девах, имея к тому же благословение матери и достойное приданое...

В противном случае штаб-офицерша прибегнет «к защите и покровительству законов» или выдаст доченьку за благообразного помещика из Херсонской губернии Павла Ивановича Чичикова, пребывающего теперь на хорошей должности в неисчерпаемом фонде иноземного происхождения «1000 червонцев».

Тут, конечно, следуют... не оvationи, нет – продолжительная немая сцена, уже имевшая место с ближайшими литературными родственниками коллежского асессора Ковалёва в другом губернском городе N., и неизбежный при таких финальных бездействиях занавес. Именно так, досточтимые господа!

Как Герасим ходил в карантин *(Современное прочтение «Муму»)*

Жил-поживал да добра наживал в Лопухах однодворец Герасим. (Если кто не знает, Лопухи – это такая деревенька за МКАДом, а однодворец – знатный хлебороб, которому в качестве особого поощрения дозволялось завести самого преданного друга, то есть, конечно, собачку диковинной породы чихуахуа.)

Был Герасим терпеливым, как и многие его соплеменники, и молчал в основном в тряпочку, а душу отводил в социальных сетях и всякий раз по-детски радовался, когда его сокровенные мысли, выраженные

преимущественно многозначительными репликами «му-му», оказывались блогосферной публикой наконец-то услышанными.

Но случилась как-то раз в тех местах пандемия. Ко всему привыкает человек, привык и Герасим к неделям строгого режима. И только собачонка его, названная Муму, не смогла выдержать прописанных каникул, унеслась за околицу Лопухов. Вот здесь-то её и подждал коварный враг человечества – великий и ужасный коронавирус. Не получилось из Муму законопослушного самоизолянта!

Страшную беду, которая стряслась с несчастной собачонкой, приняла близко к сердцу отзывчивая барыня: как и все благородные дамы, она оказалась натурой сентиментальной, разрешив Герасиму целый месяц не появляться на барских латифундиях, где неизменно горбатил спину подневольный люд.

Хотелось ей отменить для Герасима не только барщину, но и оброк, однако на этот шаг она так и не отважилась: пандемия пандемией, а кушать-то завсегда господам предпринимателям хочется...

Егор и горе

(Осторожнее там с протекцией!)

Один человек (звали его Егор) дожил до ста лет. Во – глыбище, во – матёрый человечеще! Потому что всегда вёл правильный образ жизни и непутёвого протеже в этом плане строго наставлял:

– Тебе, брат, как и всем нам, тоже перестраиваться надо...

Протеже не слушал Егора, по-прежнему брал на грудь больше собственного веса, от этой непомерной тяжести даже падал с моста, но свою линию гнул и усиленно работал с документами, точно наперёд знал, сколько сделать ещё предстоит. В том числе:

– ввести ручное управление и впервые в мировой практике стать самым высокопоставленным дирижёром духового оркестра;

– показать всем, кто в доме хозяин, и сбросить в водную гладь великой сибирской реки так себе человечка, из медийной obsługi;

– собственноручно умочить взлётно-посадочную полосу одного северного аэродрома, раз уж не шлёт осадки мировой океан, да и Гольфстрим совсем от рук отбился.

Узнавая об этих дерзостных поступках своего протеже, Егор сильно горевал, только с того всё было как с гуся вода...

Палыч

(Конспирологическая версия)

Совершая иногда променады берегом великой сибирской реки, которая безмятежно катит воды к студёному морю-океану, я встречаю здесь всякий раз одного своего знакомого.

Он крутит педали велосипеда и несётся по набережной с такой улыбкой на лице, какая только может быть у самого счастливого человека на земле. Раньше я это состояние у Палыча, в прошлом не самого большого клерка очень серьёзного партийного органа, не наблюдал, а только в основном заботы обозначались на его челе.

Неужели всему причиной стала нынешняя стабильность, которой нам теперь велено гордиться, или же купленный на скромный пенсион прогулочный велосипед, что позволил так сильно расслабиться, раскрепоститься? Но чем больше я задумываюсь над Палычем, прокручивая в памяти его умиротворённый лик, тем с большей вероятностью прихожу к выводу: так может блаженствовать только тот, кто знает тайну «золота партии», кто посвящён в это исключительно конфиденциальное дело.

Вот меня-то не посвятили, и Сноудена тоже, и Скрипаля, и невероятного Петрова со товарищи – даже мировые разведчики и сыскари понятия не имеют, где искать эту роковую тайну века, а Палыч ведаёт, куда золотую кассу спрятали – до прихода лучших, так сказать, времён. Потому и крутит он педали и безмерно счастлив как секретный правообладатель умопомрачительного вклада очень крутого банка ВТБ.

И мне страшно хочется подойти к Палычу и спросить кардинально:

– Когда золотую кассу брать будем, а? Ведь самая пора упрятанное золото «раскассировать»!

История с шубой

(Бюрократическая сказочка наших дней)

В некотором царстве, в некотором государстве решили друзья-товарищи двигать своего человека по ступенькам служебной лестницы: всё выше и выше. Но порядок есть порядок – поступило личное дело скромной номенклатурной единицы по фамилии Ушкин-Намакушкин в Главные кадры.

А там разложили претендента основательно, по полочкам. Всем вроде бы хорош Ушкин-Намакушкин: и с классовым чутьём всё путём, и образование у него как надо, и семьянин примерный – ни разу от жены в партком сигналов не поступало! Но вот имеется у него какая-то тёмная история с шубой. Даже непогашенная «птичка-галочка» по такому случаю

в личные дела впорхнула. Кто-то же ведь её туда определил, не просто же так. Отклонили с назначением на высокое кресло.

Вот и десять лет, и двадцать лет проходит, снова пекутся друзья-товарищи, заботу о нужном человеке проявляют, и опять дают от ворот поворот Главные кадры: не годится, тут история с шубой...

И всё же одному инспектору Главных кадров стало интересно: что это за история у чиновника такая приключилась – с шубой? А время было уже совсем другое. Раньше ведь только и делали, что постоянно его понукали: двигай, время, вперёд и только вперёд, а теперь оно наконец-то сбросило с себя ярмо подневольное. И народ в том царстве-государстве тоже стал свободным и преобразился.

Полный простор человеку для трудовой и досуговой деятельности, особенно с выходом на заслуженный отдых! Хочешь – страусов или пеликанов на открытых водоёмах разводи, жар-птиц на загляденье и радость всем выращивай. А возникло вдруг пикантное желание – шубы коллекционируй и храни их скопом где-нибудь на усадьбе в оскудевшей деревеньке. В глухомани как-то незаметнее, от дурных глаз далеко, да и надёжнее, знаете ли: даже самому крутому бандюгану не добраться. Единственная угроза – тварь грызущая, моль ненасытная, не всегда от неё убережёшь пушистые богатства.

Учитывая пристрастия некоторых суперменов к дорогим мехам, показалось инспектору Главных кадров подозрительным досье ещё на одного человечка с шубной историей. С двойной фамилией ко всему прочему. Наверняка и с двойным к тому же гражданством.

Спешно вызвали Ушкина-Намакушкина в заведение: выкладывай, коли не хочешь фигурировать в крупном деле о растрате бюджетных средств!

Забеспокоился Ушкин-Намакушкин. Начнут копать – что-нибудь обязательно нароют. Был он маленьким, но удивительно чутким чиновником и чувствовал, откуда ветер дует и когда пригонит с собой настоящую бурю. Не зря считался долгожителем среди сослуживцев. А что толку? Всё равно ведь на Олимп к небожителям не выдвигали, каждый раз одни обещания.

– Если мне предоставлено слово, то я его излагаю. И сразу же делаю заявление: я решительный противник шуб и натуральных меховых изделий. У меня и супруга член общества защиты животных. Семья наша чисто экологическая: леопардов, снежных барсов, кошечек разных – всех почитаем. Фамилия обязывает!

– Похоже на алиби, так и запишем, – одобрительно улыбнулись Главные кадры. – А как же история с шубой?

– Видите ли, заболевание, с которым здравоохранение так ничего и не может поделать, подобралось ко мне как-то незаметно...

– Так-так. А вот с этого места хотелось бы поподробнее...

Ушкин-Намакушкин тяжело вздохнул, извлёк из барсетки порошки в изящной упаковке и попросил стакан воды. В его пальцах проснулся скоротечный тремор.

– Мы с женой преисполнились счастья, когда наконец-то удалось за границей купить мечту всей жизни – бежевую французскую дублёнку. С модным капюшоном, на косой молнии. Ни у кого даже в помине такой импортной вещи отродясь не водилось, только у моей королевы. И вот это фамильное сокровище наглым образом украли. И где? В драматическом театре, в храме богини Мельпомены! Естественно, пошли вызовы в органы, свидетельские показания, судебный процесс... У меня не на шутку расшатались нервы. Если сейчас я слышу это страшное слово «шуба», оно тотчас вызывает у меня изжогу. Врачи отсылают к собачке Павлова: мол, условный рефлекс выработался на почве сильных переживаний, медицина здесь бессильна...

– А вы не стесняйтесь, принимайте лекарство, – получил добро Ушкин-Намакушкин. (И кто сказал, что безучастны к людям Главные кадры?)

– «Гастал» всегда со мной: сейчас все как с ума посходили, только и слышишь разговоры про эту натуралку. Господа банкиры повсеместно открывают кредитные линии «Каждой голубке – модную шубку!», кого только к себе не зазывают... Если жёны возьмут мужей в оборот, я пропал: мой желудок, моя изжога! В нашем царстве-государстве народ уже начал забывать о дефиците, но я-то его очень хорошо помню. Жертва беспросветного дефицита и полного бездушия к нуждам граждан со стороны завмагов, завскладов, товароведов – это я!

– Вы правы: быть жертвой гораздо лучше, чем проходить подельником или выступать в качестве приспешника, – многозначительно заключили Главные кадры.

Судьбу действующего чиновника они наконец-то решили росчерком пера: «Ввести в новую должность: шубоустойчив».

Если кто-то ненароком посчитает, что автор бюрократической сказочки делает тонкий намёк на «то самое» коллекционное собрание элитных шуб (как утверждают, оно вовсе и не существует в природе, ибо никто из посторонних лиц вживую явление не наблюдал), – это будет слишком банально. Берите выше, кидайте дальше! Разве мало в некотором царстве-государстве людей с какими-нибудь личными историями? Кто-то льготный кредит взял и стал в итоге благополучным банкротом, у кого-то составы с круглым лесом ушли совсем не туда, куда им следовало, кому-то из вельмож французские шаромыжники обчистили виллу с бриллиантами побеждённого пролетариата и репутацию сильно «подмочили» – да так, что и карьера вместе с солнышком закатилась...

Всё знают и ведают в Главных кадрах, но лишний раз не высовываются, инициативу не проявляют – времени «Ч» ждут!

И поспешать бы уж тому ведомству надобно, а то ведь опять у королевны какого-нибудь Ушкина-Намакушкина шубку из общественного гардероба украдут, а в итоге достойного человека так никуда и не выдвинут.

Иноагент Иван Васильевич

(Про московского царя и одного залётного гуся)

Царь Иван Васильевич, прозванный в народе Грозным, всё время держал ухо востро и буквально за версту чувствовал козни злых боярских заговорщиков. Хоть и спрятался в Александровскую слободу, а всё равно чувствовал...

Мысли в это время лезли в голову разные и в основном, конечно, не самые приятные, от маленьких человеческих радостей весьма далёкие. И стал тогда подумывать Иван Васильевич о перемене своего места жительства. Уже и в Вологду не хотелось ему удаляться, царствующий град туда переносить, а всё больше затворялся в палатах и разглядывал карту, где таким особнячком, отгородившись от всех морями широкими, лежала «владычица», ну, или Англия. Вот куда надобно спрятаться – никто не достанет!

А как только донесли, что заблудился-де один английский смельчак в водах Студёного моря-океана и у поморов подвизается, так сразу и приказал своим лучшим опричникам: пусть предстанет добрый молодец пред царскими очами.

Когда же прибыл наконец-то этот моряк, сэром по английским обычаям именуемый, решил угодить заморскому гостю:

– Проси чего хочешь!

– Сэр Иван, беспошлинно водить в Московию торговые караваны хочу...

Вот так Англия и получила право свободной морской торговли, а Иван Васильевич стал иностранным агентом, лоббирующим интересы крайне недружественного нам королевства.

Почаще обрабатывайте историю «Сатириконом», друзья мои! Особенно в наши дни.

Александр РАЛОТ

г. Краснодар

Настоящее имя Александр Викторович Петренко. Прозаик, публицист, краевед, член Союза писателей России. Автор более двух десятков книг. Публиковался в российских и зарубежных изданиях. Победитель конкурсов «Золотое перо Руси», «Центр Европы», «Сюита в Зелёном доме» (Беларусь), «Плавская осень», «Венок Победы»; лауреат международных конкурсов «Герои великой Победы», «Созвездие духовности», «Волошинский сентябрь», им. Сергеева-Ценского, «Славянская лира», «Русский стиль», «Бриллиантовый Дюк-2020», «Интеллигентный сезон» и др., лауреат литературной премии им. Олега Бишарева. Награждён медалями Золотой Есенинской, им. М.Ю. Лермонтова, И. Бунина, А. Белого, А.Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», им. генерала Брусилова, «В память 100-летия Великой войны».

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ВИА «КУЗНЕЧИКИ» ТРУДЯЩИХСЯ КУЗНЕЧНО-ПРЕССОВОГО ЗАВОДА

(на основе реальных событий)

9 июня 1972 года. Дом культуры, пятница, вечер

Обычно в этот день в актовом зале бывает многолюдно. Уставшие за неделю рабочие завода всех возрастов с удовольствием приходили сюда послушать доморощенные коллективы, посмотреть спектакли, поставленные силами всё той же самодеятельности. Порой здесь выступали и профессиональные певцы, и музыканты из местной филармонии. Но сегодня ожидалось нечто совершенно особое, а именно первый концерт на публике вокально-инструментального ансамбля «Кузнечики».

За полгода до этого. Декабрь 1971 года

Директор в своей новогодней речи неожиданно и публично пообещал молодёжи, что если те три месяца кряду будут давать по сто двадцать процентов плана, то он изыщет средства на приобретение электрогитары, барабанной установки и даже поручит завхозу раздобыть дефицитный электронный музыкальный инструмент «Лель 22».

Мало кто ожидал, но ребята из кузнечного цеха, поднатужились и выдали за первый квартал – сто сорок восемь и шесть десятых процента!

Так на свет появился вокально-инструментальный ансамбль, или попросту ВИА «Кузнечики». Секретари парткомов КПСС и ВЛКСМ единодушно выступили против такого неприятного названия. Но Лёха Котов взял да и провёл в цеховой стенгазете опрос, мол кто «за» и кто «против», и имя ВИА, придуманное им же, победило ввиду явного преимущества.

* * *

Где, как и за какие деньги завхоз Игнатыч раздобыл музыкальную аппаратуру, история умалчивает, но однажды, в начале весны, на территорию завода въехал грузовик, под брезентовым пологом которого позвякивали тарелки барабанной установки «Драмкит».

– Ударникам труда, – ударные инструменты, – скаламбурил завхоз, вытирая носовым платком лысину, – разгружайте, черти, и тащите всё это в подсобку ДК. И не дай вам бог что-нибудь стибрить или, того хуже, поломать. Котов, спрошу лично с тебя!

– Почему сразу с меня? – нехотя возмутился Лёха, нежно поглаживая коробку с «Лелем».

– Потому как ты здесь главный битлист, то есть по-нашему, по-советски, музыкальный бандит. Предупреждаю всех, будете играть на них заграничных битлов, враз всю эту музыку отыму и отдам в кружок народных инструментов. Правда, они нашим балалаечкам как корове седло, зато будут стоять целёхонькие, даже не поцарапанные. Любая комиссия по учёту социалистической собственности может убедиться. Да и мне как материально ответственному лицу спокойнее. В общем, я вас, суперстаров доморощенных, предупредил!

* * *

Выяснилось, что на четверых «Кузнечиков» приходится два неполных специальных образования: лаборантка Алька Стрепова и Лёха по несколько лет каждый посещали музыкальную школу при городском Дворце пионеров. Толик Флехов знает ноты, так как его предки играют дома на пианино, причём в четыре руки. А у Ваньки Тесникова есть

знакомая девушка Тося, которая во всём этом поможет, так как даёт, конечно же, негласно и подпольно, уроки музыки для поступающих в консерваторию.

На первой же репетиции остро встал вопрос репертуара. Что играть? Мнения разделились пополам: Толик с Иваном утверждали, что надо немедленно разучивать что-нибудь из репертуара «Добрых молодцев» и «Самоцветов», все остальные были за создание новых песен, без малейшего намёка на подражание.

– Совсем необязательно понравиться сразу всем! – горячился Лёха, – мечтать о славе мы, конечно, можем. Но начинать надо с малого. Для начала необходимо придумать текст, затем под него сочинить музыку. Пусть песня радует для начала друзей и родственников.

– И самое важное – запоминающиеся припевы, – вторила девушка, – хотя я знаю, что главную информацию несёт всё же куплет. Мне кажется, в нём весь смысл. Там важно правильно рассчитывать слоги для строчек. Они, если я не ошибаюсь, должны быть равны длине музыкальной фразы...

– Мудрёно как-то, – перебил её Толик, – сочинять так сочинять. Пусть каждый из нас за недельку придумает по одной или сразу по паре песен. Потом соберёмся и выберем лучшие.

Всё полезнее, чем сидеть вот так и болтать попусту. На том «диспут» и завершили.

* * *

На следующей встрече выяснилось, что у Лёхи – очень даже ничего получается. И рифма присутствует, и певучесть, кажется, тоже.

Иван, помолчав несколько минут, предложил, чтобы их первый концерт состоял из двух отделений. В начале, как и полагается, песни типа «Ленин живой, вон там, впереди» и «Партия наш рулевой», ну и про комсомол, конечно, тоже. А во втором, для тех, кто не уйдёт и в нас верит, жарим песни Котова.

Два месяца спустя

Приёмная комиссия в лице всё тех же секретарей парткомов КПСС и ВЛКСМ, руководителя профкома и приглашённого по такому случаю старичка-методиста из отдела пропаганды горкома партии, поморщившись и выдав предписание «поменьше самодеятельности, побольше идейно выверенных песен», репертуар «Кузнечиков» всё же утвердила.

Что с ними поделаешь? Ведь все члены творческого коллектива – передовики производства и комсомольцы.

Одним словом – ударники.

**9 июня 1972 года. Дом культуры завода, пятница.
Первый публичный концерт «Кузнечиков»**

Ребята выступали «на бис» раз десять. Потом, уставшие и вконец измученные, выходили просто на поклоны. Незатейливые куплеты Лёхи Котова, положенные на им же сочинённую музыку, вызвали у заводчан шквал эмоций. Таким овам не грех было бы позавидовать и профессионалам из местной эстрады.

И заслуженная слава не замедлила явиться. Прямо за кулисы, в импровизированную грим-уборную.

– Кто руководитель? – пробасил бородатый посетитель, протискиваясь между сложенными в кучу букетами.

– Ну, допустим, я, – чуть оробев, сообщил Лёха, посматривая в сторону товарищей, не возражают ли они против такого нахального самозванства.

– Придешь завтра по этому адресу, будем договор с «Кузнецами» подписывать. Ну и вы все тоже приходите. Надо же с вас мерки снимать, – посетитель протянул Котову картонный квадратик с напечатанными цветными буквами.

Алексей взял его слегка дрожащей рукой, визитную карточку он видел впервые в жизни.

Прочитал вслух: «Аркадий Маратов. Государственная городская филармония. Директор».

В помещении стало тихо. Молчали все, переваривая только что услышанное.

– А мерки-то зачем, – первой опомнилась Алька, – на памятник, что ли? Коллективный?

– На него вам рановато, – добродушно улыбнулся гость, – а вот на сценические костюмы самый раз. Лето. Гастроли. Море, солнце. Как говорится – время деньги. Эти три месяца у нас – год кормят! Торопицца надо!

– Так нам что, всем с завода, того, увольняться? – не унималась девушка.

– Хотел об этом завтра поговорить, ну да ладно, сейчас так сейчас, – Маратов погладил модную шкиперскую бородку, – извините, но я узнал в вашей бухгалтерии зарплату каждого из вас. Так вот, смело умножайте её на четыре, а то и на все пять.

– А на заводе ещё и премии бывают, квартальные и годовые, – вмешался в разговор Ванька Тесников.

– А у нас ещё роялти, причём с каждого концерта, ну и райдер. Надеюсь, вам знакомы эти слова?

«Кузнечики» дружно пожали плечами. С английским у ребят было не очень.

– Короче! – директор повысил голос, – завтра подписываем договор. Пара недель по закону уйдёт на отработку. В итоге к зиме, если по два-три концерта в день давать будете, у каждого из вас денег на кооператив накопится. Я понятно излагаю?

Услышав это, Лёха хотел опуститься на табуретку, но промахнулся и шлёпнулся прямо на грязный пол.

Ни он, ни другие ребята такой стремительной карьеры не ожидали.

1975 год, лето. Большой курортный город Советского Союза

Художественный руководитель ВИА «Кузнечики» Алексей Котов шарил по карманам модной замшевой куртки, ища ключи от не нового, но вполне приличного «Москвича», усталость после трёх концертов подряд давала о себе знать.

– Как бы не заснуть за рулём, – пронеслось в голове, – может, лучше такси вызвать? А машину здесь оставить? Так ведь колёса ночью снимут или, того хуже, угонят.

– Если позволите, я поведу, – словно прочитав его мысли, предложил седовласый мужчина, – права у меня есть, причём всех категорий, да и дом, где вы изволите обитать, мне известен.

– Откуда? – буркнул Котов, почему-то доверчиво протягивая незнакомцу ключи.

– Работа у меня такая – всё обо всех знать. Да вы садитесь, в ногах правды нет. По дороге и поговорим.

Усевшись на пассажирское сиденье, хозяин авто не заметил, как задремал. Пришёл в себя не в подъезде своего дома, а в лучшем ресторане города.

– Я заказал нам по рюмочке коньяка и по паре чашек крепкого кофе. Они здесь его готовят божественно, в турке и на горячем песке. Вам точно понравится.

– Чего вам от меня надо? Кто вы, вообще, такой? Какого чёрта меня сюда...

– Отвечаю по порядку, – бесцеремонно перебил Котова незнакомец, – зовут меня Самуил Арнольдович Аутлев, а по должности я арт-директор и доверенное лицо известной всем певицы и народной артистки СССР Зои Вакулец.

– И на кой я ей понадобился? – рассматривая на свет пустой бокал, всё ещё сонно прошептал Алексей.

– Вы ей не требуетесь, а ваши песни да. Скажу прямо. Она готова купить авторские права, – при этих словах Аутлев жестом подозвал официанта, и тот молча наполнил бокалы.

– Интересно. Никогда не задумывался, сколько же они стоят? Я жду цифру, – не дожидаясь закуски, Котов снова залпом выпил благородный пятизвёздочный напиток.

– Двадцать пять тысяч! – торжественно произнёс арт-директор.

– Сколько? – чуть было не поперхнулся Алексей, это сколько же в «Жигулях», или нет, сразу «Волга» и ещё на «Запорожец» останется.

– Долларов США, – совершенно спокойно парировал Самуил Арнольдович, – в Советском Союзе вам не позволят такие деньжищи потратить, да и не на что. Поэтому после передачи прав, вам откроют счёт в Швейцарском банке, оформят загранпаспорт и сделают вызов в эту благодатную страну. На лечение. И всё. Купите там шале и заживёте в своё удовольствие. Начнёте подыскивать себе жёнушку из местных, насколько я знаю, вы официально ни на ком не женаты, а заодно и сочинять новые песни. В Европе полным-полно русских эмигрантов разных волн, так что спрос на них обязательно найдётся. Ну, что по рукам?

– Эх, хорошо бы Альку Стрепову с собой прихватить, – мелькнула в голове Алексея шальная мысль, – но она, зараза такая, быстренько выскочила замуж за какого-то поклонника из Москвы, уволилась из филармонии и перебралась в Белокаменную. Сама виновата. Могла бы жить в столице Швейцарии, как её, вспомнить бы, ага, это не крупная Женева, а средненький Берн. Он ещё о чём-то размышлял, но услужливый Аутлев уже подсовывал ему красивую импортную ручку и несколько листков бумаги.

– А как же ребята? Они что петь будут? – рука Алексея замерла в сантиметре от края последнего листа.

– Там есть пункт, что Зоя Вакулец благородно не будет публично исполнять ваши песни до того момента, пока вы не пересечёте границу Союза. Ну а потом, как говорится, у каждого своя голова, пусть ею ваши друзья не только поют, но и думают.

* * *

Арт-директор хорошо знал своё дело. Не прошло и трёх месяцев, как руководителя ВИА «Кузнечики» уволили... по состоянию здоровья. И он с большой стопкой различных медицинских справок с серьёзными печатями отбыл за границу.

А ещё через месяц к дуэту «Кузнецы» пришли люди из комитета «По защите авторских прав» и, предъявив гербовые бумаги, официально запретили исполнять... весь репертуар.

Январь 1982 года

Рано поседевший мужчина напрасно выпрашивал лишний билетик на юбилейный концерт дуэта «Кузнецы», отчаявшись, он решил дать взятку старенькой билетёрше, чтобы попасть в зал местной филармонии, но, к счастью, этого неблагоприятного поступка ему делать не пришлось. Женщина узнала переминающегося с ноги на ногу человека в выдавшей виды куртке.

– Лёша? Котов? Ты? Откуда? Сейчас зрители пройдут, и я тебя запущу. Посидим. Поболтаем. Чайку попьём. У меня есть индийский, настоящий, со слонами. С праздничным набором пачку дали. Живём.

Полчаса спустя

Бывший хударк ВИА «Кузнечики» грел озябшие руки о старенькую кружку, с горячим чаем и говорил, говорил, говорил.

– Понимаете Анна Николаевна, поначалу всё было хорошо. И деньги, и квартирка, правда, не в столице, а в их деревеньке. Маленькая, но всё равно, благоустроенная. Со всеми удобствами. Взял в тамошнем банке кредит, да и купил!

Сочинял песни, но они там никому не нужны. Совсем. Язык другой. Обычаи не наши. Деньги таяли, решил остаток вложить в их шоу-бизнес. Ну и прогорел! Разорился подчистую. Слава богу, на обратный билет швейцарских фунтов хватило. Как думаете, примут меня ребята назад? Простят? Я слышал, что сюда приезжала эта Вакулец, пела мои песни. Как принимали?

– Ой как встречали, смех один. Были бы дешёвые помидоры или яйца, так закидали бы эту народную артистку. В общем, освистали. Еле-еле одно отделение допела, да и то вместо твоих на свои старые перешла. Второй концерт отменила и умотала в соседнюю область. Только и там аналогично. На ворованном своё счастье не построить. Это же всем известно. А сейчас так вообще концерты нигде не даёт. В газете писали, что, мол, перешла на преподавательскую деятельность. А ещё новость хочешь? Алька-то твоя со своим москвичом развелась, да с двойняшками сюда перебралась. Репетирует с ребятами. Так что у нас теперича скоро трио будет. И не «Кузнецы», а снова «Кузнечики».

– Анна Николаевна, а какие песни они сейчас поют, кто для них сочиняет? Часом, не знаете?

– Отчего же не знаю. Так сами же и пишут. Да ещё как здорово получается, ну ты же видел, народ на них валом валит. А его не обманешь. Люди у нас сердцем чувствуют, где фальшь, а где настоящее искусство...

Она хотела ещё что-то добавить, но в фойе загудели, зрители повалили в буфет, обсуждая на ходу услышанное.

Билетёрша поспешила на свой пост, таща за руку, как маленького, Алексея, – ну ты чего упираешься? Они же твои друзья. Если настоящие, то простят всенепременно. А как же иначе?.. Ну а на нет – так у нас в стране и суда нет!

Июнь 1982 года

Толик Флехов крутил в руках красочное приглашение на предстоящее бракосочетание:

– Ванька, вот объясни мне, пожалуйста. Почему нам с тобой так не везёт? Ведь и ты, и я в нашу Альку были по уши..., хорошо хоть на дуэли не стрелялись, а она второй раз замуж выходит! И не за тебя, и не за меня, а за Лёху. Нет в жизни справедливости и всё тут!

– Потому что... он гений. А женщины это чувствуют. Ты мне лучше скажи, отменяем концерт, или, как в былые времена, вдвоём тянуть будем? – Иван рассматривал только что доставленную, пахнущую типографской краской афишу.

«ВИА «КУЗНЕЧИКИ» В ПРЕЖНЕМ СОСТАВЕ, НО С НОВЫМИ ПЕСНЯМИ

– Не отменяем, а переносим в другое место! Так и напишем поперёк этой афиши: *«В связи со свадьбой наших друзей будем петь там! Для молодожёнов и всех гостей! Вход в Дом культуры кузнечно-прессового завода – свободный!»!*

БЕЛОРУССКИЕ ДРУЗЬЯ

СЕРГЕЙ БЕЛАЯР

Беларусь, г. Минск

Родился в г. Бресте (Республика Беларусь) в 1978 году. С отличием окончил Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (2003). Автор сборника фантастических рассказов «Щит Персея» (2018) и сборника научно-фантастических рассказов «Расследаванні інспектара Сарвы» (2018). Печатался в журналах, антологиях и сборниках Беларуси, России, Польши, США, Украины. Лауреат множества конкурсов, в т.ч. литературной премии Брестского областного исполнительного комитета им. В. Колесника, республиканского конкурса фантастического рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси», конкурса фантастического рассказа «Удивительное рядом, но...» Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт», VI Открытого республиканского литературного конкурса «Крымское приключение-2021», конкурса остросюжетного рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси».

ПОРФИРОЛЕММА

Фантастический рассказ

ГУЛАГ – идеальное средство превращения наиболее скверного людского материала в полноценных активных сознательных строителей социализма.

Ида Авербах. От преступления к труду (1936)

– Уходишь? – несмотря на максимум стараний Владимира Петко, не потревожить сна матери не получилось. – На ночь глядя?

– Это мой долг, – ответил Петко, машинально посмотрев на электронные часы на прикроватной тумбочке. «03:18». – Строитель Коммунизма не знает отдыха.

– Сегодня же не твоя смена даже, – напомнила мать и запахнула халат. Накинула в спешке, очевидно решив, будто что-то случилось. Родители – они такие: боятся за детей до самой смерти. И это мешает им творить.

– Я же тебе говорил: служба такая – моя помощь может понадобиться в любое время.

– Ты – Мастер-Исправитель, – слабо кивнула мать. После смерти мужа она начала сдавать быстрее, чем полагалось женщине по возрасту, однако Петко старался гнать тревожные мысли: недееспособные Идиллии не нужны. Ест тот, кто работает.

– Да, мама, Мастер-Исправитель, – сигнал, поступивший на личный коммуникатор, имел наивысший приоритет. За Петко отправили флайбот, чего никогда не случалось раньше. – И без меня порой сложно обойтись.

– Часто, – поправила мать, но Петко решил не спорить. Объём работы возрастал с каждой неделей, и Петко совершенно не удивился бы, если б всех Исправителей во всех коммунах перевели на казарменное положение: Генеральный Секретарь воплощал в жизнь очередной гениальный проект. Никаких помех быть не должно. Всё для счастья.

– Так нужно.

Мать лишь поджала губы. Успехам сына она радовалась чисто машинально. А ведь ещё совсем недавно от гордости за единственного отпрыска, которому удалось выбиться «в люди», буквально светилась от счастья.

– Ложись, я могу задержаться, – флайбот, если верить маркеру, был на подлёте. Не следовало заставлять Управляющего ждать: промедление – та же диверсия. – И завтракай без меня.

– Не ходи, – неожиданно попросила мать.

– Не могу – работа встанет, – Петко не допускал и мысли сорвать выполнение воли Генерального Секретаря – слишком высокой была ставка. Благо Идиллии. А за ней – и всего прогрессивного мира.

Мать помрачнела. Чтобы поднять ей настроение, Петко заверил:

– Постараюсь управиться как можно скорее.

– Сегодня день рождения твоего отца.

Петко едва не хлопнул себя по лбу – совсем вылетело из головы.

– Куплю торт, как только освобожусь. Закроешь за мной дверь?

Мать двигалась как механическая кукла, в которой вот-вот должен был закончиться завод. Слишком близко к сердцу она приняла смерть мужа. Неудивительно: почти полвека вместе. Однако предложить мнемокоррекцию Петко не отваживался: воспоминания были единственным, за что держалась мать. У рядовых граждан только это и есть.

– Спокойной ночи! – пожелал Петко, но дождался лишь глухого щелчка дверного замка. Кольнуло в сердце, однако уже в следующее мгновение Петко переключился на вызов. Вне всякого сомнения, поступил важный пациент. Наверняка тяжёлый случай.

Тем слаще будут плоды перековки.

Один из пилотов услужливо распахнул перед Петко бортовые двери, и тот, кусая от нетерпения губы, расположился в анатомическом кресле.

К сожалению, сообщение не сопровождалось даже минимальным по объёму информационным пакетом. А гадать было бессмысленно: для принудительного, но необходимого прежде всего самому обнулённому Исправления могли доставить кого угодно, из любой Коммуны, с каким угодно Индексом гражданской полезности. В прошлую смену, например, привезли взломщика городской информационной сети.

Петко невольно порадовался тому, что не приходится добираться своим ходом: все мысли занимала работа. В Исправительном Центре Петко уподоблялся самым первым большевикам, творившим Историю, – не жалел ни себя, ни окружающих.

На взлётно-посадочной площадке Исправительного Центра Петко встретил первый помощник. Взволнованный донельзя: даже перекошенного партийного значка не заметил.

– Что случилось, товарищ Ромбас? – усилием воли Петко заставил себя успокоиться – пусть всю основную работу и выполняли роботизированные ассистенты, управление и контроль оставались за человеком. Хоть и допускался процент брака, однако за каждой цифрой – потерянный член общества.

– Требуется экстренная операция, – затараторил Ромбас. – Пациента привезли сорок пять минут назад, без сознания. С усиленной охраной. И приказали собрать лучших из лучших.

– Кто наш пациент? – Петко, польщённый признанием, решительно направился в операционную.

Ромбас не ответил, и Петко недоумённо повернул голову.

– Товарищ Ромбас?

На лбу Ромбаса выступила испарина. Не своим голосом он произнёс:

– Товарищ Ленин.

– Однофамилец? – факт неприятный. Бьющий по репутации Идиллии, тем не менее не настолько серьёзный, чтобы весь Исправительный Центр встал с ног на голову: Петко не мог не заметить многочисленных генномодифицированных вооружённых сотрудников Комитета бдительности, усиленных киборгами и дронами. Улицы на дальних подступах к Исправительному Центру были перекрыты бронетехникой.

– Сам Генеральный Секретарь, – голос Ромбаса дрогнул.

– Что? – Петко решил, что ослышался.

– Привезли товарища Ленина, – с болью и страхом повторил Ромбас.

– Для Исправления? – Петко пережил шок: случилось то, что и в самом жутком кошмаре не привиделось бы – Геномные Инженеры своё дело знали, а для восстановления работоспособности головного мозга воскрешённого Владимира Ильича привлекли только исключительных

специалистов психопрограммирования. Даже к иностранцам из тех, кто сочувствовал делу Мировой Революции, обратились.

Сбой ментальной установки исключался: Комитет бдительности просто-напросто не допустил бы террористического акта.

– Да, товарищ Петко. Специальным приказом Совета Красных Мудрецов товарищ Ленин подлежит Исправлению.

– Частичному ведь? – с надеждой уточнил Петко: что-то могло пойти не так. Всегда есть место для форс-мажора.

Ответ буквально убил:

– Полное Исправление.

Потребовалась целая вечность, чтобы осознать всю тяжесть произошедшего. Всё естество Петко взбунтовалось: кто угодно, только не Генеральный Секретарь! Не человек, неповторимым гением которого произошла Вторая Социалистическая революция и была построена коммунистическая Идиллия. Не человек, чьё имя сделалось синонимом Счастья и освобождения. Ладно бы ещё высшие партийные функционеры: ответственность может сломать любого. Но Владимир Ильич...

Такие не ломаются.

– Невозможно.

– Как есть, – по-своему истолковал мысль вслух Ромбас. – И подписи, и личные ДНК-печати членов Совета Красных Мудрецов подлинны.

– Указали причину? – мысли путались. Быстрее Земля начнёт вращаться в обратном направлении, чем Генеральный Секретарь будет нуждаться в Исправлении. Сам кого хочешь исправит – Благодетель. Привозили только балласт. На утилизацию потерявших ценность мужчин и женщин не отправляли только потому, что требовалось утереть нос недоброжелателям: после Исправления перекованные выступали по телевидению и радио как живой пример гуманизма властей Идиллии.

– Нет.

На лице Петко заходили злые желваки: обвинение диктовало выбор операции – без точного знания рассчитывать на успех сложно – брак был просто-напросто неизбежен. Но делать нечего: приказ есть приказ. Идиллия только так и строилась.

– Операционная готова?

– Ждём только вас, товарищ Петко.

– Особые пожелания?

– Целый список.

– Вот даже как? – надежда на то, что сегодня удивляться больше не придётся, не оправдалась.

– Товарища Ленина хотят сделать жёс... э... более решительным.

Петко разумно воздержался от комментариев – под прицелом вездесущих камер видеонаблюдения торопиться с выводами не следовало: политика Коммунистической Партии могла измениться. Спустят объяснения, когда придёт время.

Гигантский, несмотря на массу самого новейшего оборудования, зал потерял в размерах – пространство скрадывали сотрудники Комитета бдительности и всевозможная специальная аппаратура: Совет Красных Мудрецов не мог допустить вторичной смерти Генерального Секретаря.

Столпотворение Петко не понравилось: Исправление – процесс почти интимный. Вот только выразить недовольство Петко себе не позволил: идеальная коммунистическая реальность не нравится только врагам.

Центральное место занимал большой и массивный стеклянный саркофаг. Ярко освещённый светодиодными лампами изнутри, саркофаг напоминал Мавзолей на Красной площади. Генеральный Секретарь лежал в той же позе, что и до клонирования. На секунду сердце Петко остановилось: Ленин умер, и жизнь закончилась, однако полные подозрения взгляды сотрудников Комитета бдительности вернули Петко в реальный мир.

С каждым мигмом тяжесть ответственности перед человечеством всё сильнее давила на плечи: цена ошибки не подлежала исчислению. Повторное клонирование исключалось – Генеральный Секретарь первым особым декретом приказал сжечь своё старое тело. Всё правильно – двух вождей быть не может.

Путь до кресла на пьедестале в окружении самых мощных компьютеров занял целую вечность. И эту вечность Петко убеждал себя, что справится: процедура привычная – отработанная до полного автоматизма.

Кресло словно дожидалось именно Петко – едва тот занял своё место, чудовищное нервное напряжение ослабло. О полном спокойствии речи не шло – всё-таки Генеральный Секретарь на операционном столе, но и ступор исключался.

– Каково состояние пациента? – Петко с удивлением и радостью отметил, что его голос звучит ровно и деловито, а мозг способен трезво воспринимать информацию.

– Все жизненные показатели в норме, – отчитался Ромбас. – Полная готовность.

Петко выдохнул и, мысленно пожелав себе и персоналу удачи, произнёс:

– Начали!

Похожий на графитный карандаш лазер ожил: на омоложенной коже лба появилась точка, которая понемногу вытянулась в тонкую, как волос, линию – разрез для трепанации.

Петко чувствовал себя всё увереннее – как-никак занимался любимым делом, а вот исходившее от сотрудников Комитета бдительности напряжение густело на глазах: брак будет очень дорого стоить всему прогрессивному человечеству. Равнозначной фигуры Благодетеля не имелось. И вряд ли появится при жизни следующих поколений. Может и не родиться вовсе.

Едва миниатюрные хирургические гидроманипуляторы убрали крышку черепа, над пультом начала обретать очертания объёмная проекция головного мозга Генерального Секретаря. На первый взгляд – самый что ни на есть обычный, без гиперразвитых зон и доброкачественных мутаций. И даже без уже обязательного для всех высших партийных чиновников пролонгатора жизни клеток. А геномная коррекция смело могла считаться косметической.

Неудивительно, что пациенту требовалось улучшение.

Петко взялся за джойстик нейромультитула. Рука к огромной радости не дрожала. Даже наоборот – Петко никогда не переживал подобной твёрдости: он делал мир лучше. Сущность процедуры можно было свести к простым алгоритмам: сжечь ненужную ткань, изменить химический баланс, запустить нанороботов, установить блокираторы, вживить микроскопические импланты и...

– Некроз, – испуганно предупредил Ромбас, когда Петко уже сменил инструмент, отметив первые признаки гангрены. На объёмной проекции мёртвые ткани имели сочный чернильный цвет. Область оказалась небольшой, и...

Петко нервно сглотнул: утолщения были не чем иным, как рубцами!

Чувствовалась рука профессионального нейрохирурга, однако остановить некроз тот не сумел. Хотя и пытался неоднократно.

– Товарищ Ромбас! – Петко не имел ни малейших оснований подозревать себя в галлюцинировании, только страховка никогда не бывает лишней. Какая ответственность может сравниться с ответственностью за жизнь самого Генерального Секретаря? – Убийство гения – не та запись в личном деле, о которой можно мечтать.

– Индуцированный, – подтвердил Ромбас.

Однако больше испугало другое: гангренозный некроз не был ни травматическим, ни спровоцированным наследственными заболеваниями, ни запрограммированным, ни вызванным интоксикацией.

Мозг как будто старался пожрать самого себя.

Никакого обмана зрения: клетки гнивали, хотя причин для клеточной гибели не имелось. И лучшие врачи Идиллии, зарубежные

специалисты расписались в собственном бессилии. Генеральному Секретарю действительно требовалось Исправление. Но...

Как победить то, чего не допускал материалистический взгляд на мир?

Не зная, что и думать, Петко мягко подвёл лазер к зоне поражения. Мёртвые клетки сгорали, однако их в двойном количестве тотчас заменяли новые. Голодные и...

Разумные.

Петко поймал себя на мысли, что теряет почву под ногами: патогены не обладали разумом. И даже наниты подчинялись программе.

– Ксеноморф? – предположил Ромбас.

Одной только Землёй Генеральный Секретарь ограничиваться не собирался: весь Универсум должен быть осчастливлен. Контакт с внеземными цивилизациями оказался бы вполне естественен. Вот только с высокоразвитой формой жизни гангренозный некроз не имел ничего общего. Это было нечто, не поддающееся описанию.

Невозможная возможность.

Засосало под ложечкой – Петко неожиданно со всей отчётливостью осознал, что место Мастера-Исправителя уже сегодня делается вакантным: простая логика требовала избавиться от того, кто мог использовать знания во вред Большевиизму. Болезнь Ленина – это оружие. Страшной разрушительной силы. Совершенство исключает гниль. И те, кому не по душе подлинное Счастье, не преминут воспользоваться шансом и нанести удар.

Незаменимых нет (кроме Генерального Секретаря), а считаться с потерями на пути к Абсолютному Счастью в Идиллии не принято: всех Мастеров спишут в утиль.

Не то чтобы Петко сделал открытие (после Исправления de facto появлялся новый Гражданин), но был не готов примерить действительность на себя: жизнь-то – одна. Никто выбракованного клонировать не будет. И родные и близкие пострадают.

Петко, ощущая, как холодный пот пропитывает комбинезон, мысленно выругался. И стало обидно: у других вклад в дело Революции меньше, однако Идиллия позволяет им жить. Несправедливо – зачем тогда было вводить Индекс гражданской полезности?

Петко из кожи вон лез, чтобы доказать свою нужность. И имел все основания для того, чтобы считать свой вклад весомым.

Нашло объяснение и количество охраны: никто не уйдёт живым.

– Товарищ Петко? – обеспокоился Ромбас. Сам Петко также хотел бы услышать, что всё будет хорошо...

Не будет.

Затем последовал новый удар: Генеральный Секретарь свою роль – факельщика – сыграл. При любом раскладе власти у Ленина больше не останется: ни один из Красных мудрецов присутствовать при Исправлении не посчитал необходимым, хотя раньше это считалось едва ли не обязательным.

Бросают то, к чему утрачен интерес.

Некроз – лишь возможность обставить всё в нужном виде.

– Товарищ Петко? – Ромбасу требовались чёткие инструкции: в этом и заключался его недостаток – не умел мыслить вне шаблонов.

«Врачебная ошибка».

Или.

«Очередной триумф большевистской медицины».

Безжалостно стирать чужие личности, вне зависимости от социального статуса, было несравнимо проще, чем самому взглянуть в пустые глазницы Смерти. И никакая революционная необходимость не утешала.

Хотелось жить.

Желание жить стало как никогда острым: Петко ещё очень много мог сделать для Идиллии. Да что там Идиллии – всего Универсума: всегда будут те, кто даёт слабину. Работы хватит ещё и внукам. Что уж говорить о конце жизни?

Только этот самый конец уже дышит в затылок...

Не оценили.

Примитивные слепцы! И как только Генеральный Секретарь положился на такой говенный человеческий материал?.. Вот кто нуждается в Исправлении!

Исправить сотрудников Комитета бдительности Петко не мог при всём желании. Зато избавить Идиллию от балласта – запросто: Исправительный Центр поглощал прорву энергии. Сверхъёмких аккумуляторных батарей в подвале было целых четыре: камня на камне не останется.

Чувствовала ли мать?.. Если не порадовалась, то уж точно испытала облегчение: для фундамента нужен цемент – ни одно здание на крови не устоит.

Лидия ШИШКО

г. Витебск

Родилась в Солигорском районе Минской области. Имеет высшее экономическое образование. Работала в Гомельской области, после аварии на Чернобыльской АЭС переехала как переселенец в сентябре 1986 года в Витебск. Автор книги стихов «Ветреная река» (2022). Дипломант и лауреат многих международных литературных конкурсов. Награждена почётным знаком Дружбы народов «Белые журавли России». Золотой лауреат Международного литературного конкурса «Большой финал» (2020-2021), победитель литературно-сценического конкурса «Поэт-Артист» IV литературного фестиваля «Центр Европы» (г. Полоцк), лауреат международных литературных конкурсов «Связь поколений» (г. Смоленск), «Интеллигентный сезон» (г. Алушта), «О России с любовью» (г. Прага), дипломант фестивалей «Поэт и война» (г. Невель), «Славянская лира» (г. Минск), «Витебский листопад», финалист международных литературных конкурсов «Мгинские Мосты», «Литературные Старки», «Хижицы», «ЛитКузница», лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (диплом Дмитрия Саблина), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «От фонаря» (Тольятти, 2022).

ПОМИНАЛЬНЫХ СНОВ НЕ ЖДИ, ЗИМА

*воспитанникам Краснослободской
школы-интерната*

На границе лиха и добра
помня по-отечески все лица,
он на пристань школьного двора
палкой опираясь, тащит птицам –
слово для безгнёздышей.

Слеза,
чтоб в его историях молиться,
прорастает светом на глаза,
хлеб крошит, пока душа крошится:

«Журавлей страдающую нить
прочертить по небу и отплакать
все места, где нам уже не быть,
и дожди, выпадающие в слякоть.

Человечья жизнь – не скрип телег.
Даже полнокровная – проходит.
Здесьним цветом вылакает снег
замерших ветров на повороте...

Проморозит суету и мрак,
и дерев изломанные ветви.
Не вернуться в эту осень – знак,
чтобы с вами мы в ней не ослепли.

Поминальных снов не жди, зима.
Все сошли на дальних перекрёстках.
Помнят ставни ветхие дома,
клином потонувшие в берёзках.

Там, в небесном море талых звёзд,
стаей в дымке снежных очертаний,
стает невозвратность птичьих вёрст,
не обрётших адресов, названий.

Но, когда по швам мир затрещит
до оторопевшего тороса,
мы – и журавлиный клин, и щит...
Человеком быть совсем непросто».

ЕСИПКА, ИЛИ МОЛИТВА МАТЕРИ

Посвящается дяде Иосифу, выжившему в пустыне Гоби в период советско-японской войны 1945 года, пройдя по ней 1000 вёрст. Призван в декабре 1944 года в 18-ю Московскую запасную учебную дивизию.

Александра так молила за четвёртого,
похоронки получив на сыновей.
Три листочка. Полосами. Жизни мёртвые...
Серафимка. Евдокимка. Алексей.

Здесь, в сожжённой деревеньке, пни истёртые.
Головы́ не прислонить ей у окна.
Беспощадно книгу смерти кто-то свёрстывал,
занося в неё родные имена...

И шаталась смерть, как проволока ржавая,
кровожадная, жестокая, как тать.
Бессердечно жала судьбы, моложавела,
вынуждая человечество стенать.

Понапрасну мать терзала сердце чуткое,
дожидаясь с фронта добрых новостей.
Не с фашистом в восемнадцать сыну, шутка ли,
довелось схлестнуться в пламени смертей.

А была судьба другой войной изранена:
приняла мальчика монгольская жара.
И взяла по Гоби след молитва мамина
нитью тысяч вёрст, под зноем не горя.

«Потерпи, сынок, уймётся солнце рыжее,
догорит, оставшись к ночи без огня...
Продержись из сил последних, милый, выживи.
Ты ведь стойкий, новогодний, у меня».

Прорывала синь криниц родных бездонную,
умоляла проливных сойти дождей!
И откуда-то... безмолвно (прочь агонию)...
Серафим. И Евдоким. И Алексей.

Прорастала с верой память материнская...
(Возле ольх роскошных родниковый рай).
Из песка сочилась тёплыми морщинками,
мимо знойных троп вела в чужой Китай.

В простынях пустынь просохли слёзы чёрствые,
и скупые сны развеялись бойцов.
Александрю обошла беда четвёртая:
выжил Есипка среди седых песков!

И вернулся старшиною – было сужено,
материнскою молитвою храним...
Отдохнут ветрами на полях натруженных:
Серафим. И Алексей. И Евдоким.

ОСЕНЬ. КОНЕЧНАЯ. МЫ

Осень уходит с вокзала,
чтобы не видеть разлук.
Осень не раз обжигалась,
веря пожатию рук.

В стылой стеклянности залов
тесно ей – ветры тихи́.
Я о тебе рассказала –
осень ведь любит стихи.

В трепете ждущих перронов
непредсказуемость тем,
тремолу звучных вагонов,
вдаль увозящих. Не к тем.

Вдаль не спешащих, снующих
местных неглупых ворон.
Ветер, меня ты не слушай...
Осень. Сыреет перрон.

Мне-то и нужно, как птице,
сущий пустяк: улететь
в город, где солнцу не спится
в листьях, окрашенных в медь.

Небо манит менестрелей.
Сотни несбывшихся лун...
Кто-то дождётся метелей,
кто-то пока ещё юн.

Свет миопической точки
цвета нетленной сурьмы.
Станции. Дни. Узелочки.
Осень. Конечная. Мы.

НА ГРЕБНЕ ТИШИНЫ

Хотите помолчать – зайдите в облака
и самолётом дней прорежьте эстакады.
И утверждайте: сны прочитаны слегка,
всё потому, что ночь не то, чему все рады.

Там, в звеньях тишины, свисающих над миром,
мерцает тусклый взгляд затопленных веков.
В котомках гримуары новым сувениром
найдутся в пальцах ног застывших ледников.

Растрёпанных волос оттаявшего солнца
коснётся первый луч из облачного теста.
В тиски своих надежд слагаю ровно кольца
и верю, что люблю, сжимая строчки текста.

И в памяти песков зыбучею тропею
проявятся следы летящих самолётов.
На гребне тишины ладошкой прикрою
оглядный свет звезды, мигающей в полёте.

ВЫБОРГУ

Дух корабельный выбрит
до глубины ветров.
Надолбы. Стильный Выборг,
как капитан, здоров.

В воздухе пахнет морем,
значит, вчера июль
в шхерах прибрежных спорил,
птиц обойдя патруль.

Чайками весь распорот,
след за кормой непрост...
Неба открытый ворот:
парус его, форпост.

Свет в зеркалах залива
веки смежив эпох,
чертит, дразня лениво:
нос у драккара плох...

Лунного лета слепок.
Средних веков донжон —
Выборгский замок-крепость.
Олафу вверен он.

Кнутссон напротив башни
недругов сны крошит,
как космополис шашни,
в каменном беже плит.

Торгильс веков тропую
скольких своих узрел?
Кажется, что с волною
гордый встаёт карел

и, подымаясь мимо
порта шершавых скал,
у маскаронов мирно
гладит лепной оскал.

Рыбий и птичий берег
делит вдоль мостовой.
Крепь валунов измерит
призвук их горловой...

Слов колоритных абрис
свит в фимиаме смол.
Город, обратный адрес
я отыскать не смог!

Надежда АКУШКО

г. Бобруйск

Председатель Бобруйского литературного отделения, член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор сборников стихов «Я расскажу вам про любовь», «Весь мир любя» и сборника прозы «Анютино счастье». Печаталась в газете «Бабруйскае жыццё» и «Трыбуна працы, журналах «Планета людей» (Москва, 2000), «Метаморфозы», Самарском альманахе «Параллели», фестивальных альманахах «Славянская лира», «Интерреальность», «Под небом Рязанским».

АХ, КАКАЯ ЖЕНЩИНА!

Начало октября. Осень всё больше вступает в свои права. Поседели берёзки, ниже опутив свои косы-ветви. Сыпанул желудями дуб, так и трещат они под ногами прохожих. На верхушке клёна пылают красные листья. Чуть ниже – сияют на солнце жёлтые. А с северной стороны – ярко-зелёные. Видно, решили, что ещё не кончилось лето.

Даша любила эту пору года. Лето в августе теряет свою яркость, оно как бы блекнет и стареет. И тут врывается эта огненная красавица – осень. Она не спеша отвоёвывает у лета территорию и начинает всё раскрашивать на свой лад.

В палисаднике распустились разноцветные астры. Даша присела на корточки, прикоснулась к ним губами, погладила рукой. Нет, она не будет срезать их для букета, здесь они улыбаются солнышку и проплывающим облакам, шепчутся с ярко-сиреневыми цветами бабьего лета.

С кем бы Даше пошептать, кому поведать свою печаль. Прошлой осенью ей исполнилось сорок лет и – двадцатилетие со дня свадьбы. Совсем взрослая дочь, скоро ей исполнится девятнадцать. Подрастает сын. По молодости хватил всего. Были ссоры из-за выпивок мужа, даже пару раз возникало желание развестись. Но, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Восемь лет назад муж перенёс инфаркт. Врач предупредил: если жить, то не пить. Другого не дано. Олег внял советам медика, и жизнь потекла в другое русло. Приобрели участок, построили дом, купили машину. Конечно, трудились немало, но всё было в радость. Особенно когда появились результаты их труда. Но вдруг, как гром среди ясного неба, до Даши дошли слухи, что у Олега есть другая женщина. Скорее всего, это – пустые сплетни. Но сомнения закрались в душу и скребли, наталкивая на нехорошие мысли. Она ничего не сказала Олегу, решила сама во всём разобраться. А несколько дней назад в машине под сидением обнаружила чужую губную помаду. Возможно, потерял кто-то из знакомых, кого он подвозил, пытался объяснить Олег, но Даша поняла, что он врёт. Вот так и рассыпался благополучный мир.

Зашла в дом, набрала по телефону номер сестры. Как только в трубке услышала голос Лизы, слёзы потекли, как осенний дождь. Немного успокоившись, поведала сестре о своей беде. Ответ был однозначным:

– Бери на неделю отпуск за свой счёт и приезжай ко мне. Всё обсудим на месте и найдём решение...

Последнее время Олег избегал встреч с Дашей наедине, а сегодня вообще не пришёл ночевать. Она лежала в темноте с открытыми глазами. В памяти проплывала вся их жизнь. В молодости они оба были активными комсомольцами, даже познакомились на заседании бюро горкома. Через полгода поженились. Иногда Даше казалось, что она не любит Олега и зря решила на замужество. В иные дни с нетерпением ждала его и чувствовала себя счастливой. В последние годы они особенно сблизились, больше времени проводили вместе. И вдруг – другая женщина.

Скрипнула дверь спальни, тихо вошла дочь.

– Мама, я знаю, ты не спишь. Да и я не могу уснуть...

Даша протянула руку и включила ночник. Мягкий голубоватый свет заполнил комнату. Катюша прилегла рядом и прижалась к матери, как в детстве.

– Сразу тебе скажу, что я в курсе походов отца, просто не могла сказать тебе об этом, – на одном дыхании произнесла дочь.

– Катя, я думаю на недельку съездить к сестре, посоветоваться. Как ты на это смотришь? Справишься тут без меня?

Немного помолчав, Катя ответила:

– У меня собралось несколько отгулов, так что поедем вместе. Я давно не видела тётю и братика, соскучилась.

– А как же Ванюшка?

– Пропустит несколько дней школы, будут для него дополнительные каникулы. Он тоже будет рад увидеть тётю Лизу и Игорька...

На вокзале их встречала Лиза с племянником покойного мужа, Алексеем. Чуть больше трёх лет назад муж Лизы погиб в автокатастрофе. Со дня похорон сестры не встречались. Не могли наговориться, столько всего накопилось, благо никто не мешал.. Вспоминали рано умершую маму. Потом обсудили Дашину ситуацию. Слова, сказанные Лизой, не подлежали оспариванию.

– Всё поправимо! Ну, загулял мужик, это не умер. Поругаешь немного, подуешься, и всё станет на свои места. С кем такого не бывало. Пусть недельку там помучается без вас. Думаю, он уже раскаивается в содеянном.

Лиза обладала редкостной способностью, исправлять любые неприятности и всегда старалась найти мирный способ решения самого сложного дела. И вот уже Даша улыбалась, и жизнь казалась не такой мрачной. Дни пролетели незаметно, через сутки возвращаться домой. Во второй половине дня зашёл Алексей и предложил поужинать в ресторане.

Из-за пережитых неприятностей Даша так похудела, что почти не отличалась от дочери. Днём Лиза сделала подарок Катюше, купила ей модный белый костюм. И сейчас они уговорили Дашу примерить его. Прямая юбка с разрезом красиво обрисовывала бёдра. Укороченный приталенный пиджачок подчёркивал тонкость талии. Даша сама залюбовалась отражением в зеркале. Красиво уложены волосы, небольшой макияж, и на неё смотрела не женщина, которой за сорок, а девушка двадцати, ну от силы – двадцати пяти лет.

Столик, за который их проводили, был красиво сервирован, колеблющееся пламя свечей преломлялось в хрустальных бокалах. Не очень яркое освещение зала и негромкая музыка создавали романтическое настроение. Официант ловко открыл шампанское, и оно засверкало в бокалах янтарным цветом.

Саксофон выпевал что-то необыкновенно яркое, вот он вывел замысловатую минорную композицию и стих. Вступил приятный тенор солиста: «Ах, какая женщина, какая женщина...» Через зал к их столику шёл красивый стройный молодой человек.

– Вас можно пригласить на танец? – улыбаясь, протянул Даше руку.

Даша растерялась, но, увидев одобряющий взгляд Лизы, решилась на положительный ответ. Она не танцевала несколько лет, и невольные прикосновения к партнёру смущали её.

– Давайте познакомимся, меня зовут Вадим, – неожиданно для Даши произнёс её партнёр.

Даша назвала своё имя.

– Я Вас заметил сразу, как только Вы вошли в зал, – продолжал Вадим. – У меня есть предложение: давайте этот вечер подарим друг другу и будем танцевать весь вечер вместе. Договорились?

– Ладно, – со смущённой улыбкой ответила Даша.

Ещё оркестр не начинал играть, а Вадим уже шёл приглашать Дашу на следующий танец. Столько комплиментов от него она не услышала за всю свою жизнь с Олегом. Он говорил ей, что всегда мечтал встретить такую женщину, как она. И что это не случайно, это подарок судьбы. Даша пыталась указать ему на разницу в возрасте, на что он отвечал, что не видит никакой разницы. Говорил, что потерял голову, как влюблённый мальчишка, и не сводил с неё глаз.

– Даша, а давай перейдём на ты и сбежим с тобой куда-нибудь. Я обещаю, ты об этом не пожалеешь, – предложил он во время следующего танца.

– Нет, не могу. Что я скажу дочери и сестре?

– Я сам с ними поговорю.

– Нет, Вадим! Не надо этого делать, я никуда не пойду.

Окончился танец, и Вадим проводил её к столику. Через несколько минут он вернулся с официантом, который нёс бутылку шампанского.

– Разрешите мне присесть за ваш столик? – спросил Вадим, красиво наклонив голову.

– Присаживайтесь, – за всех ответила Лиза. Познакомились. Вадим оказался тоже приезжим, здесь гостил у брата. Странное совпадение... он завтра уезжает домой, и перед отъездом решили с братом поужинать в ресторане. Выпили за знакомство, и Вадим, обращаясь к Лизе, спросил:

– Разрешите мне на вечер похитить Вашу сестру.

Лиза не успела ответить, в разговор вступила Катя.

– Об этом не стоит даже говорить! Мама, я не позволю тебе идти с ним.

– Да что ты, Катенька, я никуда и не собираюсь.

Лиза, взяв Катю за руку, негромко произнесла:

– Катюша, мать решит сама, как ей поступить, ты не должна решать за неё.

Вадим попытался что-то объяснить Кате, но Даша прервала его и твёрдо ответила:

– Вадим, Вам лучше вернуться за свой столик, я никуда не пойду.

– Думаю, что мне лучше вообще уйти. Даша, только одна просьба. Напиши мне номер твоего телефона, через пару дней я буду дома и позвоню тебе.

– Я не могу это сделать.

– Тогда я напишу тебе свой, только обещай мне, что позвонишь, когда вернёшься домой.

– Пишите, постараюсь позвонить, – ответила Даша, скорее, для того, чтобы окончить этот разговор.

...Вернувшись домой, Даша с волнением зашла в квартиру. Олега не было. Открыла шкаф, чтобы разложить вещи, и замерла. Несколько вешалок, на которых висела одежда мужа, были пусты. Значит, он ушёл навсегда. Старалась сдержать слёзы, резанула в груди боль... Надо всё обдумать. Почему так больно, ведь несколько лет назад сама хотела развестись. Успокаивала себя: «Ничего не случилось, все живы, надо привыкать жить по-новому. Дети почти взрослые, всё поймут и помогут справиться...».

Олег появился через несколько дней. Зашёл вечером, открыв дверь своим ключом. Даша занималась приготовлением ужина. Слышала, как Олег отодвинул стул и сел. Почувствовала запах спиртного, но молча продолжала заниматься своими делами.

– Даша, надо поговорить. Присядь к столу, послушай меня.

– Говори, я слушаю, – не поворачивая голову, ответила Даша. Слезы сдавливали горло горьким комком. Нет, она не заплачет, выслушает его как можно спокойнее. Он не должен видеть её боль. Олег начал путано объяснять что-то о чести и совести, он не может поступить по-другому, не может причинить боль женщине, которая любит его. Неужели он не понимает, какую боль причинил ей действиями и словами. Комок больше не сдавливал горло. Даша резко повернулась:

– Запомни, ты уходишь навсегда! Я завтра же подам на развод. Ты сам выбрал себе другую жизнь. Вот и живи, я не буду тебе мешать, но и ты навсегда забудь дорогу к нам.

Олег не ожидал такого поворота, он готовился к тому, что Даша со слезами будет уговаривать его вернуться домой. Но увидев непреклонность жены, отрезвел и со злостью заявил:

– Даже если позовёшь, не вернусь.

И быстро вышел за дверь.

Развод прошёл спокойно, так как обе половины были согласны. От предложенных алиментов на сына Даша отказалась. Она никакой помощи не хочет от этого человека, который предал её и детей...

...За кухонным окном кружились снежинки: крупные, резные, переливаясь на солнце, летели на землю. Даша любовалась нежной зимней красотой. Обед почти готов, скоро придёт Ванюшка со школы, она успеет накормить сына до работы. Только за это и любила вторую смену. Из репродуктора на стене льётся тихая музыка. И вдруг... такая знакомая мелодия, и тут же зазвучала песня: «В тёмном зале ресторана... Ах, какая женщина...» Даша замерла. Воспоминания окутали её тёплой волной, сердце забило учащённо. Она со дня приезда от Лизы ни разу не вспомнила о том, что обещала позвонить Вадиму. В принципе, и незачем, тут же подумала она. Хватает забот и так, только немного успокоилась от развода. Выключила радио, чтобы ничто не будоражило сердце.

Весенние заботы не оставляли свободного времени, каждый выходной уезжали с Ваней на дачу, подготавливали теплицу к посадке овощей. Иногда и Катюша на денёк заскакивала к ним. Заочная учёба в институте отнимала выходные. То подготовка к сессии, то поездка на зачёты или экзамены, так что на даче она была как гостья.

Незаметно пролетело лето. Уже год, как Олег не живёт с ними. Раньше заходил почти каждый день. Делал попытку помириться, но Даша была непреклонна. То, что разбилось, не склеишь. Да и дети не соглашались, чтобы он вернулся обратно. При последней встрече был бледен, поминутно кашлял и тяжело дышал. Даша советовала обратиться к врачу, но Олег ответил, ему всё равно, что будет дальше, жизнь потеряла смысл. Обида на него давно прошла, осталась только жалость.

Вот и сегодня, собирая урожай, она вспоминала, как они вместе работали на участке. Твёрдо решила, как только вернётся домой, отправит Ванюшку в домоуправление, где работал Олег. Пусть узнает, как его здоровье. Её тревога была не напрасна. На работе сообщили, что Олег в больнице, несколько дней назад его увезла скорая помощь. Диагноз оказался неутешительным – мокрый плеврит в запущенном состоянии. Через месяц Олега не стало.

Даша укоряла себя, что не приняла его предложение о перемирии. Если бы он жил дома, этого бы не случилось. Она бы не допустила. Но уже ничего не изменишь... Часто ходила в церковь и перед горящей свечой вела мысленную беседу с Богом. Просила прощения за то, что не смогла помочь мужу.

Не зря говорят – время лечит. Прошло два года со дня смерти Олега. Даша часто вспоминала о нём, но уже без боли. Много времени проводила на работе, новая должность (начальник цеха) требовала больше внимания. И вот командировка в другой город, на предприятие, куда поставлялась продукция её цеха. Сложены вещи, можно отдохнуть, поезд рано утром. Непонятное волнение охватило её, и никак не удавалось уснуть.

Сыпал мелкий дождь, и Даша пожалела, что не взяла с собой зонт. Благо стоянка такси была рядом с вокзалом, тут же навстречу ей резво направился один из водителей. Через несколько минут машина затормозила у гостиницы.

Гостиничный номер был небольшим, но довольно уютным. Окно выходило на площадь, где она увидела памятник Ленину с вытянутой вперёд рукой. Очень похожий на тот, что был на площади в родном городе. Стало как-то спокойнее на душе. Она с улыбкой отошла от окна и стала раскладывать вещи. Привела себя в порядок, подмигнув в зеркало отражению, направилась в ресторан поужинать.

Вообще-то Даша не была любительницей ресторанов. Последний раз была в подобном заведении более двух лет назад, когда ездила к Лизе. Такой яркий вечер в её жизни был единственный раз.

Она села за свободный столик у большого окна, выходящего на площадь. Ярко горели фонари, и казалось, что мелкие капли дождя кружатся в пляске в лучах света. Это был небольшой районный город,

с архитектурой, присущей концу девятнадцатого – началу двадцатого столетия. Великая Отечественная война не коснулась близко этих строений, как в её родном городе, где большая часть домов была разрушена. Многие строилось или восстанавливалось после войны. Даша родилась в мирное время, но знала всё, что происходило в те годы из рассказов родителей. А ещё любила посещать музей, где вся история города представляла перед ней в полном объёме.

Столик она выбрала удачно, через окно могла любоваться панорамой ночного города и в то же время видеть всё, что происходит в ресторанном зале. На небольшом возвышении, которое имитировало сцену, молодой человек наигрывал на синтезаторе весёлую мелодию. Официанты, милостивая девушка с изящной фигурой и два парня, тоже довольно симпатичные, ловко сновали между столиками с подносами, заставленными различными напитками и закусками. Даша, сделав глоток коньяка и закусив оливкой из греческого салата, откинулась в кресло – интересное занятие наблюдать за незнакомыми людьми и придумывать им биографию.

Открылась дверь, и мужчина элегантного вида, пропустив вперёд девушку, стал искать глазами свободный столик. Перед ним появился официант, который повёл их к столику. Кажется, мужчина ей кого-то напомнил, но додумать до конца Даша не успела – её внимание переключилось на сцену. Появился музыкант с гитарой. Зазвучала нежная, ласкающая мелодия на синтезаторе, не спеша в этот поток музыки влилась гитара, и гитарист запел что-то душевное и очень приятное. Даша, прикрыв глаза, отдалась этим чарующим звукам. Почувствовав на себе чей-то взгляд, открыла глаза и... замерла от удивления. Элегантный мужчина, смотревший на неё, был... Вадим. Они долго, не отрываясь, смотрели друг на друга, словно рассказывая глазами всё, что было в их жизни за эти годы.

Принесли горячее, Даша не спеша допила коньяк и приступила к еде. Изредка она поглядывала в сторону Вадима и его спутницы. Он изменился за эти годы. Сейчас она видела в нём самодостаточного, уверенного в себе мужчину. Вот он поднялся и пошёл в сторону сцены. Даша видела, что он положил деньги на синтезатор и о чём-то договорился с музыкантами. Вернулся к своему столику, неотрывно смотря на Дашу. Заиграла музыка, первыми звуками перевернувшая всю душу. Слезы выступили на глазах, и Даша не могла взглянуть на Вадима, хотя чувствовала его взгляд. Красивый тенор вдохновенно пел:

«Ах, какая женщина, какая женщина...»

Екатерина СОБОЛЕВА

г. Бобруйск

Родилась на Урале, в городе Полевском, Родине сказочника Павла Бажова. Всю свою профессиональную деятельность посвятила работе с детьми. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Автор книг «Бессрочный паспорт на любовь», «Кардиограмма любви», «Вверх по радуге», «Здравствуй, это я».

ПАПЕ

В небесном колодце, бездонном и светлом,
Где каждая капелька – чья-то душа,
Мой папа. На встречу наложено *вето*,
Пока по судьбе я иду не спеша.

Прости, что стихов я тебе не писала,
Мой папа, мой самый родной человек...
Что рано уйдёшь, я не знала. Не знала.
И год побежит, ускоряя свой бег.

Смотрю дни и ночи твоими глазами,
И так же, как ты, от бессилья молчу...
Любовь бесконечно живёт между нами,
Собой зажигая земную свечу.

СЛОВА, СЛОВА

Слова, слова...
Как много силы в них!
Что сотворит она, порой не знаешь.

И жизнь права,
И важен каждый штрих,
Когда ты слово в небо отправляешь.

Глаза в глаза –
Сердечный диалог,
Любовь диктует слово без запинки.

А коль гроза
Заглянет на порог,
Пусть побеждает слово в поединке.

Едва-едва
Затеплится огонь
В душе и в доме, на любой дороге.

Слова, слова...
Ты чистотой их тронь,
Зажжётся свет, и вдаль уйдут тревоги.

ЭЛЕГАНТНЫЙ ВОЗРАСТ

Элегантный возраст – что же это?
Это значит за спиною лето,
А в душе живёт полоска света,
О любви осенней говорит.

И изящно носятся наряды,
И горят надеждой наши взгляды,
Оптимизм выходит из засады,
И улыбки тянут, как магнит.

Пожилая?! Счастье – пожила я,
Прошлые года оберегая.
В каждый день, как в юности, вникая,
Вижу солнце, мчащее в зенит.

Элегантный возраст – это чудо!
Жду чудес, они придут откуда?
Может из душевного салюта,
Что во имя жизни заблестит!

КТО-ТО ЛЮБИТ

Кто-то любит ночные глаза,
Кто-то любит рассветную влагу,
Поднимает небес паруса,
Тихо душу кладёт на бумагу.

И в словах ищет истину слов,
Их напрасно в пути не бросая.
Кто-то пеплом посыпать готов
Всё, что вечно живёт, не сгорая.

Разный почерк и разная статья,
Высотой взгляд и чувства разнятся.
Только падая, можно вставать
И стремясь к высоте, подниматься.

И меняя сезон на сезон,
Где останешься вдруг, не узнаешь...
Возвращается с разных сторон
Всё, что сердцем своим посылаешь.

ДОЧЕРИ

Ты скучаешь, и я скучаю,
И не встретимся мы никак.
А по краю судьбы, по краю,
То ли свет идёт, то ли мрак.

Ни конца, ни начала тоже –
Разглядеть не хватает сил.
Боль разлуки скользит по коже...
Кто её до меня носил?!

Кто её передал в наследство
И посылкой прислал в мой век?!
Как не прошеное соседство,
Как больной на стволе побег.

Телефонное метит царство
Часто выстрелом в «молоко»...
Пусть и слабое, но лекарство.
Дочка, как же ты далеко...

УШЕДШИМ ОФИЦЕРАМ ВВС, ДРУЗЬЯМ

Пустеет гарнизон, и постепенно
Становятся сегодняшние бывшими...
Мы встретимся когда-то непременно
И пронесёмся «Ту-шками» над крышами.

В полку небесном забывают звания,
И служба продолжается без отпуска –
Тревога и наряд без расписания,
Полёты разрешаются без допуска.

Мальчишка с лейтенантскими погонами
Рванулся птицей за меня вчерашнего...
Внизу рекою полоса бетонная.
И снова жизнь ликует настоящая.

А ваше небо памятью расписано,
По площадям небесным построение...
История земная не дописана,
И новое стартует поколение.

ПРОСТИ НАС, БОГ

Прости нас, Бог!
Я голову склоняю
И душу раскрываю пред Тобой!

Прости нас, Бог!
От края и до края –
За землю, поседевшую с войной.

Прости нас, Бог!
Не ценим, что имеем
И бьём родных, чужими дорожа.

Прости нас, Бог!
Мы часто не болеем,
Там, где болеет чистая душа.

Храни нас, Бог,
От жадности и блуда,
От суеты, от слов, что жгут тропу.

Храни нас, Бог!
Куда мы и откуда?!
Лишь Ты всемогущи написать судьбу.

Спасибо, Бог!
За испытанья силы,
Ты мудрым взглядом смотришь на меня.

Спасибо, Бог!
Я всех уже простила
И на закате, и в начале дня.

Светлана КАЛЕНЧУКОВА

Гомельская обл., д. Милоград

Родилась в 1984 году в деревне Милоград Речицкого района Гомельской области Белорусской ССР. В 20 лет потеряла зрение, но это не сломало её веру в себя, не лишило чувства любви к прекрасному. Победитель и дипломант многих международных конкурсов, лауреат литературной премии им. В. С. Алехина. С 2018 по 2023 гг. являлась председателем Речицкого отделения Белорусского литературного Союза «Полоцкая ветвь».

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Сонечка проснулась ранним утром, чувствуя на своей щеке тёплый нежный поцелуй. Она открыла глазки: в комнату через занавеску с осторожностью заглядывал солнечный лучик. Его светлые лапки, маленькие и несмелые, появлялись то на подушке, то на одеяле, то весело искрились на волосах пятилетней малышки. Подкрадываясь к руке девочки, он робко отпрыгивал, словно боялся потревожить её сладкий сон.

«Он похож на крошечного зайчика, – подумала Соня, – и, наверное, ищет себе друга».

– Пливет, – улыбаясь, прошептала она ему и, вскочив на кровати, весело сказала:

– Давай длужить!

Тёпленький комочек, касаясь её руки, резво спрыгнул на пол.

«Ты зовёшь меня за собой?» – спросила девочка и радостно сказала:

– Пойдём!

Солнечный зайчик прыгнул на ручку двери, ведущую в ванную комнату. Соня, недоумевая, открыла дверь и рассмеялась. Её шустрый дружок уже сидел в умывальнике. Едва Соня приблизилась, он быстро скользнул на зеркало, приглашая её умыться. Пока длилось умывание, непоседливый светлячок с зеркала перепрыгнул на какой-то островок и на мгновение замер.

Ярко-ярко жёлтое, нежно-нежно мягкое полотенце, с которого сияла радостная улыбка солнышка, висело на крючке возле умывальника. Вот почему солнечный зайчик замер. Он просто неожиданно увидел фото своей мамы.

– Это моё любимое полотенце. Его мне на именины подарила бабушка», – произнесла девочка, увидев, как маленькие тёплые лапки крохи трепетно прикоснулись к сияющим солнечным лучам.

От этого прикосновения Сонино полотенце стало ещё мягче, ещё теплее. И когда девочка стала утирать им личико, ей показалось, что его осыпали тысячи маминых поцелуев.

– А теперь пойдём пить чай, – улыбаясь, сказала она. И они вместе пошли на кухню.

Ею оказалась небольшая светлая комната, посреди которой стоял большой круглый стол, накрытый небесно-голубой скатертью.

На такой же небесно-голубой ажурной салфетке стоял завтрак для Сони: горячий шоколад и бисквитное печенье в виде сердечек, которые она просто обожала.

– Угощайся, пожалуйста! – ласково сказала Соня новому другу.

Но солнечный зайчик был шустрым и любопытным и сразу же бросился заглядывать в каждый уголок на кухне. Сначала запрыгнул на стул, потом на стол. Посидел на ложечке, заглядывая в чашку с шоколадом. Рассмотрел каждый шкафчик, повисел на полках, спустился на микроволновку, перепрыгнул на холодильник, добрался до самовара и посмотрелся в его начищенный до блеска бок. И вдруг притих, словно заскучал. Потом залез Соне на плечо и тёпленькими лапками прижался к её щеке. Девочке захотелось развеселить своего маленького друга, и она запела:

Солнце занавесилось пелелётной тучкой.

Покажи нам личико, выгляни в окно.

Без твоей улыбки, солнышко, задолной

На душе невесело, грустно и темно.

Подали нам, солнышко, хоть один свой лучик,

Будем бегать с лучиком напелегонки.

Девочки и мальчики – солнечные зайчики,

Любим вместе с лучиком летние деньки.

Улыбнись нам, солнышко и лазлейся песней,

Заиграй на склипочке ладугой-дугой.

Ведь своими песнями сделать мил чудесней

Сможет наше солнышко, как никто дугой.

Эту детскую песенку Соня знала на память, потому что через три дня ей предстояло быть солисткой на утреннике в детском саду. Она пела её и пела, убирая со стола и подставляя стул к мойке, чтобы помыть за собой чашку. И вот, когда чашка была вымыта, а песенка спета, маленькая хозяйка спрыгнула со стула и не по-детски деловито сказала:

– Ну вот и всё. Сделал дело – гуляй смело. Так говорят мои воспитательницы Селгеевна и Максимовна, – и, растянув щёчки улыбкой, воскликнула:

– Бежим ко мне в комнату!

И они наперегонки помчались в детскую.

Им было очень хорошо вместе. Целый день они играли, прыгали, смеялись, догоняли друг друга и совсем не заметили, как пролетело время.

Ближе к вечеру Сонечка увидела, что её Шустрик стал спокойнее. «Наверное, устал», – подумала девочка.

Светлый комочек задумчиво притих на красочном переплёте небольшой книги.

– Здолово! – воскликнула Соня, – ты умеешь читать! И я очень-очень люблю читать! – продолжала она, залезая на свою кровать и удобно устраивая на коленках книгу. – Давай почитаем!

И они стали читать о солнышке. За чтением крошечный комочек как будто бы подрос. Он заискрился, переливаясь трепетной светлой нежностью. Видно, ему нравится эта книжечка. Каждый из них в это мгновение представлял свою маму:

«У моей мамы самые добрые глаза и нежные руки, а сердце – наполнено любовью и самым большим терпением. Она всегда говорит мне ласково: как же я люблю тебя, моя доченька!» – думала Соня.

«Моя мама, – представлял себе солнечный зайчик, – самая золотая, самая тёпленькая, и с ней всегда весело. Даже самые ворчливые тётки-тучки расплываются от её улыбки, а зимой от её нежности даже снег тает...».

И вдруг зайчик встрепенулся... и повис на занавеске. Словно вспомнив о чём-то важном, он улыбнулся кому-то в окошко, скользнул в него и исчез.

«Наверное, его позвала солнечная мама, – подумала Соня и подошла к окну. Её дружок, взявшись за солнечный луч, резвился на улице. – Он держится за руку своей мамы!».

Уходя всё дальше и дальше, за горизонт, лучики искрились и переливались. Это было похоже на танец или на нежные объятия.

– Как же я люблю тебя, моя доченька! – услышала Соня ласковый шёпот у самого уха, и тут же тёплый нежный поцелуй коснулся её щеки.

– И я люблю тебя, мамочка, – ответила Соня, обвивая шею матери маленькими ручками и прижимаясь к ней как можно теснее.

Татьяна БЕСТУЖЕВА

г. Бобруйск

Импрессионистка, поэтесса, прозаик. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Публиковалась в коллективном сборнике «Бобруйский почерк», в журналах «Метаморфозы» (Беларусь), «Приокские Зори», «Художественное слово». В импрессиях передаёт мимолетные впечатления об изменчивости и подвижности окружающего мира. Считает, что жизнь должна быть максимально наполнена впечатлениями и эмоциями.

ИМПРЕССИИ

Кофейное будущее

Звёзды падали в остывший кофе... Лунный свет наполнял пространство чарующей магией, приоткрывая занавес далёкого будущего... Золотая листва, обнажая душу, танцевала в унисон с ветром путником, уносясь вдаль, исчезала за горизонтом Заката, чтобы утром появиться с Рассветом.

В кофейной жидкости мерцали блёстки событий недопитой жизни. Последний вкус не обжигает... на губах осталась нежность «Настоящего». На дне чашки россыпью расположились конфетти «Будущего».

Фигурки складывались в придуманный пазл, вырисовывали фейерверк далёкого кофейного будущего. Звёздный дождь обещал пойти сейчас... а может, через час? А может, через два? Уже давно сбилась со счёта, сколько выпито кружек кофе.

За окном протягивает счастливые ладошки Зима, улыбаясь лампочно-еловым светом...

Жизнь интересная штука... Не правда ли? Люди торопят ход времени и прыгают через голову событий, убегают от настоящего, пытаются схватиться за хвост будущего... А момент – вот он... здесь и сейчас...

Картина Жизни

Картина твоей Жизни, написанная неизвестным художником, размылась, чистые краски линии судьбы смешались, полотно стало хаосом...

Как странно смотреть на отклики бытия и понимать, что твоя картина Жизни написана кистью чужой мечты, что дорога, по которой ты ступала уверенными шагами, уложена не твоей мозаикой, что сорванные цветы в твоих руках издают чужой аромат, а раны твоей души всего лишь прихоть маэстро...

Как странно осознавать, что именно ты позволила написать чужаку такую картину, а ещё более странно осознавать, что это твои решения дождя размыли её замысел, поселив в ней хаос цветовой гаммы...

Произнесённые слова

Ветер перемен, качая голубые ели, бродил сквозь парковые дорожки, блистал радужной дымкой, опаивая ванильной блажью. Крылья за спиной издавали сладковатый привкус взаимности, окуная в безоблачное будущее.

Четыре произнесённых слова вонзились, как острые клыки змеи, разбрызгивая гадкий яд, парализуя сознание. Тёмная пелена накрыла вуалью. Жгучая боль, сдавливая грудь, вызывала спазмы «Придуманной Вечности», задыхаясь от трёх слов, разделенных отрицательной частичкой «не», сжигала радужные крылья за спиной, превращая их в пепел.

Твои крылья, которые легко уносили тебя в высь «Блаженства», осыпались. Доносящиеся звуки травили дымчатой гарью, выдирая перья «Надежды». Буквы, как клеймо, впились в обгорелые клочки, оставив душевные ожоги.

Менялись временные рамки. Лишь неизменными оставались произнесённые слова, которые ещё витали мантрами в воздухе.

Екатерина ЛАРИОНОВА

г. Чаусы

Родилась в г. Чаусы Республики Беларусь. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Печаталась в журналах «Метаморфозы» (Беларусь), «Приокские Зори» (2021), «Художественное слово» (2022). Пишет прозу для подростков, преимущественно в приключенческом жанре. Также является художником комиксов.

ОТБОРОЧНЫЙ ЭТАП

Кристина не раз выступала на сцене, однако сегодня ей и её относительно недавно образованной группе предстояло впервые появиться перед столичной публикой. Да ещё и формат выступления предполагал собой конкурс. Помимо новых слушателей нужно было произвести впечатление и на строгое жюри. От этих мыслей начинался нешуточный мандраж. Ладочки потели, коленки тряслись, а голову словно кто-то набил ватой. Кристина двигалась вперёд, скорее, на автомате. С непривычки они не учли трафик, и когда конкурс начался, всё ещё стояли в пробке за несколько кварталов от клуба. Координатор громко и нецензурно выразил негодование их неорганизованностью, однако согласился подтвердить заявку по телефону. Если Кристина правильно рассчитала время, то до их выступления оставалось чуть менее получаса. Паника смешивалась с волнением, отчего ей казалось, что она вот-вот упадёт в обморок. Ещё и люди вокруг пёрли напролом, чуть ли не снося хрупкую невысокую девушку. Кристина выставила вперёд свою бас-гитару в кейсе, чехол был массивным и громадным, её саму практически не было за ним видно, лишь периодически мелькали ярко-пурпурные коротко остриженные пряди, когда шедшая вслепую Кристина врезалась в кого-то в этой безумной давке.

Рядом толкались гитаристы – Денис, её сводный брат, и Тимур, в своё время единственный отозвавшийся на их объявление о поиске музыкантов. Взбалмошный и легкомысленный Денис резко контрастировал с молчаливым, замкнутым Тимуром. Первый носил яркие вещи, белые сникерсы и разноцветные фенечки, а одежда Тимура могла быть отличного от чёрного цвета лишь в случае линьки после стирки. Длинные волосы рваными прядями закрывали его бледно-синеватое лицо, создавая впечатление, что парниша заблудился в эпохах и прибыл из середины нулевых, когда в моде были эмо и готы. Волосы Дениса, подобно волосам самой Кристины, часто меняли цвет, но преимущественно подвергались беспощадному высветлению с периодичностью раз в полгода, из-за чего напоминали выжженную солому, что, однако, не смущало владельца

шевелюры. Когда дело принимало совсем дурной оборот, на помощь приходили стильные бини пастельных тонов, которые скрывали стриженую почти под ноль голову.

Тем не менее эти двое стали лучшими друзьями чуть ли не с первого дня знакомства. Чего нельзя было сказать про ещё одного участника группы – барабанщика Богдана. Если бы уровень музыкантов определялся их чувством собственной значимости, Богдан несомненно попал бы в топ десять на мировом уровне. Его светлая голова с взъерошенными коллочками-волосами в точности соответствовала склочному характеру владельца. А дополняли образ злобные ругательства, которыми Богдан награждал всё, что ему не нравилось, а не нравилось ему всё, что существовало. Он бесцеремонно расталкивал толпу в разные стороны. Кристина устало закатила глаза, она знала Богдана с детского сада – тот учился в одном классе с Денисом – указывать ему на манеры было то же самое, что есть бульон вилкой.

Замыкала строй клавишница Алиса – лучшая подруга Кристины ещё со времён музыкальной школы. Она шла, удачно пристроившись за Богданом, и из-за мечтательного выражения лица выглядела легкомысленной. Складывалось впечатление, что она вообще не в курсе, зачем они сюда пришли. Алиса улыбалась сама себе, и даже тяжёлый футляр с клавишами не омрачал её настроение. Кристина завистливо вздохнула и отвернулась. Лично у неё от нервов кишки переворачивались.

* * *

«The Global Music's Battle» – конкурс, в котором группы со всего мира соревновались за звание лучшей, был великим событием в равной степени и для рок-музыкантов, и для поклонников подобной музыки. Система проведения при этом была достаточно простой: раз в год каждая страна-участница проводила национальные отборы в три этапа, победители получали право выступить в финале, который по традиции проходил в Германии в формате фестиваля. Для кого-то это был шанс заявить о себе, найти новых слушателей, познакомиться с другими музыкантами или даже привлечь внимание лейблов, чьи представители толклись на протяжении всего конкурса, начиная с отборочных. Для зрителей это был повод обновить плейлист и просто хорошо провести время.

Разумеется, сегодняшний этап был далеко не масштаба финала и уж тем более даже близко не напоминал «Waken» или «Summer Sonic»¹, однако афиша мероприятия была яркой, броской, неискушённый человек ожидал увидеть сияющую просторную студию с мультимедийной сценой и тысячами восторженных фанатов. Но в реальности клуб, скорее,

---

¹ Крупнейшие рок-фестивали

напоминал полузаброшенный подвал, в котором к тому же было сильно накурено и гуляли не самые приятные ароматы прокисшего пива и пота. По факту это был самый обычный концерт, состоящий из десятков групп разной степени неизвестности и хедлайнера², которого организаторы привлекли на всякий случай. Однако для Кристины и её ребят попасть сюда было невероятным везением.

Первым этапом конкурса было прослушивание, во время которого обычно отсеивалось до восьмидесяти процентов поданных заявок. Все желающие должны были прислать минимум три демозаписи, а также видео с их исполнением вживую. Если с демками ребята решили вопрос бескровно, записав их худо-бедно дома на компьютере и использовав вместо настоящих комбоусилителей и педалей эмулированные плагины, а барабаны Богдан натякал пальцем на клавиатуре, то с видео всё оказалось гораздо сложнее. Выяснилось, что если снять выступление в клубе на телефон, это потом невозможно ни слушать, ни даже смотреть. Мельтешение в кадре и адские хрипящие звуки могли вызвать приступ эпилепсии даже у здорового человека.

Ребята не отчаялись и попробовали записать свою репетицию. На этот раз звук получился гораздо лучше, но сами музыканты смотрелись в кадре, как сонные креветки. За исключением Богдана, пожалуй. С его темпераментом он и в морге смог бы отыграть, словно перед многотысячной аудиторией. Остальные, к сожалению, подобной харизмой не обладали. Более того, мысли о записи никому из них не давали сконцентрироваться, Денис с Тимуром путались в аккордах, Алиса переживала о том, как лежат её волосы, не сильно ли её полнит камера, а Кристина приросла к полу, судорожно вцепившись в стойку, то и дело беря ноты выше, чем надо. Под конец сессии она вообще перешла на писк, сорвав голос. Самостоятельная попытка записи постановочного видео полностью провалилась. Другого выхода не оставалось – нужно было обращаться к специалистам, которые помогли бы им снять профессиональное промо с живым звуком. В их небольшом городке они без труда отыскивали несколько объявлений с подобными услугами, однако ценник очень быстро поугасил их пыл. Самому старшему, Богдану, исполнялось этой весной лишь восемнадцать, Кристина с Алисой заканчивали девятый класс. Разумеется, откуда у школьников возьмутся большие деньги? Родителей музыкальная карьера отпрысков волновала куда меньше, чем поступление в университет.

Спасение пришло из музыкального магазина, в котором ребята часто закупались расходниками и всякой мелочёвкой. На выходных там подрабатывал молодой парень. В одну из суббот, покупая струны, Кристина невольно пожаловалась ему на невозможность снять нормальное

---

² Группа, возглавляющая концерт

видео и даже включила их демо. Из вежливости или нет, но парниша-продавец сказал, что все песни довольно хороши, а спустя неделю им позвонил владелец магазина и предложил выступить в торговом центре. Взамен он обеспечил ребят необходимым бэклайном³ и, что самое важное, это выступление записали на несколько камер со звуком через пульт, благодаря чему группа получила заветное видео, которое было не стыдно отправить на конкурс. Как результат, их заявку одобрили – и ещё чуть более тридцати групп – среди нескольких сотен подавших.

* * *

Чем ближе была дверь с надписью «Служебный вход», тем бледнее становилась Кристина. Вся решимость испарилась за считанные минуты. Она украдкой посмотрела на Дениса с Тимуром – ни следа паники. Про Богдана и речи не шло: складывалось впечатление, что при его рождении природа просто забыла положить ему чувство страха в базовый комплект. Алиса кокетливо сдувала падающую на глаза чёрную, как смоль, чёлку и поправляла съезжающий с тонкого плеча чехол. Тяжёлый хвост, натянутый почти на самой макушке, подпрыгивал в такт её шагам и хлестал по лицам окружающих.

– «Deer Dore»? – парень-координатор, тот самый, что наорал на них по телефону, возник с рацией и планшетом в руке прямо перед Кристиной, когда она попыталась протиснуться в дверь.

– Д-да... – затравленно выдавила из себя та, ожидая чего угодно.

– Гримёрка одна для всех конкурсантов, – опустив глаза в планшет, произнёс координатор, не упоминая про их опоздание. – Вторая дверь направо. Готовность – пятнадцать минут. К этому времени вы и ваше барахло должны уже быть на сцене. Понятно?

Кристина кивнула, чувствуя, как голову обдало жаром от осознания скорого выхода к публике. Она подалась вперёд на негнущихся ногах и, если бы её не подхватили с разных сторон гитаристы, точно бы растянулась на полу. Богдан недовольно цыкнул и, чуть пихнув её в плечо, буркнул:

– Соберись уже.

Богдан раздражённо топал по слабо освещённому коридору, пока не остановился у двери, на которую криво приклеили лист бумаги с надписью: «Гримёрная», открыл её с ноги... Внутри было шумно. Музыканты галдели, смеялись и гремели инструментами. Богдан пинком согнал гитариста с лавки в углу у окна. Подошедшая Кристина с вызовом

---

³ Бэклайн - музыкальное оборудование ансамбля, оркестра.

поджала губы и сбросила с себя чехол, заехав при этом Богдану в живот. Тот отборно выругался, что Кристина благополучно пропустила мимо ушей.

– Шевелитесь, я пошёл, – бросил раздражённо Богдан и скрылся за боковой дверью, ведущей на сцену. Алиса поправила причёску с макияжем, пригладила подол короткой юбки, едва прикрывающей её выдающуюся заднюю часть, и последовала за ним. Этим двоим требовалось немного больше времени на подготовку, особенно Богдану. Тимур довольно быстро отстроил свою гитару и тоже покинул гримёрку. Денис, закончив с настройкой, не спешил уходить. Порывшись в рюкзаке, он выудил оттуда огромный свёрток в коричневой бумаге. Кристина уловила слабый запах ветчины и овощей. Несмотря на то, что с утра она ничего не ела, от аромата еды к горлу подкатила тошнота.

– Как ты можешь жрать в такой момент? – произнесла Кристина, с отвращением наблюдая, как Денис пытается угрызнуть огромный бутерброд с начинкой из всего, что найдено в холодильнике.

– Пфлбл... – сдавленно выдал тот и пожал плечами. Одна из светлых прядей выскользнула из-за уха и угодила прямо в майонез, которым был щедро залит этот супербутерброд. Денис, нисколько не смущаясь, убрал волосы за ухо, а руку вытер о штаны.

– Ты отвратителен, – бросила Кристина и, перекинув через худенькое тело широкий ремешок бас-гитары, поспешила к двери. В коридоре она столкнулась с Богданом.

– Какого хрена вы там копаетесь? – с ходу рявкнул он и, зыркнув за спину Кристине, прорычал: – А где этот утырок?

– Жрёт, – отрезала та и отпихнула Богдана в сторону.

– Щас я его накормлю! – взвыл тот и влетел в гримёрку...

Ступив на сцену, Кристина прищурилась от ударившего по глазам яркого света софитов. Где-то впереди располагался танцпол. Судя по мерному гулу, зрителей был полный зал. Кристина сдавленно сглотнула: она знала, что им придётся подключаться на глазах у всех. Сколько тут вместимость? Человек пятьсот. Они никогда прежде не играли перед трёхзначным числом слушателей.

Стараясь не думать о людях, стоящих в зале, она трясущимися руками воткнула джек в усилитель и щёлкнула тумблер. Лампы, разогреваясь, едва слышно загудели. Знакомый звук успокоил её, и узел внутри немного ослаб. Кристина быстро выставила регуляторы на те же позиции, которые она обычно использовала во время большинства концертов, и глянула на остальных ребят. Саундчек они благополучно слили, поэтому вся надежда была на то, что местный звукорежиссёр отрегулирует их звук в зале по ходу дела. Полутораметровый Тимур спрятался за высоким гитарным

стеком, Алиса что-то нажимала на синтезаторе, влетевший на сцену Денис лихорадочно пытался вспомнить свои настройки и, судя по его обречённому лицу, безуспешно. В итоге к нему подошёл Тимур и отстроил всё сам. Кристина обернулась на установку: не хватало только барабанщика. Нахмурившись, она подошла к Денису и прошептала:

– А Богдан где?

– Эм, – нервно протянул тот и обернулся. – Вообще, за мной шёл...

– Что?! – шёпот Кристины стал угрожающе-свистящим. – Там прямой коридор! Он растворился в воздухе, по-твоему?

Кто-то постукал Кристину по плечу. Она обернулась: перед ней стоял молодой парень в фирменной футболке клуба и бейджем с надписью «Техник».

– Время вышло, начинайте, – вполголоса произнёс он.

– Одну минуточку, – умоляюще попросила Кристина. – У нас не хватает барабанщика.

– Либо вы начинаете играть, либо валите со сцены, – отрезал техник.

Денис торопливо похлопал себя по карманам и вытащил телефон. При любой другой ситуации Кристина бы его убила, но сейчас была готова расцеловать. Отобрав телефон, она набрала Богдана и стала терпеливо слушать длинные гудки.

– Абонент, которому вы звоните...

Техник закатил глаза и повернулся к залу. Посмотрев вверх, постучал указательным пальцем по часам. В порталах что-то треснуло и раздался противный гнусавый голос:

– Хватит занимать сцену.

Кристина вспыхнула, взмокнувшая чёлка прилипла ко лбу. Голос повторял одну и ту же фразу бесконечно. На мониторе в полу, куда обычно выводился сетлист, появился обратный отсчёт. На выступление каждой группы с настройкой отводилось пятнадцать минут, у них оставалось чуть больше десяти. Гнусавая фраза отдавалась в висках одновременно с таймером, вскоре её подхватили и некоторые зрители. Кристине казалось, она вот-вот упадёт в обморок, телефон выскользнул из дрожащих рук и со стуком упал на сцену. На глазах выступили слёзы. Сжав гитарный гриф, Кристина выдернула провод и бросилась назад к двери, ведущей в гримёрку, но чья-то рука поймала её за запястье.

– Да уходим мы! – воскликнула Кристина, подумав, что это техник, и отдёрнула руку.

– П-подожди, – негромкий мягкий голос явно принадлежал другому. Худощавый парень в чёрной шапке, просторной серой толстовке и изрезанных чёрных джинсах смотрел на неё с искренним сочувствием. Бледное лицо было усыпано веснушками, а от виска через переносицу проходил едва заметный светлый шрам. На какое-то мгновение лицо

показалось Кристине знакомым, однако откуда у неё знакомые в столице? Возможно, он просто похож на того, с кем она могла видаться на концертах у себя в городе. Парень, очевидно, смутился от пристального изучения и поспешно натянул капюшон по самый нос.

– Уже поздно ждать, – Кристина обернулась на по-прежнему пустующую установку. – Мы упустили свой шанс.

Перед глазами снова всё поплыло от новой порции слёз.

– Эй-эй, не надо, – парень ободряюще положил руку на плечо Кристины, а второй аккуратно вытер её мокрые щёки. – Пойдём.

– Куда? – запоздало переспросила она и, поняв, что парень тащит её обратно к сцене, рванула назад: – Нет! Хватит с меня позора! Как мы будем играть без ударника?

– Я могу помочь, – простодушно ответил парень и широко улыбнулся. – Я играю на барабанах с двенадцати лет.

– Но... – хотела было возразить Кристина, как тот её перебил:

– Я справлюсь, я слышал ваши песни...

На этих словах она замерла, не в силах издать ни звука, но обдумать откуда и как, ей не дали.

– Там, – парень махнул рукой в сторону танцпола, – есть люди, которые пришли на вас посмотреть. Я тоже тут ради этого. Иди, пожалуйста, на сцену. Твои песни должны быть услышаны.

– Будут ещё концерты, – выдавила Кристина, наблюдая краем глаза, как Денис и Тимур снимают тарелки с установки. – Это всего лишь глупый конкурс.

– Тебя действительно устраивает просто уйти после того, как вы прошли жёсткий отбор? – парень на секунду стал серьёзен. – Подумай о своих чувствах, о чувствах ребят. Я гарантирую, что не подведу вас, обещаю.

Кристина кивнула и шагнула вперёд. Свет снова ослепил её, но сейчас ей так даже было легче – ничего не видеть. Позади раздался короткий стук в бас-бочку, и резко стало тихо. Кристина не сразу поняла, что противный голос прекратил свою надоедливую мантру, а зрители разом смолкли. Таймер застыл на седьмой минуте. Они ещё могли сыграть две песни.

К Кристине подошёл Тимур и шепнул на ухо названия тех песен, которые предложил оставить новоиспечённый барабанщик. Значит, он и правда их слышал.

– Надеюсь, он действительно умеет играть, – бросил Тимур. Кристина, чувствуя, как бешено стучит сердце, обернулась: парень придиричиво перебирал палочки Богдана в чехле, закреплённом на стойке. Наконец, он выбрал и, ловко прокрутив их в пальцах, помахал Кристине. Та отвернулась и уткнулась в пол. С другой стороны, они уже и так

опозорились. Если они сейчас ужасно сыграют, ничто не помешает покинуть сцену.

Раздался сухой стук палочек, и ребята вступили, правда, слегка сумбурно. Стоило Кристине начать петь, как всё волнение разом отступило. Видимо, это передалось и остальным участникам, так как играть все стали значительно ровнее. Парень на удивление уверенно вёл ритм. Стиль его игры заметно отличался от Богдана, и порой не хватало зубодробительных сбивок короля ударных, что было не совсем привычно, однако все нужные акценты он делал, даже в некоторых моментах он добавлял едва уловимые элегантные рудименты, что окончательно убедило группу, что им повезло столкнуться с настоящим барабанщиком. В проигрыше Кристина снова украдкой на него взглянула: тот излучал позитив и искренне радовался, мощно, но при этом без безумной Богдановской ярости, колотя по томам и тарелкам. Девушка невольно расплылась в улыбке. Алиса и Денис в открытую наслаждались моментом, их лица светились от счастья. Даже Тимур, оттаяв, позволил себе тряхи шевелюрой в ритм.

Первая песня пролетела в один миг. Отступив назад, Кристина перевела дух и впервые посмотрела в зал. До неё дошло, что люди хлопают. Те самые люди, которые несколько минут назад хором кричали им валить со сцены. Сейчас они снова кричали, только требовали ещё.

«Я же говорил», – одними губами произнёс парень, когда Кристина встретила с ним взглядом.

– Спасибо, – прошептала она и показала ему большой палец.

Снова раздался бодрый стук, и на этот раз вступил лишь Тимур, а Кристина с Денисом начали петь. В нужные моменты парень безошибочно вставлял забористые сбивки и к припеву разошёлся окончательно. Если к предыдущей песне ещё могли быть какие-то вопросы, то эту он знал идеально, словно за барабанами оказался уже сам Богдан. Капюшон давным-давно слетел с головы парнишки, шапка слегка сползла набок, и из-под неё выбилась кудрявая прядь волос, отливающая на свету то зелёным, то фиолетовым. Кристина запоздало сообразила, что в работу включились световики, и теперь вся сцена была залита разными цветами, а софиты, наконец, перестали просто бить напрямую в лицо.

Люди внизу, до этого сбившиеся в кучки по углам, вплотную подступили к сцене. Они были так близко, что Кристина могла видеть их полные восхищения лица. В этот момент каждый из ребят ощутил то самое непередаваемое ощущение эйфории от осознания, что публика с ними на одной волне. В небольшую паузу Кристина даже заметила техника, который опёрся на косяк выхода со сцены и внимательно смотрел на группу. Заметив на себе взгляд, он показал ей большой палец, из-за чего та чуть не взяла выше, чем надо в последнем припеве.

Эмоции били фонтаном, причём не только у неё: Денис навис над слушателями, и те пытались стащить его вниз за штаны, у Алисы только что искры не летели из-под пальцев, а Тимур играл уже практически лёжа на спине. Кристина могла поклясться, что видела его таким гиперактивным впервые. Руки новоиспечённого ударника так летали над установкой, шапка окончательно слетела с головы, обнажив взъерошенную кудрявую шевелюру. Парень несомненно выкладывался на полную. Когда песня закончилась, он буквально согнулся пополам, рухнув на колени. По крайней мере, так показалось Кристине. Но через мгновение он как ни в чём не бывало вынырнул с уже натянутой на голову шапкой, а ещё спустя секунду рядом с ним возник злой, как чёрт, Богдан.

Парень, ловко увернувшись от его загребущей руки, поспешно сбежал со сцены вниз по боковым ступенькам. Зрители ликовали и даже не заметили небольшой ротации в составе группы...

– «Deer Dore», мы посоветовались с жюри... – раздался в зале низкий мужской голос.

У Кристины внутри всё оборвалось: она совершенно забыла, что их оценивают. Руки снова затряслись, коленки подогнулись, и она вовремя ухватила за микрофонную стойку, чтобы не упасть на глазах у сотен человек. Богдан в это время подстраивал своё рабочее место под себя, словно не был в курсе, что их время вышло. Она не сомневалась, что он в этот момент дико матерился.

– ...Сыграйте вашу третью песню, – ушей Кристины коснулось лишь окончание короткой речи жюри. Все звуки моментально вернулись, и она, кивнув Денису, хрипло произнесла в микрофон:

– Спасибо за вашу поддержку.

Тем временем парень уже перебрался в зал и, встав позади толпы, помахал Кристине. От осознания, что он всё ещё тут, стало тепло и спокойно.

Зал заполнили звуки слегка подгруженной гитары, и почти сразу позади раздалось негромкое фыркание, после чего к гитарным аккордам добавилось сухое постукивание закрытого хай-хэта⁴: Денис снова плавал в ритме, поэтому Богдан оперативно пришёл к нему на выручку. Партия заметно выровнялась, и Кристина, мягко коснувшись басовых струн, запела мощным звонким голосом.

Перед припевом группа сделала небольшую паузу, разбавляемую лишь едва слышным звуком палочек об ободок малого барабана.

– Эту песню я бы хотела посвятить парню, который сегодня спас наше выступление, – смущённо произнесла Кристина, найдя в толпе взглядом знакомое лицо в веснушках. Она могла поклясться, что в этот момент глаза парня удивлённо расширились.

---

⁴ Педальная тарелка, используемая в составе ударной установки.

Злобно сплюнув в сторону, Богдан выдал свою фирменную сбивку, которая аж отдалась где-то в районе желудка, и ребята бодро вступили в мощный припев, контрастирующий с нежным куплетом.

Парень не сводил глаз со сцены, впитывая в себя каждое слово. Это было нелегко: люди вокруг него прыгали и толкались. А так как припев у песни оказался довольно простой, они даже пытались кричать первые строчки из него, заглушая голос вокалистки. Та на пару мгновений отвлеклась на небольшой проигрыш на басу перед окончанием песни и, когда ребята одновременно выдали красивую коду⁵, вскинула голову. Публика ликовала, кто-то требовал на бис, забыв, что это конкурс, однако Кристина ничего не слышала, пытаясь снова найти в толпе того парня.

Тимур положил ей руку на плечо, Кристина невольно вздрогнула.

– Теперь точно пора сваливать, пока все настроены к нам доброжелательно, – произнёс он. – Оперативно сворачиваемся и уходим.

Кристина заторможенно кивнула и отвернулась от зала. Отключив бас, она принялась помогать Алисе. Гитаристы в четыре руки скручивали тарелки с установки. Ребята не успели покинуть сцену, как вышла следующая команда. Обменявшись кивками, музыканты разошлись.

Кинув бас в гримёрке, Кристина помчалась в зал. Расталкивая зрителей с невиданной силой, словно в неё вселился дух Богдана, она забралась на балкон и окинула взглядом танцпол, который теперь хорошо просматривался. Достаточно хорошо, чтобы Кристина поняла, что того парня тут нет.

* * *

– Сорок пятые пожалуйста, – не поднимая взгляда, Кристина положила на прилавок пару смятых купюр и несколько монеток. Субботним утром магазин пустовал: судя по всему, кроме неё, больше покупателей не было.

– Эрни болов нет, – раздался бодрый голос продавца. – Но могу...

Кристина резко вскинула голову, тот отшатнулся назад, подавившись своей фразой.

– Ты! – перегнувшись через прилавок, она указала пальцем на продавца, который испуганно вжался в сетку с проводами позади себя.

– Обещаю, струны придут после обеда, – прошептал он и потянулся к рабочему телефону. – Я могу позвонить и уточнить время...

– Это ты! – не слушая, Кристина стукнула его в козырёк низко надвинутой кепки. Та улетела за прилавок, и на свету электрических ламп, отливая зелёным, блеснула высвобождённая копна тёмных кудрявых

---

⁵ Завершающий раздел музыкального произведения

волос. Парень зажмурился, ожидая удара ещё, но Кристина бесцеремонно ткнула его в усыпанную веснушками щеку и довольно произнесла:

– Думал, я тебя не найду? Так и знала, что где-то тебя видела!

– Конечно, – нервно рассмеялся парень. – Ты ведь покупаешь здесь струны уже почти год...

– Ты помог нам на концерте! – перебила его Кристина. – И ты показал наши песни своему боссу, чтобы он пригласил нас сыграть в торговом центре. Спасибо! – она резко вскинула руки вверх и свела ладони вместе в благодарственном жесте.

– Я был рад помочь, – покраснев, ответил он. – Мне действительно понравилась ваша музыка. Кстати, вы прошли отбор?

– Ах... – теперь уже покраснела Кристина. – В каком-то роде... – она замялась, но решила всё же рассказать: – Если помнишь, мы потеряли Богдана, это наш ударник. Оказалось, когда он отбирал у моего брата бутер, то испачкался и пошёл в туалет почистить одежду. Дверь в этот момент магическим образом захлопнулась, и он просидел внутри, пока кому-то не приспичило. В общем, конкурс уже почти подошёл к концу, как случился форс-мажор: один из участников, гитарист, сильно вывихнул руку и получил гематомы на лице. Возможно, всё бы ничего, но ему ещё предстояло выступить, поэтому координатор решил разобраться, что случилось. Гитарист говорил, что упал на лестнице, всё равно решили посмотреть записи с камер... В общем, технически да, он упал на лестнице, но после того, как Богдан дал ему в морду. А дал он ему в морду потому, что именно этот гитарист запер его в туалете.

– Зачем кому-то запирают именно вашего барабанщика? – парень задумчиво потёр переносицу.

– Не думаю, что он конкретно охотился за Богданом. Просто захлопнул дверь за тем, кто подвернулся, чтобы уменьшить количество соперников, – пожалала плечами Кристина. – К его несчастью, это оказался Богдан...

– Так понимаю, вас дисквалифицировали? – прочитав на её лице ответ заранее, спросил парень.

– Ага, – вздохнула та. – Так глупо вышло, ведь могли просто обратиться к координатору, и он бы всё решил. А теперь снова год ждать следующего шанса.

– С другой стороны, ваша музыка очень понравилась людям, – произнёс парень. – Так что очень хорошо, что в итоге вы смогли выступить. Особенно, когда вы перестали думать об оценивании. Публика очень чувствительна к настроению музыкантов. Любой концерт – это круговорот эмоций между ними. Всё, что музыкант отдаёт в зал, возвращается к нему с процентами, и так, пока шоу не закончится.

– Я и правда ощутила нечто особенное, – призналась Кристина. – Поэтому спасибо ещё раз, что пнул меня. В следующем году мы точно покажем класс. – Она мечтательно прикрыла глаза и впервые улыбнулась: – Хочу снова это испытать.

Парень широко улыбнулся в ответ и, бросив взгляд на разбросанные по столешнице деньги, скрылся под прилавком. Через мгновение он вынырнул обратно с веером разноцветных пачек и разложил их перед Кристиной.

– Из сорок пятых есть Даддарио, Ла Белла и Ротосаунд, ещё даже сдача останется. Вообще, можешь попробовать сороковые ДиАр, дают очень яркий звук, очень недооценённые...

– Я – Кристина, кстати, а тебя как зовут? – перебила она его монолог. – На бейдже написано Маша, но я подозреваю, что это бейдж девушки, что работает тут по будням.

Смущённо улыбувшись, парень заговорил, но в этот момент мягко звякнул колокольчик на входной двери: в магазин зашёл покупатель лет шестидесяти – мужчина в твидовом пальто.

– Здравствуйте, я из музыкальной школы, хотел бы скрипочки глянуть, какие у вас тут есть, – прошаркав через весь зал, мужчина уселся на барабанный стул у прилавка и не заметил, как смахнул на пол ценник. Кристина сдавленно фыркнула.

– Хорошо, я попробую ДиАр, – произнесла она и, забрав у парня сдачу с чеком, добавила: – Надеюсь, что ты и в следующий раз поедешь нас поддержать.

– Конечно, я же ваш фанат, – расплывшись в улыбке, кивнул он в ответ. Снова звякнул колокольчик, пурпурные волосы в последний раз блеснули в холодном электрическом освещении магазина, и парень обратился уже к покупателю на стуле:

– Для какого возраста вас интересуют скрипки?

Мария ЗАЙЦЕВА

г. Бобруйск

Член Белорусского литературного Союза «Полоцкая ветвь». Автор сборников стихов для детей «Учила уточка утят», «Забралась в кровать лень», сказки «Царь ужей», сборника «Дыхание любви». Соавтор коллективных сборников «Живые строки», «Память храним», «Бобруйский почерк», «Крылатым росчерком пера», «Памяти слово живое». Печаталась в республиканском журнале «Метаморфозы», в международных альманахах «Созвездие».

ЦАРЬ УЖЕЙ

Давным-давно творились чудеса на свете. Волшебники жили в деревне поближе к лесу, а ведьма в глухом лесу. Стала ведьма детей ловить, да в лес уводить, превращая их в змей. Они становились её слугами: убирали в доме, готовили кушать, играли с ведьмой и охраняли её сон.

А в деревне переполох. Слышится плач родителей. Все волнуются за своих детей, не пускают гулять на улицу. Не слышно детского смеха, нет улыбок на лицах людей. Одно горе...

В этой деревне жил Пётр. Он был высокого роста, широкоплечий, с большими голубыми глазами и волосами цвета пшеницы. Говорят, он в лесу боролся с медведем и победил его.

Жил он с сыном Коленькой и женой Настенькой. Коле было пять лет. Жили они дружно, были счастливы. Пётр всё думал, как защитить своего сыночка и всех детей в деревне от ведьмы и пошёл к волшебнику за советом.

Жил волшебник возле самого леса. Это был седой старик, очень мудрый. Выслушав Петра, он сказал: «Силой ведьму не победить! Злая она, и боится добра. Победит тот, кто встретит Царя ужей. У него на жёлтом ушке будет висеть большая красная серёжка. Она обладает большой силой, но исполняет только одно желание. Кому Царь ужей отдаст серёжку, тот и победит ведьму. Где живёт Царь ужей, никто не знает».

Задумался Пётр, загрустил...

Дал волшебник Петру маленькую коробочку и сказал:

– Береги её, не потеряй. Откроешь, когда будешь идти в большом дремучем лесу ночью. Появится свет, который выведет тебя к дому ведьмы. Но прежде чем ты пойдёшь в лес, хорошо подумай. А без серёжки ты ведьму не победишь...

Взяв коробочку, Пётр поблагодарил волшебника и пошёл домой...

Дома он всё рассказал Настеньке. Заплакала она и стала причитать:

– Как жить мы будем без тебя? Вдруг ведьма и тебя превратит в змея?

Обнял Пётр жену и сказал:

– Нет! Ведьму надо победить и зло искоренить, чтобы слышать счастливый, звонкий смех наших детей. Завтра утром я отправлюсь в путь. Ты, Настенька, готовь ужин и собери мне в дорогу еды. А сейчас мы с Колей сходим на нашу любимую речушку, наловим рыбки.

Взяв корзинку, они вышли из дома. Речушка была узкая, не глубокая. По берегу росли плакучие ивы. В воздухе благоухал медовый аромат от цветов и травушки. Летали птицы и громко щебетали. Отец с сыном стали спускаться к воде. Вдруг Коля закричал:

– Папа смотри, это Уж...

Уж тихо лежал в смоле, не шевелился. Петру и Коле стало очень жалко его. Они подумали, что он мёртв, но вдруг Уж открыл глаза и, глубоко вздохнув, зашипел:

– Ш-ш-ш-ш...

Замолчав, он посмотрел на Петра грустными жёлтыми глазами.

Коля закричал:

– Папа, он живой!

– Да, сынок, будем его спасать, – сказал Пётр.

Он нашёл две крепкие палочки и стал вынимать ужа из смолы осторожно, чтобы не поранить. Сдвинув его на траву, стал очищать от смолы:

– Потерпи! Всё будет хорошо.

Очистив Ужа, Пётр перенёс его к воде и положил на большой камень.

– Может, придёт время, и ты мне поможешь.

Петру казалось, что Уж с благодарностью смотрит в глаза своему спасителю, запоминая его. Потом он нырнул в воду и поплыл по течению реки.

Рыбу ловить они не стали. С пустой корзиной пришли домой.

Утром рано поднявшись, Пётр попрощался с Настенькой и, взяв мешочек с едой да наказав беречь Коленьку, пошёл искать ведьму.

Шёл полями, шёл лугами, через реки, через лес. Дорога длинная, тяжёлая. Устал Пётр и сел отдохнуть. Поел, прилёг на шёлковую травушку и не заметил, как уснул. Его разбудил крик птицы. Приподняв голову, Пётр увидел чёрного ужа.

В жёлтом ушке висела большая красная серёжка. Так вот кого он спас, самого Царя ужей! Уж сидел на мешочке с едой. Хвостиком сняв серёжку, протянул Петру. Пётр осторожно взял подарок и, сжимая его в руке, тихо прошептал:

– Спасибо. Ты очень добрый, Царь ужей.

Но Уж его уже не слышал. Он исчез. Слышен был только свист и шелест травы.

На душе у Петра было спокойно и радостно. Он почувствовал в себе большую силу. Спрятав серёжку в карман на груди и взяв мешочек с едой, пошёл дальше.

Лес становился гуще, тропинка уже. Чем глубже заходил в лес, тем быстрее темнело. Наступила ночь. Пётр вспомнил про коробочку, которую дал волшебник. Осторожно достав драгоценный дар, он приподнял крышечку. И каково же было его удивление, когда вылетевшие из коробочки бабочки, излучали солнечный свет. Бабочки были золотые. Стало светло как днём. Деревья будто отступили, и тропинка стала шире. Бабочки летели впереди, а Пётр шёл за ними.

Утром он увидел большой чёрный замок. На крыльце сидела ведьма в окружении змей. Она громко смеялась и не заметила, как подошёл Пётр, но, почувствовав на себе взгляд, повернулась. Увидев красную серёжку на ладони у Петра, Ведьма испугалась, отпрыгнула в сторону с криком:

– Нет...

Она знала о большой силе серёжки.

– Ах ты, злая Ведьма, – закричал Пётр, – превратись в змею, а детей верни домой.

Поднялся сильный ветер, затрещал и загудел лес, загремел гром, засверкала молния, задрожала земля, закричали громко чёрные вороны. И вдруг всё успокоилось. Наступила тишина. Пётр увидел, как уползает в лес большая серая Змея. Это была Ведьма, а из её дома выбегали дети. Они смеялись и плакали от радости.

Вернулся домой Пётр и привёл всех пропавших детей. Родители обнимали, целовали своих деток, благодарили Петра за их спасение. Вернулось счастье в деревню. Во всех семьях слышались песни и звонкий смех. Стали жить все дружно.

С тех пор там, где живёт Уж, Змее места нет.

Надежда ПОДЛЕСОВА (1923–2010)

Подлесова Надежда Ивановна родилась 15 октября 1923 года в г. Сызрань Самарской области. Училась в фельдшерско-акушерской школе, работала в селе акушеркой. Зимой 1941 года участвовала в рытье окопов в Малой Рязани, в 1943-м добровольно ушла на фронт. После подготовки в школе радистов войск НКВД была направлена на Третий Белорусский фронт, служила медсестрой и санинструктором. Участвовала в освобождении Вильнюса от немцев, награждена медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Кёнигсберга», личной Благодарностью Сталина, орденом Отечественной войны второй степени, медалью «Ветеран труда» и медалью Жукова. После войны окончила Омский медицинский институт, работала врачом в Омске, Казахстане, на Алтае. В 1957 году с семьёй переехала в Сызрань, где работала педиатром, а затем врачом-рентгенологом. Автор 12 сборников, издававшихся в Куйбышеве (Самаре), Москве, Сызрани, на Украине, в Чехословакии. Произведения переводились на немецкий язык, публиковались в газетах и журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Литературная Сызрань», «Литературная Самара», в альманахах: «Русское эхо», «Сызрань литературная: антология прозы и поэзии», сборнике «День поэзии» и др. По мотивам её сказки «Большой гребешок» создан кукольный мультфильм «Петушишка» (студия «Куйбышевтелефильм, реж. Александр Полушкин, 1985). На стихи писательницы написано немало песен. Была членом литературного объединения города Сызрань, членом Союза писателей России, организовывала детские утренники, сотрудничала с сызранской детской библиотекой-филиалом № 16 (в 1997 году этому учреждению присвоено имя писательницы, а теперь в библиотеке располагается посвящённый ей музей). Лауреат городской премии «Признание», лауреат Всероссийской литературной премии им. Ивана Дмитриева.

ПЕСЕНКА В ЛАДОШКЕ

Песенка весёлая
С крыш повсюду льётся.
О весне и солнышке
В песенке поётся.
Руку я подставила –
И ловлю капель.
И в ладошке слушаю
Песенку теперь.

НА ВЕСЁЛОЙ ЯРМАРКЕ

Продавало солнышко
На весёлой ярмарке
Платья разноцветные,
Яркие-преяркие.

Приходил на ярмарку
Весёлый народ.
Побывал на ярмарке
Весь огород.

Прибегали раньше всех
Огурцы-братишки,
Выбирали себе
Майки да трусишки.

Примерял помидор
Красную рубашку.
А подсолнух купил
Жёлтую фуражку.

Модницы-морковки
Взяли по обновке.
И в полоску блузы
Выбрали арбузы.

А капуста, просто смех,
Накупила больше всех.
И повёз покупки ей
На тележке муравей.

ПРО УПРЯМОГО МАЛЬЧИШКУ

Мама мне читала книжку
Про упрямого мальчишку.
А потом сказала мама:
– Вот и ты такой упрямый.

Я ответил маме: «Нет!
Вовсе не похоже,
Ведь его зовут Ахмед,
А меня – Серёжа!».

ОТЧАЯННЫЙ ПРОХОЖИЙ

В небе по дорожке,
Усыпанной снежком,
Отчаянный прохожий
Разгуливал пешком.

В мохнатой белой шапке
Форсил он в облаках,
В такой же белой шубке
И в белых сапогах.

Но дунул сильный ветер
И, кто подумать мог,
Прохожий вдруг остался
Без шапки и сапог.

Прохожий вслед за ветром
Бежал, бежал, бежал,
Потом на мягком облаке лежал.

Но, словно в зимней сказке,
Из белизны небес
Явились вдруг салазки,
И он на них исчез.

А с неба на деревья,
На крыши и на всех
Посыпался, просыпался
Густой косматый снег.

Стребал я снег лопатой
И думал: «Так и быть,
Попробую-ка снова
Прохожего слепить».

Пускай озябли руки,
Но я его слепил, –
Такого же, что по небу ходил.

В небе по дорожке,
Усыпанной снежком,

Отчаянный прохожий
Разгуливал пешком.

Там был он одиноким,
Теперь же средь двора
Вокруг него весёлая
Играет детвора.

НЕСГОВОРЧИВЫЕ НОГИ

Один чудак, большой чудак,
Встал как-то на дороге.
Сказал чудак, большой чудак:
– Меня несите, ноги.

Мне нынче некуда спешить –
Наметьте сами путь.
Давайте целый день бродить.
– А где?
– Да где-нибудь.

И тут же правая нога
Свернуть хотела вправо.
– Постой! – сказала левая.
– Пойдём сначала влево.

Такие несговорчивые
Были эти ноги,
Что целый день не сдвинулся
Большой чудак с дороги.

ЛЯГУШАТА

С утра и до ночи
На листьях кувшинки
Сидят лягушата –
Зелёные спинки.

Сидят и гадают,
Как парус им сшить,
Чтоб в дальние страны
На листьях уплыть.

МАНДАРИН

В детсаду рисуют дети –
Кто лисицу, кто медведя.
Дом с трубой рисует Ваня.
Из трубы до неба дым.
А у маленькой Иринки
Нарисован мандарин.
– Вот завидно будет всем, –
Думает Иринка, –
Лучше всех, вкуснее всех
У меня картинка!

ТОРОПЫЖКА

Раз Торопыжка
Готовил обед:
Щи,
макароны,
компот,
винегрет,
Но, как всегда,
Торопыжка спешил.
Лук и морковь
Он в компот накрошил.
Щи Торопыжка
Вареньем приправил,
Сахару, перцу,
Укропа добавил.
Сел Торопыжка обедать –
И вот:
Не может понять он,
Где щи, где компот?

В ОКТЯБРЕ ЛИСТОК КЛЕНОВЫЙ...

В октябре листок кленовый
Надевал кафтанчик новый.
Повернулся он на ножке
И соседу говорит:
– Погляди-ка, мой кафтанчик,
Словно солнышко, горит!

Ни в саду, ни в огороде
Твой зелёный цвет не в моде.
Нынче в моде жёлтый цвет!

КОЗЁЛ И ТЕНЬ

Это было весной. Выглянула Коза в окошко, а на лужайке показалась зелёная травка. Заспешила Коза, стала Козла она будить:

– Вставай, Козёл. В поле пора идти, землю копать, капусту с морковкой сажать.

Не хочется Козлу вставать. Потянулся он и спросил:

– С чего ты взяла, Коза, что пора копать? Может, рано ещё?

– Не рано, – сказала Коза. – Погляди: трава показалась.

Нечего делать. Встал Козёл, начал точить лопаты. Сложила Коза еду в узелок, и пошли они в поле.

Весь день они трудились в поле. Домой вернулись, когда солнышко закатилось.

И, кажется, не успел Козёл заснуть, а Коза уже сковородками гремит, пирогами в избе запахло.

«Коза меня будет будить», – подумал Козёл. А в поле ему идти неохота: спина болит! Поворочался Козёл с боку на бок и вдруг крикнул:

– Коза! Ты видала вчера, как моя Тень работала?

Вышла Коза.

– Я нагнусь – и Тень моя нагнётся; я бородой тряхну – и Тень бородой трясёт.

– Ну и что?

– Дома я нынче останусь, – сказал Козёл, – а в поле пускай моя Тень поработает.

Ничего не сказала Коза, хлопнула дверью и пирогами пахнуть перестало.

Хотел Козёл позавтракать, а сковородки-то пустые! Весь день Козёл думал о еде, а Коза вечером пришла и говорит:

– Молодец Тень: и работала за двоих, и ела за двоих, и пироги с капустой ей понравились, и ватрушку хвалила, и квас. Опять завтра хочет в поле идти.

Сказала так Коза, и спать улеглась.

Проснулась она утром, а Козла-то нет...

Пришла Коза в поле, а Козёл там землю копает.

ОЛЕГ КОРНИЕНКО

Самарская обл., г. Сызрань

Родился 6 февраля 1954 года в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище с золотой медалью. 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу лётчиков, воевал в Афганистане. Награждён пятнадцатью медалями, в т.ч., «За боевые заслуги». Печатался в ведущих изданиях России, в журналах «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан), «Приветик!» (Латвия), «Склянка часу» (Украина) и др. Член Академии «Русский слог». Член редколлегии литературных журналов «Волга – XXI-й век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Автор шести книг прозы для детей и взрослых. Член Союза писателей России. Лауреат городской премии «Признание», лауреат Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя (Канада).

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Ирине Токмаковой

Стёпка жил в небольшом посёлке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке часа три. Стёпку одного не отпускали – мог заблудиться в большом городе.

Всё решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Стёпку посадят на электричку, а там дядя встретит его. Но дяди на станции не оказалось. Стёпка подождал некоторое время и, когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошёл к полицейскому:

– Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

– Совнаркома? Это идёшь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева – твой.

Стёпка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

– ЗООмагазин, – прочитал Стёпка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Стёпка. Одним словом, всё что угодно, кроме слона. Слон ждал Стёпку в зоопарке, а потому Стёпка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Стёпка позвонил ещё раз, и ещё...

И вдруг Стёпке послышались шаги. За дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Стёпка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

– Дядя Коля, откройте! Это я, Стёпка!

Нет, ему не почудилось, по коридору кто-то ходил: быстро-быстро туда-сюда. Стёпка опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся, и дверь не открыл. Он сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

– Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил – нет тебя. Хотел уже звонить родителям – узнавать: в чём дело.

– У вас кто-то за дверью ходит, – сказал Стёпка.

– А это мы сейчас посмотрим, – улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосолапила в тёмную комнату.

– Это ёжик. Постель на ночь готовит, – пояснил дядя.

– Ёжик? – удивился Стёпка.

– Ну да, ёжик. Недавно у подъезда в кустах подобрал, Лапку, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам, а может, на чучело кому продам. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Стёпка несколько раз просыпался и слышал, как шуршит газетами ёжик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдём завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут он вспомнил про ёжика. Ёжика нигде не было. Неужели уже отнёс? – испугался Стёпка.

Он прошел в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ёжик. Рядом стояло пустое блюдо. Стёпка быстро выложил из рюкзака привезённые дяде гостинцы. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ёжика.

«Мы с ёжиком паехали дамой. Стёпка», – написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Стёпка повернул налево, в городской парк. Он прошёл в глубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил её травой и осторожно положил в неё спящего ёжика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Стёпкиной ладони.

«Я только немножко...» – сам себе сказал Стёпка и, положив надкушенное яблоко рядом с ёжиком, зашагал в сторону железнодорожной станции.

Галина ЦЫПЛЁНКОВА

Самарская обл., г. Сызрань

Родилась в 1940 году в г. Сызрани. Закончила Сызранское медицинское училище, работала медсестрой в детской больнице, фельдшером в медсанчасти завода «Тяжмаш». Автор 13 книг стихов для детей и взрослых. Член Союза писателей России. Лауреат городской премии «Признание» (2006), обладатель именной премии Главы городского округа Сызрань в номинации «Литература и журналистика» (2012). Награждена Почётным знаком отличия «За заслуги перед городом» 2-й степени.

Дипломант Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А.Н. Толстого.

ПРО ЧЕРЕПАШКУ – ПЕРВОКЛАШКУ И РАСТЕРЯШКУ

Черепашка в сотый раз
Поступает в первый класс,
Потому что Черепашка –
Первоклашка-растеряшка.

То тетрадку позабыла,
Тридцать лет за ней ходила.
За пеналом – двадцать пять,
За чернильницею – пять.

Побежала за альбомом –
Заблудилась рядом с домом.
Двадцать лет её искали,
Двадцать лет её кричали:
– Черепашка, ау-у-у!
Черепашка – ни гу-гу!

И от папы, и от мамы
Всем букашкам и зверям
Полетели телеграммы
По берлогам и домам.

Прочитали вслух букашки:
«Заблудилась Черепашка!
Помогите, разыщите
И ответ быстрее пришлите».

А пока ответа ждали,
Разыскали всю в слезах
У дороги в лопухах.

Целый год её поили,
Ананасами кормили.
Одевали, обували,
В ранец книжки собирали,
И альбомы, и тетрадки...
Всё сложили, всё в порядке.

Черепахи – мама с папой –
Сделали открытие:
Первый раз в первый класс –
Важное событие.
Провожали в сотый раз
Черепашку в первый класс.

НЕПОСЛУШНЫЙ РУЧЕЁК

Без тропинок, без дорог.
Мчался к речке ручеёк.
У ворот остановился,
В лужу быстро превратился
И мальчишкам дал хлопот –
Утопил бумажный флот.

Взял с собой в дорогу льдинки,
Забежал в ботинок Нинки
И пустился наутёк
Непослушный ручеёк.
Вот забота нашей Нинке –
Ручеёк сушить в ботинке.

БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ

Не верьте, если скажут:
– Чудес на свете нет!
Не верьте, если ляжет
На стол пустой конверт.

Письмо пропало где-то,
А может, не пропало.
Быть может, на край света
С приветом убежало.

Прочтут его пингвины,
Какое совпадение:
У Пети – именины,
У Пети – день рождение!

И в том пустом конверте,
Поверите иль нет,
От всех пингвинов Пете
Лежит большой привет.

ПРЕДАТЕЛЬ

Я сочинял, я сочинял
Балладу о собаке.
Как пёс линял,
я написал,
Как пострадал он в драке.

Как я его дрессировал,
Лечил, кормил, лелеял,
Я так красиво сочинял,
Что в это сам поверил.

Не написал я лишь о том –
И нет поступка гаже,
Как предал я его потом,
А он не тявкнул даже.

Вячеслав ХАРИТОНОВ

Самарская обл., п. Варламово

Родился в 1942 году в г. Сызрани Куйбышевской области. Окончил Сызранский трикотажный техникум и Свердловский государственный педагогический институт. Служил в ракетных войсках в Московском округе ПВО. Работал на предприятиях лёгкой, пищевой, химической промышленности и тяжёлого машиностроения в Семипалатинске и Сызрани, а также – журналистом в городской, районной и заводской печати. Автор книг «Околица», «Полустанок», «Всплески», «Полынок», «Окоём», Ойкумена», «Скворчонок». Член Союза журналистов РФ. Член Союза писателей России. Лауреат городской премии «Признание», лауреат областной литературной премии им. Виктора Багрова и Всероссийской литературной премии «Мастер».

СИМУЛЯНТ

В теле жар и в горле хрип.
У меня, должно быть, грипп.
Да к тому ж ещё с ангиной.
Не поможет чай с малиной.
Не помогут лимонад,
Мармелад и шоколад...
Чем жалеть меня всем миром,
Лучше вылечить... пломбиром!

САМОДЕЛКИ

Поросята рты раскрыли,
Но не скажешь, что глупы.
Их ребята смастерили
Из яичной скорлупы.
Любознательность на рыльцах.
Навострили пяточки.
Подойдите к ним, кормильцы:
Просят корма новички.

ПОДАРИЛИ МНЕ АЛЬБОМ

Подарили мне альбом.
Рисовать я начал в нём
Зданья, улицы, машины
И деревья, и каток.
Получился на картине
Очень славный городок.

В класс принёс альбом я, рад
Познакомить с ним ребят.
И сказал друзьям: «А ну-ка!
Вот вам кубиков комплект.
Развесёлая наука
Воплощать в дела проект!»

И рисунок мой бумажный
Ожил в комнатном тепле.
Поднялись дома и башни
Под руками на столе.
Кубик к кубику поставить
Всяк старался, сколько мог.
Чебурашка, Слон и Заяц
Заселили городок.

НАРИСУЕМ ПЕТУШКА

Дань воздав любимым книжкам
И мультяшкам, что скрывать,
Ах, как хочется детишкам
Петушка нарисовать!

Чёрным выведем сейчас
Клюв раскрытый, острый глаз,
Красным бороду раскрасим,
Наведём румянец щёк,
Удивляясь, как прекрасен
С красным гребнем петушок!

Шейку, спинку обозначим –
Глядь, и вышел силуэт.
Поразмыслим, чтоб удачен
Стал в рисунке каждый цвет.

Лишь с хвостом давно порядок:
Он, как связка ярких радуг.
Подрисуем Пете ноги,
Чтобы полный рост обрёл.
И получится в итоге
Петя, гордый, как орёл.

ЮНЫМ ПОЭТАМ

Таланты юные, учитите,
Чужой завидуя судьбе:
Источник мудрости – учитель
В простых пределах А и Б.

Все эти минусы и плюсы,
Все эти правила на «ять»
Не раз, и древним, и безусым,
Нам помогали устоять.

Восславим же не просто рвенье,
А педагога вечный труд,
Чтоб молодое поколение
Металл могло отлить из руд;

Чтоб накормило злаком хлебным
Всю многоликую страну
И отвело лучом целебным
От нас беду и не одну;

Чтоб, низвергая мрак и косность,
В исканьях верное себе,
Шагнуло в сверхдалёкий космос
По неизведанной тропе...

Восславим прозой и стихами
Всё то, что с детства познаём,
Хоть все мы в сущности-то с вами
С чужого голоса поём.

Ведь коль в твоём загоне тесном
Крылатый конь копытом бьёт, –
Его привёл учитель местный,
Чтоб состоялся твой полёт.

Наталья БОНДАРЕНКО

Самарская обл., г. Сызрань

Окончила Саратовский государственный университет им. Н. Чернышевского по специальности «биолог-химик». С 1979 года живёт в Сызрани. Работала в школе, во Дворце творчества детей и молодёжи, вела курсы «Развитие интеллектуально-познавательных навыков». С 1994 года возглавляет службу «Семья». Прозаик, публицист. Автор книг «Артёмкины истории и мамины сказки» и «Россия в судьбах...». Публиковалась в журналах «Костёр» (СПб.), «Муравейник» (М.), «Детская роман-газета» (М.), «Вестник детской литературы», «Русское эхо», антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина». Лауреат городского конкурса «Женщина года» (номинация «Литература и журналистика», 2008), дипломант Международной литературной премии им. Владислава Крапивина.

ПРО ЦЫГАНСКУЮ КИБИТКУ И ОБЕЗЬЯНКУ

– Артёмка, там цыгане приехали! В кибитке! – тараторя, Алька влетела в комнату, схватила меня за руку и потащила за собой.

Алька у нас – всезнайка: знает все новости.

В то лето мы с ней жили у бабушки с дедушкой в деревне, в Алексеевке.

«Кибитка – это такая повозка? А цыгане – поющий весёлый народ?» – вопросы так и прыгали в моей голове, пока Алька волокла меня (я еле поспевал за ней).

Бабуля успела крикнуть нам вдогонку: «Куда?!» А след наш уже простыл.

На краю леса, где мы вскоре оказались, увидели компанию, цыганский табор, как сказала Алька. Самого обычного вида люди сидели вокруг костра, ели и разговаривали. Неподалёку от них стоял расписной домик на колёсах – как в одном фильме, только без лошади впереди – этакий пряничный теремок. Я сразу догадался: это и есть кибитка. Она была сцеплена с трейлером как прицепной вагончик. Как объяснила мне потом Алька, современные цыгане предпочитают передвигаться на машинах, либо в комфортабельных домах на колёсах и трейлерах. И редко кто из них возит за собой крытые повозки – символ вольной кочевой жизни цыган.

Мы смотрели на всё из-за кустов. От кибитки я не мог оторвать глаз: ну и шедевр!

А потом сказал Альке шёпотом:

– Аль, а правда, что цыгане детей воруют?

– Чушь собачья! У них свои есть дети, зачем им чужие, – заверила она меня.

После её слов я осмелел, вышел из-за куста, чтобы поближе рассмотреть кибитку. Алинёнок – следом, тоже заинтересовалась чудодомиком на колёсах. Ведь не каждый день можно увидеть такой. Даже всю жизнь можно прожить – и не встретить. А здесь – вот она, настоящая цыганская кибитка, всего-то в двух шагах! Любуйся сколько хочешь!

Мы вышли из укрытия, и Алька, переминаясь с ноги на ногу, заговорила с цыганами высоким стилем, предварительно пожелав им приятного аппетита:

– Уважаемые ромалэ, позвольте нам с братом посмотреть на вашу кибитку?

Все уставились на нас.

А Алька продолжала приподнятым голосом:

– Мы только посмотрим и уйдём!

– Проходи, девочка! – вставая, по-доброму сказал один ромал (или – ром?). И добавил: – И ты, мальчик, не стесняйся... Смотрите себе на здоровье! Кибитку не видели, да? Теперь её нигде не увидишь. Разве только в виде монумента. Его открыли в Бабьем Яру и посвятили ромам, расстрелянным там нацистами в 1941 году. Памятник называется «Цыганская кибитка».

Только мы с Алькой шагнули в сторону цветастого домика на колёсах, как цыган этот вдруг остановил нас и вежливо сказал:

– А не могли бы вы принести воды из колонки. Чаю хочется. А я вам потом покажу ещё и обезьянку!

Мы с Алькой переглянулись. Глаза у сестрицы были круглыми, как у совы.

– Это правда, про обезьянку? – недоверчиво спросила Аля дяденьку.

– Дава тукé мирó лаф, – сказал он на своём языке и перевёл на русский: – Даю тебе слово.

Мы молчали. Алька, видимо, в голове что-то прикидывала.

– Ну что, отработаете? – торопил нас с ответом цыган.

И, не дожидаясь пока мы очухаемся, дал нам ведро и отправил нас в деревню.

– Дуйте! Одна нога здесь, другая – там! – весело сказал дядька.

А я подумал: «Как это возможно: одна нога в лесу, а другая – в деревне?» Спрашивать не стал. Меня занимали мысли об обезьянке, как поглажу её по головке, как она от удовольствия сморщит уморительную мордочку...

Водяная колонка – в конце Алексеевки, далеко от леса. В тот день стояла жара. Не буду утомлять вас рассказом, с каким трудом тащили мы по солнцепёку большущее ведро, полное воды, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть... Скажу лишь, ну и досталось же Алюхе! Она старше меня, руки у неё длиннее моих, приспособленнее к ведру.

– Не путайся под ногами! – шипела на меня сестрица, когда я пытался ей помочь – цеплялся за ведёрную ручку.

– Обезьянку увидеть хочется очень, – оправдывался я в ответ (образ хвостатой непоседы, обезьянки-кривляки, затмил собой даже цыганскую кибитку).

Мой папка, собираясь в свои командировки, всякий раз обещал мне привезти живую обезьянку (я очень просил). Но... увы! Говорил мне потом, что не нашёл, что не продают их в магазинах, всегда утешал меня.

А с ведром мы справились. Алька, вспотевшая, красная до самых ушей, бухнула ведрище на землю так, что брызги во все стороны. И сказала торжествующе:

– Вот!

А потом выдохнула из себя вместе с воздухом:

– Ох и тяжёлое! И, выставив вперёд ладошки, пожаловалась:

– Вон какие красные! Все руки оттянула...

Усатый дядька с кучерявыми чёрными волосами до плеч, тот самый добрый ромал, подошёл к нам, заметил:

– Ого, никак, из речки набрали воды? Речка тут рядом.

Алька в одно мгновение стала прямо, как варёный рак с вытарашенными наружу глазами – так поразили эти его слова. Я тоже оцепенел. И тут Алюха пришла в себя и с размаху – бабах! – пнула ведро правой ногой. Оно опрокинулось, вода хлынула на траву.

Не стерпела моя гордая сестрица дядькину несправедливость.

– Что ты наделала, чаюри... девочка?! – укорил Альку цыган, глядя на растекающуюся лужу.

В руках он держал обезьянку. Ну такую, плюшевую... На деревянных ходулях. Ключиком заводишь её, и она кувыркается. Мама хранит в шкафу точно такую обезьянку – любимую свою игрушку из детства.

– Пошли домой! – решительно скомандовала Аллька, беря меня за руку. – С меня хватит!

И мы пошли.

Сворачивая в сторону, я обернулся посмотреть на кибитку. Красно-золотой орнамент по кузову в солнечных лучах сиял.

Красивый фургончик!

Галина МАШТАКОВА (1955–2021)

Окончила Саратовский медицинский институт. Работала врачом. Автор сборника стихов для взрослых «Пространство тишины» и трёх книг для детей. Печаталась в московском журнале «Детская роман-газета», альманахе «Сызранская излучина», газете «Заря». Детская книга «Там, где ангелы живут...» отмечена специальным дипломом «За солнечное творчество» Международного литературного Германского конкурса «Лучшая книга года-2019». Дипломант Международного литературного конкурса «Созвездие духовности».

РАЗГОВОР

Спорят как-то Слива с Грушей:

Кто полезней и кто лучше.

– У меня внутри бобок!

И лиловый круглый бок, –

Первой молвит Груше Слива.

– Ну и что, а я – красива!

У художников в работе

Я красуюсь в натюрморте.

– Что ж такого – натюрморт?

А меня кладут в компот. Вот!

Виноград вмешался в спор –

Он услышал разговор:

– Вы мне нравитесь, друзья.

Только ссоритесь вы зря.

Натюрморты и компоты...

Пустьяки! Была б охота...

Мне оказывали честь

Столько раз – не перечесть!

В уголке тихоня Вишня

Прошептала еле слышно:

– Завтра стану я вареньем.

Никакого настроенья...

– Отчего же тут грустить?

Хорошо вареньем быть! –

Встрепенулся Абрикос

(Он везде суёт свой нос).

А Крыжовник завершил:

– Все мы, братцы, хороши!

Говорю вам от души.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

У мартышки – день рожденья!
В доме множество гостей.
Не смолкают поздравленья,
Дарят все подарки ей.

У мартышки от волненья –
Просто головокруженье!
Кто бы мог подумать только, –
Принесли подарков сто-олько!

Платье красное в горох,
Пару новеньких сапог,
Серебристую заколку,
Лак – чтоб модно ставить чёлку,
Банку мыльных пузырей,
Выпрямитель для кудрей,
Золотую косметичку,
Разговорчивую птичку...
И коробку мармелада.
Ей как раз всё это надо!
Ведь она же целый год
От друзей подарков ждёт!

КЛОУН

Если с клоуном дружить,
Можно весело прожить!
Клоун дарит людям смех
И смеётся громче всех!
Если он чихает вдруг,
То смеются все вокруг.
Даже если он грустит,
У него весёлый вид.
Даже если он больной –
Всё равно он озорной.
Ведь у клоуна работа –
Быть весёлым для кого-то!
У него всегда для вас
Есть смешинки про запас.
И с собою – вот потеха! –
Носит он мешочек смеха.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Снега много во дворе,
Как обычно в январе.

Лепим шарик,
Лепим два,
Третий – будет голова.

Вот стоит уже в кафтане
Снеговик красивый – Ваня.

Озорной у Вани взгляд,
Глазки-угольки горят,

Брови выгнуты подковкой,
Кверху нос торчит морковкой.

Человечек вышел славный!
Во дворе он самый главный!

Жаль, что снежный человечек
Всё же так недолговечен.

Он когда-нибудь растает...
Нам метёлочку оставит.

ЧУЧЕЛО

В огороде чучело
Стоит – всего навьючено!

Шляпа старая на нём,
Брюки серые с ремнём,

Чёрный кожаный пиджак,
Шарф намотан просто так...

Впору всё ему пришлось.
Жалко – туфель не нашлось...

ПЧЁЛКА

Целый день кружит пчела.
У неё дела, дела –

Много у пчелы хлопот:
Собирать пора ей мёд.

Расцвела весной природа,
Всё готово к сбору мёда.

Прихватив с собой ведёрко,
Полетела наша пчёлка,

Времени не тратя даром,
За питательным нектаром.

Видит пчёлка на лету:
Вот поляна вся в цвету.

Села пчёлка на цветок,
Наострила хоботок

И душистого нектара
Набрала в пустую «тару».

Говорит: «Такую ношу
Ни за что теперь не брошу,

Отнесу её домой –
Будет сладко мне зимой!

Соберу ещё излишек –
Угощу медком детишек!»

СКАКАЛОЧКА

Я скакалочку кручу
И скачу, скачу, скачу!
А со мною по тропинке
Скачут новые ботинки,
Скачет небо,

Скачут птички,
Скачут две мои косички,
Скачет кошка на крыльце,
И веснушки на лице.
Я без усталости скачу
И скакать ещё хочу!

УТРО МЕДВЕЖОНКА

Медвежонку сладко спится –
Поутру не добудиться!
Солнце смотрится в окно.
Петушок пропел давно.
– Эй, малыш, пора вставать! –
Медвежонка будит мать.

Отвернулся медвежонок,
Пробубнил, сопя спросонок:
– Неохота мне вставать.
Пусть ложится солнце спать!
А петух пусть замолчит.
Что так громко он кричит?!
И закройте мне окошко,
Я посплю ещё немножко.

– Шалунишка ты мой милый,
Разве можно быть ленивым? –
Говорит сыночку мать.
– Так ведь можно всё проспять!
Ты умой лицо водицей,
Чтоб скорее пробудиться.
На столе тебя, дружок,
Ждёт с малиной пирожок.

Медвежонок повернулся,
Нежно маме улыбнулся:
– Ну, тогда другое дело!
Да и спать уж надоело.

Свесил ноги он с кровати,
Почесал немного пятки,
Потянулся, встал, зевнул,
Мимо ванной прошмыгнул...

И хотел схитрить немного,
Но сказала мама строго:

– Это кто забыл умыться?
Кто кровать убрать ленится?
Приучайся, сын, к порядку.
Не забудь и про зарядку!

Хоть сынишка и упрямый,
Не ослушался он мамы.
Ведь ему давно известно:
С мамой спорить – бесполезно!

ПЫЛЕСОС

Не скучает пылесос.
Всюду он суёт свой нос.
Уголочки все обшарит,
Ни пылинки не оставит.
До отказа он набит,
Говорит: «Теперь я сыт!»

КОТ ПОРТНОЙ

С краю леса, на опушке,
Притаился дом-избушка.

В нём живёт портняжка кот.
Он зверям одежду шьёт.

Клиентура у кота –
И с хвостом, и без хвоста.

От заказов нет отбоя! –
Дело нужное такое.

Беспокойная сорока
Прилетела издалёка,

Платье свадебное к лету
Заказала птица эта.

Пару новеньких тельняшек
Зебра просит для близняшек.

А овечка для ягнёнка
Заказала сшить дублёнку.

Чёрный фрак пингвину нужен –
Он идёт на званый ужин.

Рыжей моднице лисе –
Будет юбочка плиссе.

Заказал барсук манто –
Очень тёплое пальто.

Подспела черепаха:
Не сошьют ли ей рубаху?

Сшили модную рубаху –
Нарядили черепаху...

Приходите, звери, птицы,
Все, кто хочет нарядиться:

От искусного портного
Будет каждому обнова!

Владимир ХАРИТОНОВ

Самарская обл., г. Сызрань

Родился в 1950 году в с. Кашпир Приволжского района Куйбышевской области. Окончил Челябинский индустриально-педагогический техникум (1972). Был редактором стенгазеты техникума, работал корреспондентом газеты «Красный Октябрь». Посещал литературный кружок при газете, который вёл и до сих пор ведёт Олег Портнягин. Всю жизнь проработал на железной дороге токарем, слесарем в экспериментальном цехе. Вырастил двух дочерей, двух внуков и двух правнуков.

КАК СЕЙЧАС ПОМНЮ...

Мой отец всю жизнь проработал ветеринарным врачом на два отделения совхоза да частный сектор – две деревни. Хотя и не обязан был обслуживать деревни, да куда денешься: скотина не виновата. Врача обещали прислать, но как-то не случилось, тянет лямку и ладно. А когда прививки какие – с других отделений совхоза санитаров присылали подсобить. Было ещё два помощника-санитара: один уже пожилой человек, второй – моя мать, она же и за командира. Всю жизнь отец ходил «зимой и летом – одним цветом» – навозным. Летом в кирзовых или резиновых сапогах, по-военному с портянками, зимой в чёсанках с калошами. Была закреплена лошадь Сынок – умная и с добрым нравом, и телега с надстройкой, на случай привезти траву или сено.

Летом отец уезжал рано утром в гурты, приезжал, когда уже овец и коров гнали с пастбищ. Иногда Сынок самостоятельно привозил «уставшего» отца до дома. Не единожды, правда, телега опрокидывалась в лужу вместе с отцом, и Сынок ждал, пока отец, матюгаясь, ставил телегу на колёса. Дома я распрягал лошадь, поил, давал сено и в корыто овса. Помогал отцу слезть с телеги и вёл в мазанку спать.

– Вовка, Вовка! – говорил отец, приходя в себя, – там, в телеге, в передке посмотри.

Я находил чекушку и прятал отцу под подушку на опохмелку. Мать, конечно, ругала отца «Зюзей» и другими словами, такими, что даже Сынок храпел и отворачивался – ему, видимо, больно было слушать про своего хозяина эдакое. Сынок понимал и любил ласковые слова, а здесь ругань – кому она нравится?

– Циркачи! – говорил дядька о моих родителях, приезжая к нам в отпуск.

Иногда зимой отец привозил из сельской библиотеки полтелеги книг и журналов. Для меня и брата это был праздник! (Я ходил в восьмой класс, брат в шестой). Запах типографской краски, новый мир интересного и занимательного открывали мы в журналах «Крокодил», «Вокруг света», «Огонёк», «Здоровье», детективах в «Милиции»...

Мать имела образование четыре класса (как она говорила – два класса да коридор) и считала, что ум не от образования, а от природы: или умным родился, или дураком.

– Вон, директор школы – дурак дураком! – приводила она пример. – Привезли ему сено, сложили тракторными вилами, ходит довольный, что не сам вилами ворочал. Пришёл из школы, а омёт уже стоит – красота! Я ему говорила, что сено сырое привезли. Омёт надо развалить, сено просушить, – не послушал. Сгорело сено, заплесневело!» И баба у него такая же, правда, хитрая – на второй год после свадьбы ей аппендицит вырезали, так она за три года ведра воды не подняла – она, вишь ли, после операции. Ни дня нигде не работала. А я всю жизнь как ломовая лошадь! Видать, правду говорят: что заслужил, то и жри!

А отцу мать так сказала про книги:

– Кто их в деревне читает? Ты да две бабки придурошные. Навалили тебе телегу – а ты и рад! Писателям-то хоть за них платят, а ты прочитал и забыл!

И вот надо же, в 80 лет мать начала сочинять стихи-песни с церковным уклоном.

– Вовк, послушай-ка, я вот тут... – как бы извиняясь, обращалась она ко мне. Да много как сочинила – целую тетрадь ученическую.

Я ложился на её постель, потому что это «действие» было не короткое. Мать надевала очки, двигалась ближе к свету и начинала читать. Для неё всё, что она сочинила, было ладно и складно. Читала она с выражением, поглядывая на меня: ну как? Некоторые строчки давались ей с трудом, тогда она говорила то ли мне, то ли Богу:

– Прости меня грешную.

Я пытался говорить ей про рифму, про Пушкина, предлагал что-то изменить – непонятно, мол, но мать была против:

– Нет, что написано, то написано. До Бога и так дойдёт. Я так пишу, другие писатели, наверное, по-другому пишут, не по одной колодке! – и прятала тетрадь за иконку.

Суббота у нас всегда – банный день. После обеда, к вечеру, мы топили баню. Мать с утра затеяла стирку на машинке в саду. Отец приехал с работы и сразу к пчёлам – не роятся ли? (Если две матки в улье – надо

успеть отсадить молодую матку на двух-трёх рамках с пчёлами в пустой улей, а то улетят).

– Ты чего там шевыряешься? – кричала мать отцу. – Иди в баню сначала, а потом уж шевыряйся! Штаны ложи в ванну на отмочку.

Отец чертыхался и начинал раздеваться. И тут к нашему забору со стороны улицы подбежала соседка тётя Маруся:

– Василий Иванович! Корова хвост сломала, собака такая!

– Ну и хрен с ним! – отец аж плюнул от огорчения – не успел спрятаться.

– Василий Иванович! – взмолилась тётя Маруся, ухватившись за забор руками. – Горе-то какое! Доить не даётся, дрожит вся и орёт, аж осипла!

Подошла мать:

– Маруся, давай я посмотрю, чай не впервой.

– Так он перпендикулярно...

– Кто перпендикулярно?

– Хвост торчит – от низу со школьную деревянную линейку, может совсем оторванный, на «липочке» висит. Айда скорей, силушек моих никаких нет глядеть, как скотина мучается!

Тётя Маруся заплакала – ей действительно было жалко корову. Сквозь слёзы говорила:

– Чтоб её! И как это она сумела? Тридцать пять коров в стаде не сумели, а она, вишь, сумела, милушки мои! Пастух говорит, в трещину какую-то в пеньке попала хвостом, да и крутанулась вокруг... И что он их на пеньки-то загнал, чёрт рыжий со своей собакой!

– Ладно, приду, – сказал отец, – помоюсь только.

– Какое помоюсь! Чай, уж потом, а? Сердце вот аж перехватило!

Тётя Маруся одной рукой держалась за забор, который начал клониться в сторону огорода, другую прижимала к груди.

– Ладно, сейчас приду, сумку только свою возьму.

В сарай первой вошла тётя Маруся, я за отцом следом. Корова стояла привязанная, тяжело дышала, хвост на «оттопырку». Тётя Маруся принесла и вкрутила лампочку побольше.

Отец выправил конец хвоста, засмеялся:

– Учись сынок!

Нашёл в сумке кривые ножницы, подал мне:

– Стриги, коли пришёл!

Катыши на хвосте, как камни – ни отрезать, ни оторвать. Корова голову повернула, наблюдает за мной и молчит, только ноги переставляет – настрадалась за день-то.

– Маруся, – кричит отец, – давай лучину какую, шину накладывать! В стадо не гоняй пока!

– Василий Иванович, где я тебе лучины найду, ночь на дворе! – заметалась тётка Маруся.

Тут неожиданно подъехал с работы муж хозяйки – Ваня. Узнал в чём дело и быстро притащил с поленицы беремья дров, чтоб на свету выбрать какие подойдут. Отец выбрал самые тонкие – с руку толщиной, облили хвост йодом, приладили шину, замотали по-быстрому бинтом, – до завтра потерпит.

– Василий Иванович, Володя! – показалась хозяйка в дверях, – айда, проходите в избу, окрошка прямо из холодильника! Ваня, зови гостей, а я доить пошла.

От света в избе я аж прищурился. А может, от богато накрытого стола? Посередине потная бутылка самогонки, окрошка в кастрюльке, сало скирдочкой, рыба жареная, огурцы малосольные, помидоры...

Отец с дядей Ваней только на рюмках пальцы оттопырили – из сарая истошный крик:

– Убила!..

Нас за столом как ветром сдуло: дядя Ваня впереди, мы – следом. В сарае, как говорится – картина маслом: тётка Маруся лежит на полу, схватившись за голову, подойник в ногах опрокинутый, а над ней, как дамоклов меч, хвост висит с шиной – забыли привязать!

– Нюшечка, да что это с тобой? – дядя Ваня бросился поднимать жену на стульчик. – Открой глазки-то!

Отец привязал хвост к Манькиной ноге, подержал шину на вес:

– Да, таким мотовилом, пожалуй, и убить могла. Это ещё удачно она тебя...

Тётка Маруся уже оклемалась, пододвинула подойник – чай, своя скотинка-то, что с неё возьмёшь, с глупой.

Когда тётка Маруся вошла с подойником в избу, взрослые курили и разговаривали, а я как раз хлебал окрошку: какая она вкусная в гостях-то!

– Как голова-то? – спросил отец сочувственно.

– Гудит, Василий Иванович, гудит, как электрический столб.

Отец посмотрел на меня и потянулся рюмкой к дяде Ване:

– Давай за то, чтоб не гудела!

МОЙ ДРУГ – ПЕТЬКА

– Какого звания будете? – спрашиваю у соседнего мальчишки Петра Еремеева, в военной рубашке, повидавшей виды, но с погонами: на одном две звёздочки поперёк, на другом – две вдоль, наверно, пофорсить перед нами. Мы с ним уже три дня виделись из трёх дней отпуска у друга в деревне. Он, хоть и не знал меня, а здоровался: «Здрасьте вам!»

- В который класс перешёл?
- В шестой!
- Молодец! Поди, с одними пятёрками?
- Есть по физкультуре и труду.
- Это хорошо! Не люблю пятёршников!
- Я тоже!
- Дружить будем?
- Кому надо? Алкаши вы все городские!
- Как это?
- Как приедут к дяде Вите, весь месяц «не просыхают».
- Ну чай, отпуск – отдыхают люди.
- Лучше бы дров накололи, а то он всё сам упирается.
- Учтём! А как насчёт рыбалки?
- Ты «удёвщик» что ли? Я на спиннинг рыбачу!
- Так у меня тоже есть с безынерционной катушкой!
- Покажи!

Вытащил рюкзак на крыльцо, раскладываю своё богатство.

– Ух ты... Зачем тебе столько? В речке рыбы столько нет, сколько у тебя блёсен, а спиннинг жидковатый, хлипкий. У меня катушка «Ленинградская», а у тебя так, баловство одно.

– Ладно, тащи, посмотрим! – (И правда, самодельный спиннинг, леска на катушке 1 мм. – лодку можно подтянуть). – Да брат, с тобой не поспоришь. Впечатляет! Возьмёшь с собой на рыбалку, а я тебе блесну подарю, люблю!

– Две можно?

– Нет, сначала рыбалка, места покажешь, а потом блёсны – я ваших деревенских знаю, я тоже «не хось-вось».

– Ну, и не надо. У нас свои, папка делает из латуни, на 50 метров кидаю, а твои лёгкие, только леску путать.

И вот мы уже с Петькой в другой раз едем на рыбалку. Лодка деревянная большая, против течения упираться вёслами в упор приходится. Но уговор дороже денег: Петро места уловистые показывает, я гребу. Петро подаёт рукавицы, а то мозоли будут. На этот раз едем долго.

– Дядя Володя, отгадай загадку. Старинная, бабушка загадывала мне:

*Загану загадку,
Загану вопрос:
Мечу в пятку –
Попадаю в нос.*

– Рогатка, – говорю.

– Не-е! – смеётся Петька довольный, – меня бабушка неделю мучила, а я потом сам догадался.

– Нет, Петька, не в жилу мне. Говори.
– Нет, ты сначала думай, а то сразу как-то неинтересно.
– Петька, давно картавишь?
– А ты давно заика?
(Смеемся друг над дружкой)
– Дядя Володя, а ты можешь не заикаться?
– А ты не картавить?
– Я уже почти не кайтавлю – не кар-р-ртавлю! Меня дядя Саня научил, как не картавить, папин друг. Только надо по сто раз на дню повторять.

И голос Петьки на всю речку:

*Ибаки ловили ибу,
А поймали яка.
Целый день они искали,
Где у яка съяка.*

(У меня аж вёсла из рук выпали от удивления).

– Это я так раньше картавил, а теперь я хорошо говорю. Рrrrrrrr!
(Плывём и ржём – что нам делать-то больше).

– Как, вообще-то, жизнь деревенская? – спрашиваю Петьку.

– Жить можно! Ты колбасу взял? Давай пожуюм? А то взгрустнулось что-то маленько. Я прутки железные взял – рыбу на них жарить.

Плывём, жуём – что нам делать-то.

Петька рассказывает:

– Ездили с мамкой в город на автобусе, и меня стошнило. Как вы в городе-то живёте?

Лодка упёрлась в корягу – приехали! Ни туда – ни сюда.

– Само то! – сказал Петька и взял в руки спиннинг. Здесь окуни!

Это у Петьки окуни, один за другим ловит, а у меня коряги, хорошо, что отцеп взял. Я коряги вытаскиваю, Петька окуней. Да как у него ловко получается: кидает в мою сторону между коряг точно, я кидаю туда же – точно в коряги. А то ещё на деревце одну блесну закинул, с леской обрезал, хорошая блесна, издалека видна – блестит. Другую прицепил, кинул на открытую воду для пробы и вдруг дёрнуло, да резко так – чуть спиннинг из рук не выпал.

Вот она – щука, появилась на поверхности, крутит по воде пропеллером. Петька с сачком наготове. Подвожу к лодке, она под лодку, опять подвожу (взмок весь и Петька тоже). Вдруг раз сачком под неё и в лодку, черпаком по башке и ржёт, показывая щуку – блесна-то её за пузо зацепила, ну, мол, и блёсны у тебя...

А щука хорошая, кило на три – душа поёт!

– Петька, айда чайку попьём с конфетками шоколадными!

Нет, Петька от конфеты не отказался, жуёт и рыбачит. Куда деваться – и я блесну кидая часа два ещё, и не заметили, как солнце уже в зените. Хорошо поймали – садок ходуном ходит. Причалили к мыску. Дрова рядом, окуни на прутки нанизаны, жарятся. Запах на всю речку, и комаров мало. Откушали по пятку окуней с угольками, в сон потянуло. А Петька опять за спиннинг, с берега кидает – вот душа неуёмная рыбацкая. Не клюёт. Напился чаю, занялся рыбой, переложил её осокой в яме под деревом, чтобы не согрелась до вечера. И ещё пяток окуней навесил над углями – сестрёнка любит, говорит. Вот какой у меня друг заботливый!

– Загадку-то отгадал? – спрашивает.

– Да разве её когда отгадаешь, вон как завернул.

– Ладно, она простая!

– Тогда говори!

– Нет, погожу маленько, может, и тебя приспичит, догадаешься.

– Нет уж Петька, не суждено мне. Я слышал, отец твой с характером, попадает тебе иногда?

– Да нет. За лето всего раза два уздечкой и то почти мимо – «ум-разум вкладывал». Если, говорит, в башке нет, оттуда не возьмёшь. Было бы за что, не так больно, как обидно. Санька Кочергин кучку куриную фуражкой старой накрыл, а я Вальке Новиковой показал, где птичка пойманная. Только, говорю, осторожно подлезай, а то улетит. (Петька ржёт.) Знаешь, как пахнет! Она ябеда!.. Мы с Санькой только хотели у бабки Дуни арбуз попробовать – у неё всегда почему-то быстрее спеют. И у неё ещё зелёные были. С Санькой козла бабки Дуни поймали. Он, гад, со своими козами у Саньки в саду весь виноград ободрал, не столько съели, сколько ухайдакали. Банку, говорит, консервную к хвосту привяжем, может, отучим по огородам лазить. Я за рога держал, а Санька привязывал. И дёру! Я теперь этого козла за километр обхожу – за мной бегают. За Санькой не бегают, а за мной бегают. Санька сначала хотел козлу под хвост перец красный стручковый засунуть, да не нашёл, отец, говорит, его весь со щами схлебал – никто б не узнал. А с банкой-то козёл по всей деревне бегал, вот нас и вычислили. Теперь он от бабки Дуни за километр прячется, а я и от бабки, и от козла прячусь. А ты спрашиваешь, какая у нас жизнь деревенская? (Смеётся). Ни вздохнуть – ни пукнуть... Мы с отцом на рыбалку ездили. Танюшка (сестра пятилетняя) тоже на рыбалку захотела. Вперёд нас прибежала на речку, залезла в лодку, уцепилась руками за борт, орёт и не вылезает. Мы с папкой посидели на берегу маленько, подождали. Сама убежала – комары заели. Я поймал на спиннинг три окуня, отец на жерлицы щуку большую, еле сачком вытащил. Туристы мимо проезжали на катере (так у нас городских зовут), отец обменял у них щуку на «пузырь» (бутылка водки). Ещё поймает,

говорит. Я поймал два окуня, папка ничего не поймал, потому что к нам подчалил дядя Саня, и они стали «причащаться». Я ещё поймал окуня, а у них «пузырь» соскользнул в воду. Шарили, шарили по дну сачком, только муть подняли, а «пузырь» не нашли. Дядя Саня поехал за другим. Я ещё поймал одного окуня, а другой ушёл и адрес не оставил. (Смеётся). А папка ничего не поймал. Дядя Саня приехал. Айдайте, говорит, домой. Солнце высоко, клевать не будет. Посмотрел на наш улов в садке и накидал нам из своей корзинки карасей. Я пошёл с рыбой домой, а папка с дядей Саней остались на берегу. Мамке сказал, что папка рыбачить остался – клюёт дуром.

Солнце тоже дуром палит (вот ведь – с кем поведёшься...). Искупались, чаю напились. И вдруг ветер! То на речке гладь зеркальная была, а тут волны с бурунами, то жара, и вот аж холодом потянуло. И темно – тучи, как одеялом, накрыли всё. Лесины тонкие гнёт до воды, а кустарник и камыш стелет, как траву. Тушим костёр, собираем всё побыстрому в рюкзак и в лодку. Оттолкнулись от берега, и нас подхватило ветром, и хорошо, что ветер и течение речки в нашу сторону – домой, рулю только веслом, как под парусом. Слышим и видим – полоса дождя нас догоняет. Догнала! Дождь как из ведра, а то крупными каплями по голове, как барабанными палочками. Петька полез под меня (хитрый Митрий) в нос лодки под сиденье. А мне деваться некуда – рулю.

Слава Богу – вот и причал наш, ткнулся носом лодки в берег. Лодку тотчас же развернуло бортом к волне. Я к Петьке в передок лодки под сиденье, благо лодка большая и места хватило. Лежим, как в люльке – лодку раскачивает волнами. Вода прибывать стала – волна за бортом, волна в лодке. Но горизонт уже начал очищаться от туч, солнце пробилось сначала тонким лучиком и вот засверкало, заструилось во всей своей ожидаемой красоте. Дождик ещё рябил воду порывами ветра, и волна шла, раскачивая лодку, но уже ленивая, с перекатом.

– Замёрз, как цуцик, – сказал Петька, вылезая из укрытия.

Пол-лодки воды, и мы, как суслики из воды вылитые, грязные.

Петька в речку, я за ним. Вода теплее, чем в лодке. Купаемся и ржём – вот это у нас рыбалка была!

Хитрый Митрий-Петька достал мою блесну с деревца, спилив его. Да плюс две подаренные. Бог, говорит, троицу любит. Вот какой у меня друг!

А загадку я отгадал – чего и вам желаю! Неоднократно и с удовольствием.

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Родился 26 июля 1943 года в г. Свободном Амурской области. Первые стихи опубликованы в газете «Красноярский комсомолец» в 1958 году. После школы работал токарем на заводе телевизоров, публиковался в заводской газете «Телевизор». Окончил Красноярский медицинский институт (1967), работал врачом-психиатром в Нижне-Ингашском районе Красноярского края, где три года руководил литературным объединением «Родник» при районной газете. Три года служил в армии военным врачом. Участвовал в фестивале бардовской песни в Новосибирском

Академгородке в одном концерте с А. Галичем, Ю. Кукиным, А. Дольским (1968). Заочно окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве (1977), в числе творческих руководителей были Роберт Рождественский и Владимир Цыбин. Член Союза писателей СССР (с 1981) и Союза российских писателей (с 1991). Автор нескольких книг поэзии и прозы, в т.ч. «Качели» (1972) «Жить да жить» (1979), «Земные заботы» (1983), «Я не устану жить» (1985), «Музыка – жизнь» (1986), «Всё к лучшему» (1990), «Внушение на расстоянии» (1992), «Земное и небесное» (1996), «Навсегда и обо всём» (1997), «Концерто гротто» (1998), «Театр одного актёра» (1998), «Самоцветы» (1998), автор цикла рассказов «Мифы про Абаканск» (1998), книг прозы «Компромат» (2001), «Харакири» (2003). Публиковался в коллективных сборниках «Будем друзьями» (1964), «День поэзии» (1967). Лауреат премии «Хинган», обладатель Почётной грамоты Министерства культуры РФ (2012).

* * *

Бесплотно-нервно-
сентиментален –
живой скелет! –
Хочу быть первым
среди проталин
на склоне лет...
Звени, подснежник!
Пой, колокольчик!
Звучи, мотив, –
Весенний, свежий –
меж пней и кочек,
пока я жив...

* * *

Чего тут судить и рядиться?
Спасибо, отец и мать!
Я сам захотел родиться,
Чтоб жить и не умирать...

* * *

Звонок ноль три... И вдруг – больница,
Многоэтажный жуткий дом...
Где то, что жизнь не повторится,
Все понимают, хоть с трудом...

* * *

Что такое происходит?
Все, кому хотел помочь,
Неожиданно уходят
Прочь – в космическую ночь...
Где магнитный Млечный путь
Светит так, что не свернуть...

* * *

Я жизни учился
у мёртвых поэтов.
Стихам причастился,
любовь исповедав...
И, жизнь проповедуя,
с ними живу,
Ступая по следу –
во сне ль, наяву...

* * *

Боже, что за благодать:
Загадать, предугадать,
Отгадать и выгадать,
Угадать и выиграть!

* * *

Загубили, гады, запинали
Лучшего поэта всей земли...
Пили водку, ели, вспоминали –
И ни слова вспомнить не смогли.

* * *

Жизнь моя – огонь в крови,
Наслажденье сплавив с болью,
Началась, увы, с любви
И закончилась с любовью...

* * *

Я болею одиночеством,
Ты болеешь одиночеством,
Но – влюблённые умы –
Знаю, вылечимся мы!

* * *

Древние греки любили мыть ноги
Новым гостям...
Ну, проходи же, не стой на пороге.
Я рад новостям!

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Красноярский край, г. Сосновоборск

Родился 24 июля 1963 г. в п. Хандальск в Красноярском крае. После демобилизации из Советской Армии служил в МВД на различных должностях. В 2006 году вышел в отставку. Автор двух романов и множества рассказов. Печатался в журналах «Российская литература», «Современная литература России», «День и ночь», «Енисей», «Белая скала», «Сура», в коллективных сборниках издательств «Перископ-Волга», «Дикси-Пресс» и др. Лауреат Международного литературного конкурса «Русская душа», посвящённого 90-летию В. М. Шукшина (2019), литературного конкурса Русского космического общества «Империиум человека. Эра косматики» (2020), победитель творческого конкурса, посвящённого противодействию идеологии терроризма и экстремизма в номинации «проза» (2020), победитель второго Международного конкурса русской литературы «ЛитПроСвет», 3 место Международной литературной премии «Простак за границей» им. Марка Твена (2021), финалист Международной литературной премии «Ступень к Парнасу» (2021), лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022».

ЗНАМЯ

На первый взгляд это были самые обыкновенные дети. Они точно так же, как и другие ребята, играли, качались на качелях, бегали, прыгали, баловались. Однако временами начинали вести себя не так, как должны вести себя обычные дети. Начать хотя бы с того, что они старались держаться поближе друг к другу. Но дело не в этом – мало ли как бывает. Может, жили в одном дворе и, попав в незнакомое место, старались быть друг к другу поближе.

Необычным было то, что они иногда замирали на месте и начинали прислушиваться, тревожно озираясь по сторонам. И если не дай бог в это время где-то раздавался громкий звук, неважно какого происхождения, они как по команде срывались с места и бежали к подвалу. Поначалу, когда дверь в подвал была закрыта и дети не могли в него попасть, у них начиналась истерика. Так продолжалось до тех пор, пока я не распорядился оставлять дверь в подвал открытой.

Этих детей в наш детский дом привезли месяц назад из разрушенного войной Мариуполя. Они были круглыми сиротами. Потеряли родителей.

Они привыкли бояться. Их мозг, манипулируя страхом, помогал им выживать там, где даже взрослому человеку приходилось туго. И чтобы рассудок оставался нормальным, природа предусмотрительно приглушила боль от потери родных людей, загнав осознание этого на задворки разума.

Некоторые из них вообще без взрослых неизвестно как выжили в подвалах разрушенного города. Поначалу их расселили в разных группах, поделённых на семьи, но ничего не вышло. Каким-то непостижимым образом вновь прибывшие в течение двух дней вычислили друг друга и стали держаться вместе.

Я точно знал, что большинство из них раньше друг с другом даже не были знакомы. Из двенадцати детей только трое знали друг друга – их обнаружили в одном из подвалов дома, где они прятались, питаясь чипсами и сухариками, которые набрали в разрушенном неподалёку магазине.

На ночь дети собирались в одной из семей и наотрез отказывались расходиться. После этого мне пришлось выделить для них отдельное помещение и создать семью, состоящую только из этих ребятишек. Но самым кошмарным было то, что на ночь они забирались спать под кровати. Никакие уговоры не действовали, ничего не помогало. Наши психологи с ног сбились, пытаясь найти к ним подход. У меня уже стали появляться мысли, чтобы поселить их в подвале...

В дверь кабинета постучали.

– Войдите! – откликнулся я и негромко добавил: – Не заперто.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич! – вприпрыжку в кабинет старший воспитатель Вера Андреевна, или Верочка, как за глаза называли её воспитанники детского дома. – Алексей Николаевич, баба Надя... простите, Надежда Ефимовна, – смущённо поправилась она, – просит, чтобы мы сегодня разрешили ей, перед тем как укладывать детей спать, поговорить с Мариупольской группой...

– Присаживайтесь, Вера Андреевна, – кивнул я на стоящий возле стола стул, дождался, когда воспитательница устроится и спросил:

– И о чём же она собирается с детьми говорить?

– Я не знаю. Она не сказала, – растерянно пожала плечами Верочка. – Она давно работает, может, у неё получится как-то повлиять на них?..

Это правда. Надежда Ефимовна работает воспитателем давно. Можно сказать, с детства! Она всегда работала с детьми, другой профессии у неё нет. Недавно ей исполнилось семьдесят пять лет. Однажды, когда её в шутку спросили, не собирается ли она оставить свою хлопотную работу, она ответила, что ещё слишком молода, чтобы отдыхать на пенсии.

– Ну что же, пускай попробует, – согласился я, – плохого точно не расскажет.

– Так, хорошие мои! – раздался из-за двери негромкий голос бабы Нади. – Давайте-ка все напротив меня устраивайтесь, пока время есть, я вам хочу одну историю рассказать.

Я воровато осмотрелся и, поняв, что в коридоре никого нет, наклонился ухом поближе к двери.

За дверью раздался галдёж, и заскрипели кровати.

– Ну вот, вижу, разместились, – довольно проговорила баба Надя, и вдруг со смешинкой в голосе добавила:

– Осталось только нашего уважаемого директора, позвать, который стоит за дверью! Надеюсь, вы не будете против, если он вместе с вами послушает?

Чертыхнувшись про себя, я толкнул дверь и вошёл в комнату.

Как и ожидалось, все дети разместились на нескольких кроватях и с плохо скрываемым нетерпением смотрели на меня. Мол, припёрся тут! Слушать мешает!

Ни слова не говоря, я уселся за спиной у воспитательницы на свободную кровать и осмотрелся. Перед бабой Надей разместились все дети, кроме одного – девятилетнего Стёпки, который, насупившись, скрестив руки на груди, сидел на своей кровати отдельно от остальных детей.

Этот был самый проблемный. Складывалось впечатление, что он совершенно одичал в развалинах и жил какой-то своей жестокой жизнью. Он никому не давал прохода. Задирался со всеми, даже с мальчишками, которые были старше его и явно сильнее. Но больше всего почему-то доставалось тем, кто, как и он, прибыл из Мариуполя. Ему неоднократно предлагалось перейти жить в другую семью, но он категорически от этого отказывался.

– Я не знаю, правда это или нет, – между тем начала баба Надя, – было это на самом деле аль придумал кто, но, сказывают, что произошло это в вашем городе...

Баба Надя задумалась и погладила лежащий на её коленях сверток.

– А чего произошло-то? – спросила сидевшая ближе всех к воспитательнице светловолосая девочка, которую все звали Светиком.

– Чего, чего... – ехидно передразнил девочку Стёпка. – А то ты не знаешь! Война началась с нациками! Вот что случилось!..

Баба Надя вздохнула:

– Да дружок, началась война с ними. И стали эти злыдни битву проигрывать. Начали волтузить их так, что только пух и перья полетели. Когда же стало ясно, что не видать им победы, решили они сгубить тех, кто прятался от них в подвале одного из домов. Собрались они всем своим отрядом и зашли в этот подвал...

Баба Надя помолчала немного, горестно качая головой, а потом тяжело вздохнула:

– Много людей в подвале том от них пряталось. И женщины там были, и старики, и деток малых много было. Увидел это самый главный нацик, обрадовался. Некому было заступиться за людей. Безнаказанно можно своё чёрное дело совершить. Приказал он своим солдатам убить всех, кто находился в подвале. Но не успели они! Только подняли своё оружие, как вдруг встала перед ними старая женщина и развернула в руках полотно...

Баба Надя замолчала и опять погладила лежащий на коленях свёрток.

В комнате стояла тишина. Дети, открыв рты, замерли на кроватях, уставившись широко открытыми глазами на воспитательницу.

Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Стёпка:

– Они же их не убили? – хрипло спросил он, потом откашлялся и повторил: – Не убили ведь?.. Правда?!

Баба Надя, как будто не слыша вопроса, продолжила:

– Увидели нацики полотно, и ужас охватил их. Закричали они от страха! И тогда их главный завопил: «Убейте её немедленно! Убейте их всех! Всех!.. Никого не щадить!..». И начали они стрелять!.. Но ничего у них не получалось. Не могли пули пробить полотно, которое держала перед ними женщина. Отскакивали пули от него и летели обратно, поражая самих нациков.

Долго стреляли они. Уже целая гора из их тел лежала рядом с главарём. И тогда оставили силы старую женщину... Не удержала она полотно... Выпустила его из ослабевших рук...

– Ой!.. А они что, всё-таки смогли людей убить?! – прошептала Светик и закрыла рот ладошками.

– Нет, солнышко моё, – улыбнулась баба Надя и, наклонившись к девочке, погладила её по голове. – Не смогли они людей убить. Подхватил полотно мальчик, вот такой же, как ты! – кивнула она Стёпке. – И возраста такого же!.. Ты даже похож на него. Очень похож!.. Поднял! – повторила она, возвысив голос. – И закрыл людей!

И опять закричали от страха злодеи, и начали стрелять пуще прежнего. И билось полотно в руках мальчика от попадающих в него пуль, вырывалось, но он держал его крепко. Понимал, что если не справится, выпустит его из рук, защитить людей больше будет некому. Из последних сил держал. Уже все злодеи полегли от собственных пуль. Остался только самый главный. Понял он, что не сможет пробиться к людям, и бросил в мальчика бомбу...

В спальне повисла напряжённая тишина. Казалось, что дети даже дышать перестали. Светик всхлипнула. Но баба Надя дело до слёз не довела.

– Не повезло главному нацику! Глупый он был и дурной! – вздохнула она. – Отскочила бомба от полотнища, как те пули, и угодила ему прямо в лоб!.. В общем, только мокрое место от него и осталось...

И тогда Светик засмеялась. Она смеялась так заразительно, что, глядя на неё, уже все дети покатывались, повалившись на кровати.

– Это неправда! – раздался вдруг Стёпкин голос. – Бомбы с самолётов бросают! Главарь, наверное, гранату бросил...

– Не знаю, хороший мой, может и гранату, – грустно улыбнулась баба Надя, – не разбираюсь я в оружии. Ты лучше помоги вот это к стене спальни прикрепить, – и она, встав со стула, развернула перед собой красное полотнище, которое вытащила из пакета.

Я не удержался и подошёл поближе. Глядя на меня, воспитательницу обступили и другие дети.

Это было красное знамя! Обыкновенное знамя, в верхнем левом углу которого белой краской была нарисована звезда.

– А я знаю, что это! – сказал вдруг Стёпка, и провёл рукой по красному полотну. – Это флаг!.. Красный флаг! Я такой на картинках видел.

– Это ведь из того подвала?.. Из того?.. Правда же?.. – прошептала Светик и тоже потрогала знамя рукой. – Это его пули пробить не могли?! А почему они его пробить не могли? А откуда оно у вас? А кто вам его дал?..

– Да, это оно, – засмеялась баба Надя, – а на другие вопросы я отвечу завтра, а сейчас время уже позднее, давайте-ка по своим местам! Укладываться пора.

Дети сами во главе со Стёпкой, приколоты знамя кнопками к стене рядом с дверью и разошлись по своим койкам. Первый раз они ложились спать на кровати, а не забивались под них, стараясь спрятаться от страшного мира.

На город опустилась ночь и, как губка впитав в себя резкие звуки города, вывалила на него полчища мотыльков и другой ночной живности. Я сидел на крыльце, слушал ошалелый треск сверчков и улыбался, представив удивление Верочки, когда она завтра утром придёт проверить, всё ли в Мариупольской семье в порядке. Дети спали. Спали каждый в своей кровати.

Всё оказалось просто. Им нужна была защита, и баба Надя дала им эту защиту. Защиту, которая не только отражала нападение, но и могла уничтожить саму опасность.

Конечно, дети понимали, что простая ткань не может удержать пулю. Но для них это знание не являлось определяющим. Всю свою сознательную жизнь они хотели жить в безопасности и, как только им предложили её символ, они приняли его сразу же, безоговорочно. Ухватились за него как за спасательный круг.

И кроме того баба Надя, словно подсмеиваясь над нашими специальными познаниями в области детской психологии, несколькими словами из ошестившегося зверька сотворила защитника.

Я почему-то был уверен в том, что Стёпка никогда больше не будет обижать других детей. Не сможет! Он ведь так похож на того мальчика, стоявшего под пулями со знаменем в руках.

Несложно было догадаться, о чём баба Надя завтра будет рассказывать детям – о великой стране, одержавшей победу в грандиозной битве с чёрной силой. И о красном знамени, водружённом над логовом побеждённого зверя! Знамени, которое по прошествии стольких лет продолжает оберегать людей от зла.

ПРОРЫВ

Они подходили к микрофону и говорили. Кто-то говорил негромко, проникновенным голосом. Кто-то, напротив, почти кричал, и в гневе сжимал кулаки. Они говорили для меня, для нас. С ними были согласны все, кто здесь находился. Это было заметно по лицам людей. Правильно они говорили. У меня такие же мысли.

Я стоял неподвижно. Стоял и слушал. Я был здесь не один, нас много! Такие же, как я, стояли слева и справа от меня. Прямо передо мной замерли по стойке смирно мои друзья. Нет!.. Они не друзья, братья они мне. Мы одна семья. Они воины. Мы все воины. Мы были рождены для битвы. Мы учились этому.

И вот время пришло!.. Стране понадобились наши силы и умения. Она обратилась к нам за помощью, и мы пришли. Мы не могли не прийти! Мы!.. Кровь от крови своей земли. Плоть от плоти её! Мы её дети!..

Дана команда – и всё пришло в движение. И я услышал своё сердце. Оно грохочет и рвётся туда, где идёт бой. Где снаряды швыряют вверх тонны земли и свистят пули. Где погибают люди. Где перестаёт быть всё живое. Где умирают деревья...

Мне не страшно. Мы сильные. Я сильный!.. Земля, из которой я вышел, дала мне эту силу.

Мы идём, пядь за пядью освобождая от чумы фашизма города, сёла, поля и реки. Его долго и заботливо возвращали враги рода человеческого. У них получилось. Они вновь выпустили его на волю, и теперь смотрят, как он пожирает всё живое! У них короткая память. Они забыли, что этого

монстра приручить невозможно. Он в конце концов пожрёт и своих создателей.

Мы идём через разрушенные города и горящие деревни. Через покрытые оспенными воронками поля и уничтоженные сады. Через разрушенные колодцы и затоптанные родники.

Мы идём, спасая жизни людей и души заблудших врагов.

Мы идём!..

Мы идём через жару и пыль. Через дожди и грязь. Через мороз и снега.

Мы знаем, что за нашей спиной возрождаются города и смеются дети. Значит, правда на нашей стороне! Значит, мы всё делаем правильно!

Мы идём, теряя братьев и сестёр.

Я вижу, как склонив головы, плачут мужчины. Настоящие мужчины. Они неумело вытирают слёзы ладонями... Это страшно. На это не надо смотреть. Но я смотрю. Смотрю, чтобы запомнить, чтобы это врезалось в меня снарядами осколками. Они не должны давать мне покоя. Раны от них должны болеть всегда! Болеть за погибших воинов, за женщин, за стариков. За наших мадонн!.. За убитых ангелов!.. За детей наших!..

Я не умею плакать. Плачу вместе с дождём, и слёзы-капли смывают с меня кровь моего брата. Я вижу, как ему закрывают глаза. Он остаётся... Прости брат!.. Прости, что не уберёг тебя!.. Ты навсегда останешься со мной. Я никогда не забуду тепло твоих рук.

А нам надо вперёд!.. Только вперёд!.. Где-то там впереди по нашей земле ползут, разрушая храмы и сжигая книги, звери-крестоносцы!

Но им недолго осталось топтать наши нивы! Я знаю, где они. Я открыл на них охоту!

Бойтесь, твари! Я уже рядом. Я пришёл!

Я – русский танк «Прорыв»!

Тамара ПИРОГОВА

г. Ярославль

Родилась и жила в городе Рыбинске Ярославской области. Более двадцати лет живёт в Ярославле. Окончила факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, работала в редакциях радио и газет. Много лет была руководителем рыбинского городского литературного объединения. Автор двух десятков сборников поэзии и прозы. Публиковалась в журналах «Невский альманах», «Южная звезда», «Молодая гвардия», «Литературная Галактика», «День и ночь», интернет-изданиях «Парус», «Великороссь», «45-я параллель», «Камертон». Член правления Ярославского регионального отделения Общероссийской общественной организации писателей «Литературное сообщество писателей России», член Союза журналистов РФ. Лауреат конкурса московского Рубцовского центра «Звезда полей», дипломант всероссийских поэтических фестивалей и конкурсов.

НОВЕЛЛЫ

О РОМАШКЕ И ДРУГИХ

Ромка обожал собаку. До чего хорош был этот рослый кобель с его длинной шоколадной шерстью, умными глазищами и улыбочивой мордой! Он знал и отменно выполнял все собачьи команды, весело прыгал вокруг Ромки, когда по два-три раза в день они выбегали во двор порезвиться. Смешная кличка была у пса – Киль, а Роман называл его Килькой.

У Ромы никогда не было своей собаки. Жизнь уже изрядно потрепала его. Отец с матерью рано умерли, а бабушка, взявшая мальчика к себе, болела астмой, не до собак было. Окончив школу, Роман работал то грузчиком на рынке, то землекопом на рытье колодцев, то подсобником на стройке. Надо было как-то жить в лихие девяностые, поэтому настоящую профессию он так и не смог получить, добывая трудовую копейку. Да и погулять хотелось с ребятами и девчонками, не до ученья было. Женился Ромка дважды и оба раза разводился по причине нехватки денег и из-за любви к свободе. После второго брака осталась дочка.

Недавно в компании подседа к нему женщина, уже немолодая, но миловидная, и стала обнимать, приговаривая, что, дескать, какой хороший парнишечка один пропадает. Она давно уже его заметила среди общих знакомых, и захотелось ей позаботиться о Ромашке. Недолго же и спиться ему, опуститься.

Лида считала себя женщиной приличной, работала поварихой в столовой, взрослый сын жил с семьёй отдельно. Но при этом любила посидеть в молодёжных компаниях с девчонками, знакомыми по работе, выпить с ними, тоску развеять. Муж у Лидии давненько умер, и ей одиноко было в своей однокомнатной квартире, а сплетничать

с соседками-старухами никак не по характеру. Завела она себе собаку, да ведь с Килем-то не споёшь, не спляшешь. Даже в церковь стала ходить, молиться о прощении души своей грешной.

И вот положила она глаз на Романа. И от жалости к нему, и от одиночества, и от потребности души своей молодой. Ну скажут: ему – тридцать, а ей сорок пять. Да кому какое дело, в конце концов? Она, как говорится, ягодка опять, а Ромке с нею будет и тепло, и сытно. Так они и слюбились, стали жить в его холостяцкой малосемейке.

Уже целый месяц Роман нигде не работал. Не хотелось вкалывать за гроши, а на серьёзную работу его не брали, так как не было документов о какой-нибудь путной специальности. Бегая с собакой на очередной прогулке, он не думал об этом, потому что жизнью своей теперь был доволен. Лида приносила ему еды из столовой, да и бутылочку всегда прихватывала. И как с ней весело было! Она и песни звонко пела, и плясала. И ночью с ней было хорошо и сладко. Стал он ей доверять во всём и рассказал Лидусе, что бывшая жена одолела звонками, надоела своим нытьём – хотела бы она прописать в его квартире их дочку Лару.

Да, Маня не забывала бывшего супруга. Ей не давала покоя мысль, что квартира, оставшаяся Роме после смерти бабушки, пропадёт, достанется неизвестно кому. Снова и снова она названивала – Ромочка, ведь дочка любит тебя, хочет увидеться, надо бы нам встретиться, поговорить. Ну не чужие же мы, хоть и разведённые, да я и не помню обид и ругани нашей. Пусть я тебе не нужна, да хоть Ларочке оставь квартирку, пропиши её, вырастет и будет ухаживать за тобой в старости...

– Ромашка, иди ужинать! – позвонила по мобильнику Лида.

– Килька, пора домой, нас ждут! – Ромка с собакой побежали в подъезд.

Лидуся принесла сегодня много вкусного и обязательную бутылочку. Когда устроились на диване с рюмками в руках, она, улыбаясь и чмокая его в щёку, заговорила неожиданно:

– Давай пропишем здесь мою внучку, и ты будешь со мной всю жизнь как сыр в масле кататься. Ладно, это шутка, а если серьёзно, то давай обменяем наши однушки на двухкомнатную квартирку и заживём припеваючи. Твоей Маньке нечего рот разевать на чужой каравай. Бросила тебя, безработного, ушла к другому, и вдруг ей прописку обеспечить. Нечего с ней связываться, раз куском хлеба не помогла.

Роман насторожился и буркнул в ответ, что и Лидке нечего зариться на чужое добро, мол, сами с усами, и лёг спать на раскладушке. Но спалось ему плохо в эту ночь, в голове метались мысли о жадных бабах, о том, что надо искать работу и что давно не платил за коммуналку. Он гладил лежавшего рядом Киля. Вот один только настоящий друг, но и его ведь надо кормить...

На следующее утро, как только Лидия ушла в столовую, Роман начал обзванивать друзей насчёт работы. Разговоры с ними расстроили его ещё больше – каждый выживал как мог. Посоветовали встать на учёт на бирже труда. Там ведь есть и группы обучения, и дают адреса организаций, куда можно устроиться. Ну что ж, это шанс, и Ромашка отправился на биржу, где прежде не бывал.

Там ему дали несколько адресов. Полгорода прошёл пешком, денег на автобусы не было, и везде получил отказ, свободных рабочих мест уже не имелось. Попались на глаза объявления – приглашали на ремонт церкви за еду и одежду, звали учеников в мастерские, но Роману срочно нужны были деньги. И тут встретился ему на улице давнишний дружок Мишка, с которым в школе учились. Тот шёл с кладбища – отца недавно похоронил, и предложил посидеть где-нибудь, помянуть батю и поговорить. Роман согласился, Мишка купил дешёвую поллитровку в ближайшем магазинчике, и пошли они в Ромкину квартиру, где голодный Киль терпеливо ждал хозяина.

По дороге разговорились о работе. Приятель подрабатывал на мойке машин и был доволен жизнью – ещё и чаевые давали. Он пообещал Роману завтра же пристроить его там.

– Ну и, слава Богу! Повезло! Вот и не буду зависеть от Лидки! Ишь, как заговорила – оттяпать мою квартиру захотелось! Нет уж, от неё подальше надо держаться, сегодня же и выгоню её, а то напоит какой-нибудь пакостью и заставит подписать бумаги по обмену квартиры. Сколько таких случаев было! А потом мне под её дудочку плясать? На фига мне эта старуха! Только бы Кильку мне отдала... – такие мысли заиграли в Ромашкиной голове, пока Мишка на ходу рассказывал о своём житье-бытье.

В квартире Киль встретил друзей громким лаем. Ромка быстро накормил собаку, благо в холодильнике оставались остатки вчерашнего ужина. Хватило еды и на закуску. Неторопливо, посмеиваясь над Килем, который разлёгся на диване, они уселись за стол. Первую стопку выпили за помин души Мишкиного отца, потом за встречу, за всё хорошее, и затянулись разговоры надолго.

Приятель тоже разводился не один раз, но не сетовал на одиночество и неурядицы. Вдруг он предложил Роману уехать куда-нибудь на заработки. Жильё сдать квартирантам, пусть денежки копятся, да хочется и на мир посмотреть, нечего тут в захолустье киснуть... Ромка согласно кивал головой. Вот только рассчитаться за коммуналку, да и ехать.

Неожиданно хлопнула дверь – вернулась с работы Лидия. И конечно, заохала:

– С кем ты тут расселся? Вот ещё не хватало всяких пьянчужек сюда водить... Ишь, как развезло, двух слов уже не можете связать. На себя

посмотри – на ногах ведь не стоишь! Надо же, с одной бутылки упились в дым. Ладно уж, ложитесь на диван, раз лыка не вяжете. И с собакой даже не погулял!

Лида ушла на кухню. Она убрала в холодильник еду, принесённую из столовой, покормила Киля и заторопилась с ним во двор.

«Что это сегодня с Ромкой? Куда его приятель подбивает? Надо ухо остро держать, а то ведь упущу такой шанс... Может, пригрозить, что брошу его? Нет, буду с ним ещё ласковой, умаслю, покобенится, да и согласится. Ещё одну собаку куплю ему, пускай тешится. Ведь живёт со мной как сыр в масле, всё для него делаю. Ну что ему надобно ещё, нищему пропащему мужичонке?» – думала Лидуся.

Она вернулась в квартиру через час и онемела от ужаса – оба приятеля лежали с позеленевшими лицами, судорожно дыша, с пеной у рта. Лида дрожащими руками схватила мобильник и вызвала скорую.

«Верно, водкой отравились... Жалко и Ромку, и себя. Всё пропало! Манька, что ли, сглазила нас? Только бы в полицию меня не загребли! Да я-то здесь при чём, на работе была. Ой, недосмотрела за полюбовничком... Ишь, как на меня окрысился давеча, гнать начал, да я-то как лучше хотела», – едва не теряя сознание, шептала она свои жалобы собаке, которая жалась к ногам и поскуливала, словно стонала от свалившегося горя.

Скорая приехала быстро. С помощью соседей вынесли уже не подававших признаков жизни парней к машине. Лидия не спала всю ночь, названивая в приёмный покой. Уже под утро ей сообщили, что Мишку вроде откачали, а Романа спасти не удалось – скончался от палёной водки.

Лида, всхлипывая и ругаясь, порылась в карманах Ромкиной куртки и нашла в маленьком блокноте номер телефона его бывшей супруги.

– Ищи в морге своего Романа, водкой отравился, думай, кто хоронить его будет. Приходи за ключами от квартиры ко мне в столовку... Родная дочка теперь владелица чёртовой однушки! – кричала в трубку Лидия ненавистной Маньке.

Та в ответ расхохоталась.

Киль тихо лежал у ног хозяйки, которой уже пора было отправляться на работу. Она поглядела на собаку – пусть до вечера тут побудет, еда есть. И стала одеваться, думая, что надо бы в церковь сходить, заказать панихиду. В общем, похоронить, как положено, проститься с Ромочкой. Прикипела ведь к нему всем сердцем, да самой исповедаться надо, снять с души грехи...

МИЛАШКА

Мила тихо сидела у кровати спящего Алексея, смотрела на его измученное лицо, и мысли, одна мрачнее другой, словно сокращали жизнь и его, и её самой:

– Спит... Во сне, конечно, легче ему. Хорошо, что снотворное помогает. Рак горла – куда уж хуже. Уже почти не слышно, что и говорит. Уколы-то снимают боль или нет? Видать, всё же помогают, раз спокойно лежит... Господи, как я устала! Глаза уже не глядят на эти больничные стены. Сама смерть ходит-бродит по этим коридорам. Врачи вроде утешают, говорят, что делают всё возможное. И сколько времени протянется такая маета, никто не скажет. Одному Богу ведомо. Надюша, подруга, как сестра родная – ставит свечи в церкви, люди сказали, что поможет. Надо хоть принять валерьяночки да подремать, пока тихий час...

Резко зазвонил мобильник. Мила схватила телефон с тумбочки и выбежала в коридор, поглядев, не проснулся ли Лёша. Тот лежал неподвижно с закрытыми глазами. Милашка – так частенько называл её Алексей – вздохнула, услышав далёкий, в слезах, голос матери, и быстро отвечала, не давая той разрыдаться:

– Скоро приеду к тебе, скоренько, не переживай! Господи, уж держись сама, чуть что – зови соседку помочь. Да знаю, знаю, что к тебе скорую вызывали – Дуся мне звонила. Принимай все таблеточки... ну что ж делать, раз Лёшеньку так подкосило, лежит почти что неживой. И сидеть с ним некому, окромя меня. Столько лет с ним прожили, и тебе помогал чем мог, то денежкой, то ремонтом по хозяйству. Да не плачь! Врач утешает – и такие живут и год, и два. Не знаю, что лучше для него. В общем, жди меня.

Мила вернулась в палату. Лёша медленно поднял руку и прижал пальцы ко рту. Пить хочет. Мила взяла чашку-поилку и поднесла её к потрескавшимся губам. Он неловко сделал несколько глотков, вода потекла по щеке и по шее. И снова замер... Мила села рядом на стул, закрыла глаза, и снова сами по себе потянулись воспоминания.

Да было, было с Лёшиком немало приятных деньков. Познакомились в компании в день рождения подруги. Он пришёл с приятелем и сидел в сторонке, потягивая пиво. Милка пришла одна. Муж недавно умер, был пьянчужкой, любил подраться с любым по любому поводу, и ей перепало иной раз под горячую руку. Мать твердила, что лучше развестись. Да вот Бог и прибрал его по своей доброте. Васька выпил палёной водки и умер от остановки сердца. Отмаялся. Слава Богу, детей у них не было.

И вот новый кавалер появился, Милка и не мечтала о таком шансе. В тот раз она с Алексеем быстро разговорилась, и как он сразу ей

понравился! Мужчина видный, спокойный, бывший лётчик с хорошей пенсией. И тоже одинокий, приехал навестить бывшую жену с сыном. Сына он любил, не забывал, деньги и подарки посылал. Ночевать у своей бывшей Алексей не хотел, и один знакомый привёл его к Надюхе на день рождения – у хозяйки и переночуешь. А Мила обратила на него внимание, о себе начала рассказывать, да и предложила идти к ней на ночь.

И сошлись две одинокие души. Лёше понравились Милкины ласковость и простота. Конечно, он тоже любил выпить, но меру знал, тем более, что несколько лет назад перенёс инсульт. Подлечили его удачно, без последствий. Остался жив-здоров, но от полётов пришлось отказаться.

Мила зацепила бывшего летчика обаянием, лукавым взглядом серозелёных глаз, да и слушалась его. Захотелось Алексею осесть, даже комнатку купил. В общем, свили гнёздышко. Сначала жили в двухкомнатной квартирке с матерью Милы. Лёша оказался мастером на все руки, женщины только ахали. Он отремонтировал все трубы и краны, привёл в порядок обветшавшие стены и полы, на свои деньги купил дорогие обои, линолеум и плитку. И тёща готовила ему обеды, от которых он, как сам говаривал, обалдевал – отвык от семейной жизни.

И всё-таки «молодые» решили уединиться в Лёшиной комнатке в коммунальной квартире, хотя Милке пришлось жить на два дома – не оставишь старенькую маму в одиночестве. Но она не сетовала на жизнь, радуясь своему новому счастью. Так пролетело несколько лет. Жили хорошо, в рестораны ходили, в кино, к друзьям телевизор посмотреть за бутылочкой. В парки на аттракционы и Лёшиного сына брали с собой. Одежду хорошую покупали, даже заводские подружки завидовали.

И откуда болезнь эта взялась, подкралась с какой стороны? Как будто сглазил кто-то – уж не подруга ли загадочная? Об этом думалось иногда Милашке. Да нет, Надька была, в общем-то, надёжной, разговоры у них, кажись, были откровенные...

В палату вошёл врач, сказал, что на завтра назначена последняя процедура и затем выписка из больницы. Дальше домашний режим, а чем лечить, всё будет сказано. Мила вроде и обрадовалась – наконец-то домой, подальше от мрачных больничных стен. Да тут же и призадумалась. А куда домой-то? Если в Лёшину комнатку, то как быть с матерью, которой тоже нужен пригляд и забота? Эта мысль буквально пронзила Милку. Куда ехать с умирающим?

Полчаса, наверное, она просидела в оцепенении, глядя на спящего Лёшеньку.

– Поеду-ка с ним в материну квартиру, – решила, наконец. – Мать будет в одной комнате, а Лёшик в другой. Он ведь говорить почти не может, не услышит она никаких криков, жалоб, слёз и прочего, будет

сидеть и телевизор глядеть. А я буду их обихаживать. Да, так! Сейчас мамке позвоню...

Разговор с матерью получился тяжёлый. Та ни в какую не хотела, чтобы Алексей умирал в её квартире. Мол, тогда она быстрее сама скончается от мысли, что рядом раковый больной. И заплакала – вот, родная доченька променяла её на постороннего мужика. Пусть устраивает его куда-нибудь, в хоспис, может, или сиделку можно нанять...

Но Милка решилась и привезла Лёшику в двухкомнатную квартиру, где принялась терпеливо ухаживать за своими пациентами. Но мать с ней почти не разговаривала и лежала на кровати, отвернувшись к стене. Алексей лежал, едва подавая признаки жизни, лишь время от времени поднося руки к голове, что означало – сделать укол обезболивающий. Мила частенько плакала, закрывшись на кухне, читала молитвы, которым научила её Надя, снова и снова скрепя сердце шла менять подгузники, протирать пролежни, кормить подопечных.

Прошло несколько недель. Однажды Надежду утром разбудил резкий звонок мобильного. Звонила Милашка – всхлипывая, она с трудом выговаривала слова:

– Надюша, приезжай ко мне, помоги ради Бога! Мамка умерла! Подхожу к ней – уже светало – а она лежит с открытыми глазами, рука и нога свесились с постели, видать, встать хотела. Ну меня бы позвала... А может, и звала, да я не слышала, хотя тут рядышком на диване спала. Лицо тёмное, губы сжала. «Скорую» вызвала. Да, сказали, скончалась. Надечка, уж помоги всё оформить, денежки-то есть, ведь ещё Лёшка рядом. Глядит на меня своими страшными глазами, худущий, и сказать ничего не может. Мается, бедный. Жду тебя!

Надя помчалась к своей горемычной подруге. Она жалела Милу, не понимая, за что жизнь так наказывает её, за какие же грехи достались такие испытания. Ведь Милочка – сама доброта. Да, видно, добрым-то людям и достаётся больше всех лишений и трудностей, они и становятся святыми, потому что о себе меньше всего думают.

Надя не считала себя верующей, в церковь ходила нечасто и жизнь вела не сказать чтобы праведную, но сердце у неё было отзывчивое, и никому она не желала зла, даже обидчикам. С Милкой, конечно, бывали размолвки, но обе скоро забывали о них. И сейчас Надя сделала для несчастной Милашки всё, чтобы достойно похоронить маманю. Не зная, что скоро придётся хоронить её Алексея, а потом и саму Милашку. И что утешение себе после этого она найдёт лишь в Божьем храме.

Прошла пара месяцев. Однажды Надя выходила из церкви после вечерней службы. И вдруг её окликнула незнакомая женщина, быстро подошла и заговорила просительно:

– Вы уж извините, что задерживаю, но так рада, что увидела вас. Вы ведь подруга Милы? Я вас вместе видела не раз на улице. А я Анна, бывшая жена Алексея. Как у них жизнь-то идёт? Сын меня спрашивает об отце, а я ничего не знаю. Давно он к нам не заходил, о себе не даёт никаких вестей. Уж расскажите, пожалуйста, что случилось... Может, помочь чем-нибудь надо, всё-таки я не чужая ему.

Надежда вздохнула и тихо сказала, перекрестившись:

– Ну что ж, слушайте, раз это интересует вас. Да уж, такое у них случилось, что не приведи Господи...

Она поглядела на Анну и заговорила, не пытаясь сдержать слёзы:

– Лёша болел тяжело, признали у него рак горла. В больнице лежал, сделали всё возможное, но с таким диагнозом на улучшение надеяться бесполезно. И Мила была при нём постоянно. Выписали Алексея из больницы, подруга взяла его к себе домой, а ведь у неё на руках ещё больная мать была. Милка крутилась возле них как заводная. Не представляю себе, как уж она успевала их обихаживать да лечить. Это ж какие нервы надо иметь и силы?!

Ну вот, маманя вскорости померла. Я помогла похороны устроить как положено. Осталась Милочка со своим Лёшенькой и плакала, глядя на него да переживая, что будто бы она мать свою угробила. Та не хотела, чтобы дочка сюда в квартиру больного мужика привезла. Ну что делать, покойницу не вернёшь, а Лёшка недолго, несмотря на идеальный уход, промучился. С голоду, видать, на тот свет ушёл. В гробу лежал – сущий скелет. Я опять помогала подруге с похоронами, она сама уже была как труп ходячий...

А что потом случилось – кошмар неопиcуемый! Вдруг позвонила мне соседка Милы Дуся – приезжай срочно, из-под двери Милкиной квартиры не то дым, не то пар валит! Она вызвала и пожарных, и «скорую», и полицейских. А у самой язык заплетается... Я прибежала – и что творилось в квартире! Люди, как тени, ходили в пару. Да, это был пар от кипятка. А в ванне в этом кипятке моя Милка плавала... Я в обморок... Слава Богу, тут врач «скорой» была.

Вот что произошло. Мы накануне с Милочкой у меня в квартире посидели, я её утешала, выпили немного, чтоб расслабиться, и она домой уехала. А дома ночью не спалось ей от горьких мыслей, и она закурила. В молодости только и баловалась сигаретой, и вдруг вздумала снова подымить. Закурила – и, видать, искра или вся сигарета упала ей на подол ночной рубашки... Окурки и пепел на постели потом нашли. Она побежала в ванную тушить себя да кран не тот открыла – с горячей водой, стала переключать да оступилась, видимо. Наверно, голова у неё закружилась. В общем, в ванну упала и не смогла выбраться, шок от кипятка был. А в сливное отверстие попал носовой платок, закупорил его, и кипяток

доверху наполнил ванну и стал растекаться по квартире. Ужас!!! Дуся-то пошла спозаранку мусор выносить – и увидела. Вот так и похоронила я несчастную подругу.

А гроб даже не открывали на похоронах. Хоронить пришли всего-то пять человек. От Лёхи комната осталась, сыну наследство будет. Давайте сходим к нотариусу всё узнать да оформить бумаги. Я теперь в церковь хожу, молюсь за всех моих горемычных, да и за себя тоже – накопила грехов-то.

Анна молча выслушала сбивчивый Надин монолог, казавшийся каким-то киношным триллером. Приложив к глазам маленький вышитый платочек, она тихо проговорила:

– Надо бы на могилки к ним сходить, сейчас в церкви панихиду закажу да свечки за упокой поставлю.

– Да-да, конечно, – подхватила Надя, – завтра же и сходим на кладбище, я сама собиралась. Приходите на остановку автобуса у вокзала к восьми утра.

Они распрощались. Анна пошла к церковным дверям, а Надежда, вздыхая и качая головой, заторопилась на остановку троллейбуса.

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

e-mail: agmishenkov1949@gmail.com

НОВЫЙ Российский писатель

№ 5 сентябрь 2023

Выходит с ноября 2022 года

ВЁРСТКА:
Александр Мишенков

КОРРЕКТУРА:
Галина Булатова

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:
Картина художника С.Ю. Жуковского «Осень. Веранда»

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

121069, Москва, Поварская, 52/55, стр.1, офис 32.
Тел./факс (495) 691-03-45